

per Concordiam

Журнал по проблемам безопасности и обороны Европы

■ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ МАНИПУЛИРОВАНИЕ КИТАЯ

Использование инвестиций для повышения глобального статуса

■ НОВАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ ДИНАМИКА

Важность реагирования Берлина и Группы В4

■ ВОРОТА МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ

Возможные варианты для Западных Балкан

■ ВОСПРИЯТИЕ И РЕАЛЬНОСТЬ

Беларусь поворачивается и к Западу, и к Востоку

ПЛЮС

Противостояние китайскому и российскому влиянию в Центральной Азии

Убеждая НАТО принять публичную политику в отношении Китая

Рассматривая потенциальные варианты будущего для Москвы и Пекина

СОРЕВНОВАНИЕ ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ

и будущее Европы

7 Соревнование великих держав и Европа

Д-р Граем Херд, профессор Центра им. Маршалла

Перспективы системы – государства и международные сети.

10 Экономическое манипулирование Китая в Европе

Фрэнк Моуриц, научный сотрудник Центра им. Маршалла, и Адела Шелепова, аспирантка Университета им. Чарльза

Инвестиции Пекина становятся рычагами влияния.

16 Взгляд из Центральной Европы

Малгожата Янковска, советник Министерства иностранных дел Польши

Приспосабливаясь к новой международной динамике.

22 Танцы в темноте

Д-р Вальбона Зенели, профессор Центра им. Маршалла

Запад, Китай и Россия на Западных Балканах.

30 Экономическая реорганизация

Наталья Халухан, ведущий специалист, Национальный институт стратегических исследований, Киев, Украина

Новые партнеры для Беларуси – Китай или Европейский союз?

36 Влияние Китая в Центральной Азии

Д-р Пал Дуней, профессор Центра им. Маршалла

Последствия для евроатлантического миропорядка.

42 НАТО необходима политика в отношении Китая

Подполковник Чэд Сисевски, ВВС США, старший научный сотрудник Центра им. Маршалла

Бездействие ведет к серьезным последствиям в сфере безопасности.

48 Есть ли в будущем России место для Китая?

Д-р Дрю Ниннис, научный сотрудник, бывший выпускник Центра им. Маршалла

Возможные сценарии и их последствия.

56 Сила «доверенных лиц»

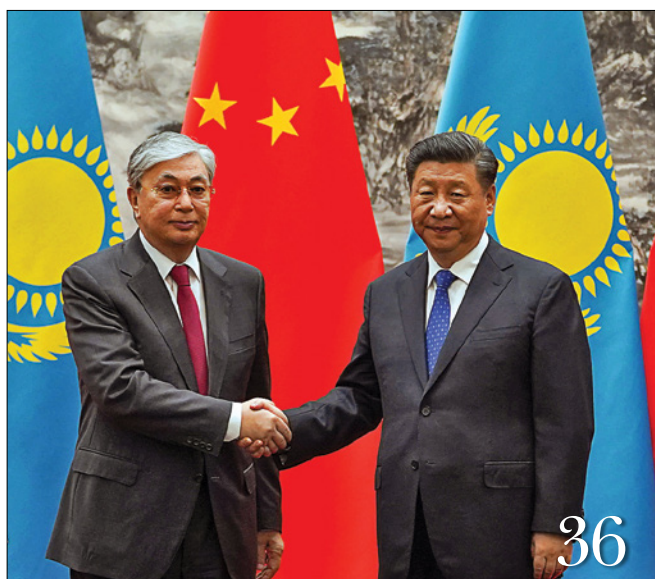
Джеймс Уитер, преподаватель Центра им. Маршалла

Российские частные военные компании и службы безопасности бросают вызов.

62 Выводы

Д-р Граем Херд, профессор Центра им. Маршалла

Осмысление конкуренции великих держав во времена COVID-19.

разделы

В каждом номере

4 ПИСЬМО ДИРЕКТОРА

5 АВТОРЫ

7 ТОЧКА ЗРЕНИЯ

66 КАЛЕНДАРЬ

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ

64 «Большие игры, местные правила, соревнование новых великих держав в Центральной Азии»

Рецензент: Патрик Сван, обозреватель журнала *per Concordiam*

Анализ стратегических интересов и политического воздействия трех великих держав – США, Китая и России – на пять бывших советских республик, известных как «станы».

42

48

56

62

на обложке:

Европа должна отвечать на кардинальные сдвиги в общемировой динамике.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ PER CONCORDIAM

GEORGE C. MARSHALL
EUROPEAN CENTER FOR SECURITY STUDIES

Представляем вашему вниманию 39-й выпуск журнала *per Concordiam*. Соревнование великих держав является определяющей парадигмой нашей эры. Именно поэтому данный выпуск *per Concordiam* рассматривает влияние Китая в Европе и его последствия для трансатлантических отношений и евроатлантической солидарности.

Д-р Граем Херд открывает этот выпуск раскрытием понятия состязания великих держав и анализом популярной концепции ловушки Фукидида, прежде чем перейти к рассмотрению соревнования великих держав через призму международных сетей, ставшее еще более заметным в условиях эпидемии COVID-19. Фрэнк Моуриц и Адела Шелепова дают более детальный анализ экономического проникновения Китая в Европу, а Малгожата Янковска рассказывает о том, как четыре государства «Вышеградской группы» рассматривают состязание великих держав и как им приходится лавировать между Китаем, Россией, США и Европейским союзом, особое внимание обратив на роль Германии. Д-р Вальбона Зенели рассмотрела вопросы влияния Китая и России на Западных Балканах, Наталья Халухан проанализировала переориентацию Беларуси, по крайней мере, на риторическом уровне, и ее усилия сбалансировать российское влияние путем экономического сближения с Китаем.

Рассматривая конкуренцию великих держав под военным углом зрения, подполковник Чэд Сисевски призывает к выработке политики НАТО в отношении Китая, за чем должно последовать образование Совета НАТО-Китай в качестве консультативного механизма для увеличения прозрачности и снижения риска эскалации конфликта. Д-р Пал Дуней анализирует влияние Китая в Центральной Азии, а д-р Дрю Ниннис заглядывает в будущее, задавая вопрос «Есть ли в будущем России место для Китая?». И наконец, Джеймс Уитер рассматривает проблемы, порождаемые использованием Россией прокси-сил. В завершении этого выпуска д-р Херд затрагивает темы, которые связывают все предыдущие статьи, такие как жизнеспособность мирового порядка с его сетевой структурой и воздействие эпидемии COVID-19 на конструкцию состязания великих держав, как мы ее понимаем, и как конкуренция великих держав реализуется на практике.

Я с удовольствием представляю вам этот выпуск и надеюсь, что содержащиеся в нем мнения и наблюдения пробудят у читателей нестандартное мышление и подскажут конструктивные политические решения, основанные на сотрудничестве стран.

Искренне ваш,

Кит В. Дейтон
Директор

Кит В. Дейтон

Директор

Европейского центра по изучению вопросов безопасности им. Дж. К. Маршалла

Кит Дейтон вышел в отставку с военной службы в Сухопутных войсках США в конце 2010 г. в звании генерал-лейтенанта, прослужив в вооруженных силах более 40 лет. Его последним назначением на действительной военной службе была должность Координатора США по вопросам безопасности между Израилем и Палестиной в Иерусалиме. В его послужном списке служба в качестве офицера-артиллериста, а также работа на посту офицера по военно-политическим вопросам при штабе Сухопутных войск США в Вашингтоне (округ Колумбия) и военного атташе США в Российской Федерации. В его послужном списке работа на посту директора аналитической группы по Ираку в ходе операция «Свобода Ирака». Генерал-лейтенант Дейтон проходил стажировку в Колледже для старшего руководящего состава при Гарвардском университете. Он также являлся старшим стипендиатом от Сухопутных сил США в Совете по международным отношениям в Нью-Йорке. Генерал-лейтенант Дейтон имеет степень бакалавра истории от Колледжа Вильгельма и Марии, степень магистра истории от Кембриджского университета, а также степень магистра международных отношений от Южнокалийфорнийского университета.

Подполковник Чэд Сисевски – старший научный сотрудник Центра им. Маршалла. Он инструктор и пилот-эксперт по оценкам таких самолетов как C-17, KC-135R и C-21. У него обязанности адъютанта при штабе Воздушно-мобильного командования и офицера по планированию в Транспортном командовании. Он бывший командир эскадрильи самолетов C-17 ВВС США на объединенной базе Перл Харбор-Хикам на Гавайях.

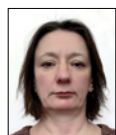
Д-р Пал Дуней – профессор Центра им. Маршалла, специализирующийся на вопросах европейской безопасности и НАТО, а также академический советник следующих программ Центра: «Прикладные исследования вопросов безопасности», «Семинар по вопросам восточно-европейской безопасности» и «Краткий курс для старших руководителей». До этого он был директором Академии Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе и директором Международного обучающего курса по политике безопасности в Центре политики безопасности в Женеве и директором Института международных отношений в Венгрии.

Наталья Халухан, ведущий специалист Национального института стратегических исследований. Киев, Украина. У нее степень бакалавра в международных экономических отношениях от Киевского национального экономического университета; она также является аспиранткой программы исследований международной безопасности, которую совместно ведут Центр им. Маршалла и Университет Бундесвера в Мюнхене. В Центре им. Маршалла она была участницей программ «Прикладные исследования проблем безопасности» и «Терроризм и исследования проблем безопасности», а также семинара «Региональная безопасность».

Д-р Граем Херд – профессор, специализирующийся на вопросах международной безопасности, и заведующий кафедрой Исследований и политического анализа Центра им. Маршалла. Он руководит исследовательским проектом, анализирующим стратегическое поведение России. Этот проект реализуется в Центре им. Маршалла и финансируется организацией «Инициатива российской стратегии». До этого он возглавлял Программу международной безопасности Центра политики безопасности в Женеве. Он имеет степень магистра в истории/ классических исследованиях от Университета Абердина в Шотландии и докторскую степень по истории России от Университета Абердина.

Малгожата Янковска – советник Министерства иностранных дел Польши, где она возглавляет отдел, отвечающий за международное сотрудничество в Департаменте Азии. До этого она работала в Постоянном представительстве Польши в НАТО, в Европейском союзе, а также в качестве национального эксперта в Европейской службе внешних действий.

Фрэнк Моуриц – научный сотрудник Центра им. Маршалла и в Университете Бундесвера в Мюнхене. Он пишет докторскую диссертацию в Университете Кёльна и имеет степень магистра в международной политике и вопросах Восточной Азии от Университета Уорвика.

Д-р Дрю Ниннис – советник министра обороны Австралии по вопросам научных исследований и связей. Он аналитик по вопросам разведки и развития оборонных возможностей, а также преподаватель Австралийского национального университета. У него докторская степень от Австралийского национального университета; он также был в 2013 г. слушателем программы «Прикладные исследования вопросов безопасности» в Центре им. Маршалла.

Адела Шелепова – аспирантка программы исследования безопасности Университета им. Чарльза в Праге, от которого она ранее получила степень бакалавра в политических науках и международных отношениях. Ее дипломная работа была посвящена стратегической культуре послевоенной Японии. В Центре им. Маршалла она была интерном и проводила исследование экономического влияния Китая на остальные страны мира.

Джеймс Уитер – преподаватель, специализирующийся на исследовании вопросов национальной безопасности, и директор программы стипендиатов из числа старших руководителей в Центре им. Маршалла. У него степень магистра в стратегических исследованиях от Университета Уэльса; степень магистра в управлении бизнесом от Open University в Великобритании; степень бакалавра в исторических науках от Kings College при Лондонском университете; и аспирантский диплом специалиста по совершенствованию образования от Колледжа Гарнетта при Лондонском университете.

Д-р Вальбона Зенели – заведующая кафедрой Стратегических инициатив Центра им. Маршалла. Она руководит программами «Военная реформа в Украине», «Руководители старшего звена», направленной на расширение кругозора парламентариев, «Группа Лойсака» (совместно с мюнхенской конференцией по безопасности) и «Балканская инициатива 360».

СОРЕВНОВАНИЕ ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ

Том 10, № 3, 2020

Пишущий редактор
Д-р Граем Херд

*Европейский центр
по изучению вопросов
безопасности им.
Дж. К. Маршалла:*

Руководство

Кит В. Дейтон
Директор

Дитер Э. Барейс
Заместитель директора (США)

Гельмут Доцлер
Заместитель директора (Германия)

Центр имени Маршалла

Европейский Центр по исследованию вопросов безопасности имени Джорджа К. Маршалла — это совместный немецко-американский центр, основанный в 1993 г. Задачей центра является поддержка диалога и понимания между европейскими, евразийскими, североамериканскими и другими государствами. Тематика его очных курсов обучения и информационно-разъяснительных мероприятий: большинство проблем безопасности в 21 веке требуют международного, межведомственного и междисциплинарного подхода и сотрудничества.

Контактная информация:

per Concordiam editors
Marshall Center
Gernackerstrasse 2
82467 Garmisch-Partenkirchen
Germany
editor@perconcordiam.org

per Concordiam является профессиональным журналом, публикуемым ежеквартально Европейским командованием США и Европейским центром по изучению вопросов безопасности имени Джорджа К. Маршалла, посвященный вопросам обороны и безопасности в Европе и Евразии для ученых и экспертов, занимающихся проблемами обороны и безопасности. Высказанные в журнале взгляды не обязательно отражают политику или точку зрения этих организаций или других государственных ведомств Германии и США. Мнения, высказанные авторами статей, принадлежат исключительно этим авторам. Министр обороны принял решение о том, что публикация этого журнала необходима для поддержания связей общественностью, как того требует от Министерства обороны США действующее законодательство.

ISSN 2166-4080 (печатные издания)
ISSN 2166-417X (интернет)

ДВОЙНОЙ ОБЪЕМ ОНЛАЙН

Читайте новые и старые выпуски *per Concordiam*

<https://perconcordiam.com>

Отправляйте статьи, отзывы и запросы на подписку в
Центр им. Маршалла по адресу: editor@perconcordiam.org

Еженедельно получайте самые свежие новости о
глобальной безопасности

transnational
weekly
<https://www.marshallcenter.org>

СОРЕВНОВАНИЕ ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ И ЕВРОПА

Перспективы системы – государства и международные сети

Д-р Граем Херд, профессор Центра им. Маршалла

В США существует согласие между двумя партиями относительно того, что самую серьезную угрозу Соединенным Штатам в долгосрочной перспективе представляет именно Китай, поскольку в США пришли к пониманию того, что цена принятия национальных интересов и идеологии Китая будет выше плюсов от сотрудничества с ним. К 2015-2016 гг. стало очевидным, что США переоценили свои возможности заставить Китай соблюдать базовые международные правила (определенные Западом). Они также недооценили жизнестойкость, предприимчивость и безжалостность Коммунистической партии Китая (КПК) в преумножении своего богатства, сохранении своей монополии на власть, в способности избегать жестких мер противодействия со стороны Запада и в восстановлении своего статуса действительно мировой державы. Вместо того, чтобы провести реформы и стать открытой страной, Китай провел реформы и закрылся.

При президенте Си Цзиньпине КПК создала еще более персоналистический, авторитарный, репрессивный, милитаристский и националистический режим. Китай – это партийное государство с административно-командной, централизованной, экстрактивной и деспотичной системой (приватизированного олигархического капитализма). Нечестная торговая практика, несоблюдения правил и обоюдной выгоды при доступе к рынкам, хищение интеллектуальной собственности, принудительная локализация данных и раскрытие источников и кодов считаются в КПК преимуществами, которыми Китай должен пользоваться в мировой конкуренции. Китайская модель управления характеризуется авторитарными нормами, основанными на передовых технологических алгоритмах. Это полицейское государство ленинского типа, практикующее «общественно-кредитную систему» и «общественное управление», подкрепленные Законом о национальной разведке (2018 г.), Законом о кибербезопасности (2018 г.) и Законом о национальной безопасности (2015 г.). И эта ущербная модель управления может экспортироваться в другие страны.

Еще в 2013 г. КПК под руководством Си Цзиньпина на 3-м пленуме XVIII-го съезда выпустила «Коммюнике о нынешнем положении дел в идеологической сфере», известное как «Документ 9». Позднее произошла утечка

этого документа. Он предупреждал партию о необходимости борьбы с семью политическими «угрозами», такими как конституционализм, гражданское общество, «нигилистский» подход к истории, «универсальные ценности» и продвижение «западных представлений о СМИ». В конечном итоге, демократические институты, права человека, верховенство закона, независимая журналистика и «универсальные ценности» представляют угрозу для самого существования КПК. Китай использует «стратегию Троянского коня», поддерживая нынешнюю международную систему с тем, чтобы занять гегемонистское положение и продвинуть вперед китайскую модель правления («сделать китайскую модель правления моделью правления ООН»).

Осознав это стратегическое направление, в котором движется Китай, американские оценки угроз и рисков трансформировались кардинальным образом. В Стратегии национальной безопасности США (СНБ), принятой в декабре 2017 г., указывается, что «США должны удерживать преимущества» и сохранять «сочетание возможностей на достаточном уровне, чтобы не допустить успех противника». СНБ США и принятая в 2018 г. Стратегия национальной обороны сосредоточены на отдельных государствах, главным образом «на Китае, а не на России». Эти документы утверждают правило нулевой суммы в конкуренции мировых великих держав за перестройку отношений, пересмотр концепции взаимозависимости и повышение статуса этих государств в международной системе.

Это является отказом от стратегии Запада в отношении Китая, сохранявшейся на протяжении 40 лет при лидирующей роли США и базировавшейся на двух принципах – вовлеченность и сохранение баланса. Предполагалось вовлекать Китай в сотрудничество во всех сферах (экономической, научной и культурной), а с 90-х гг. также и поддерживать баланс с ним с использованием военных инструментов. Целью такой стратегии было сдерживание китайской агрессии и поддержание стабильности в азиатско-тихоокеанском регионе. Политика вовлечения Китая в сотрудничество была направлена на то, чтобы сделать Китай ответственным игроком в общей мировой игре и выбросить соревнование великих держав на свалку истории. Эта политика вовлечения основывалась на нескольких

ключевых концепциях, которые позднее оказались в корне несостоятельными:

- рост экономики и торговли неизбежно приведет к либерализации общества, поскольку зажиточный средний класс с его растущими надеждами и ожиданиями будет требовать от КПК реформ, что приведет к постепенному изменению модели управления страной, большому уровню прозрачности, подконтрольности и открытости, включая более сильное гражданское общество, надежное верховенство закона и систему сдержек и противовесов. Предполагалось, что страна не может быть одновременно и богатой, и коммунистической, и что, когда Китай станет богатым, он будет вынужден провести либеральные реформы.
- Экономические нормы свободной торговли, внутренняя маркетизация и глобализация должны были поднять общение Китая с остальным миром на такой уровень, когда он примет общие международные правила поведения и придет к пониманию того, что использование военной силы нерационально с экономической точки зрения. Вера в то, что Китай присоединится к остальному миру, основывалась на понимании того, что любое государство является партнером сотрудничества, если не сейчас, так позже, и что основной упор не на защиту прав человека, а на торговлю и экономическое развитие будет наилучшим способом улучшить со временем и ситуацию с правами человека.
- Китайские компании не станут конкурентами на западных рынках, скорее наоборот – западные компании пробьются на китайский рынок и будут получать там прибыль.
- Западная стратегия вовлечения Китая в сотрудничество была ответом на инициативу реформ и открытости, выдвинутую Дэн Сяопином в 1979-1981 гг., когда Запад противостоял в холодной войне одновременно Китаю и Советскому Союзу. Считалось, что Китай с рыночными основами, хотя и с коммунистическим правлением, будет менее ориентирован на Советский Союз и менее совместим с ним. Эти геостратегические расчеты времен холодной войны сыграли роль в формировании американской политики в отношении Китая.

Соревнование великих держав: государство в центре внимания и ловушка Фукидида

Теории стабильности гегемона и перехода власти являются теориями «конфликтующих перемен»: неудержимая сила пытается сдвинуть с места недвижимый предмет, и это приводит к войне. Восходящая крупная держава бросает вызов и пытается изменить правила существующей системы, перекроить сферы влияния и даже территориальные границы. Эти теории уходят корнями во времена Фукидида, написавшего 2 тыс. 500 лет назад свой труд «История Пелопоннесской войны». Фукидид отмечал: «Рост могущества Афин и тревога, которую это вызвало у Спарты, сделали войну неизбежной».

Как считает Грэм Эллисон, известный автор многих книг и ведущий ученый Центра Белфера в Гарвардском университете, Китай и США стоят перед опасностью попасть в ловушку Фукидида. В соответствии с этой

теорией, роль Афин играет Китай, растущий, динамичный, могучий и бросающий вызов, в то время как роль Спарты играют США – неуверенная в себе (испытывающая «страх» или «тревогу») устоявшаяся, но ослабевающая держава. К структурным стрессам международной системы, таким как сдвиги в стратегическом балансе, изменения в распределении материальных возможностей и в глобальном экономическом центре притяжения, добавляется еще и эмоциональный стресс.

«Синдром восходящей державы» предполагает, что держава, начавшая свой рост позже других, и догнавшая и перегнавшая существующую доминирующую державу, будет стараться изменить условия сделки, ранее заключенной с прежней ведущей державой. Этот синдром подразумевает, что неуверенность устоявшейся страны относительно будущих намерений восходящего государства и необходимость соблюдать свои нынешние обязательства приведут к тому, что США могут рассматривать нанесение превентивного удара по Китаю (восходящей державе) как вполне рациональное решение. Политическая психология утверждает, что чувства, переживания и эмоциональные перемены могут оказывать очень сильное влияние. Чувства гордыни, чрезмерной самоуверенности, возмущения и амбициозности у восходящей державы входят в понятие собственных неотъемлемых прав. И наоборот, страх, преувеличенное чувство неуверенности и паранойи – это те эмоции, которые переживает правящая держава, готовая защищать статус-кво, и которые ведут к преждевременному созданию вокруг нее «защитной оболочки», желанию нанести упреждающий удар и ранам, нанесенным самой себе.

Переломный момент наступает тогда, когда бросающая вызов держава гораздо большую ценность видит в том, чего она хочет добиться, чем в том, чем она уже в данный момент владеет, и стремление получить желаемое становится настолько сильным, что она готова использовать силу принуждения, чтобы изменить статус-кво. В такой ситуации и оглянуться не успеешь, как медленно разгорающийся конфликт приведет к войне. Согласно этому сценарию, торговая война разрастается и приводит к разъединению двух крупнейших экономик мира (40% валового внутреннего продукта, или ВВП), к распаду глобальной системы торговли, исчезновению сдерживающих факторов в американо-китайском геополитическом противостоянии и дальнейшей эскалации конфликта, что сделает войну «неизбежной». Этот путь не обязательно должен быть медленным, он может быть и быстрым, он может быть вызван какой-то непредвиденной или кризисной ситуацией в связи с Тайванем, спором из-за островов в Южно-Китайском море или острыми противоречиями, ошибками в расчетах и внезапным обострением двухсторонних отношений. Как медленный, так и быстрый путь к войне будет запутанным и создавать ощущения безвыходности из-за обязательств перед союзниками и отношений с державами второго ряда.

Тезис о ловушке Фукидида основывается на ряде довольно сомнительных предположений. Во-первых, учитывая, что либерально ориентированный международный порядок не является единым слаженным гегемонистским порядком, навязанным Соединенными Штатами, а скорее набор сложных многоуровневых,

многогранных плюралистских глобальных международных соглашений и институтов, которые функционируют в таких неоднородных областях как торговля, контроль над вооружениями, окружающая среда и права человека, настолько ли сильна неудовлетворенность Китая, что он станет государством-ревизионистом, бросающим вызов существующей системе? Во-вторых, если Китай отделится от мира, сможет ли он выжить? В-третьих, крупные державы или международные институты смогут выступить посредниками и снизить напряженность конфликта. В-четвертых, действительно ли Китай настолько силен как кажется, особенно в контексте COVID-19? В-пятых, наличие у обеих стран ядерного оружия делает сценарий Фукидида нереалистичным. Принцип гарантированного взаимного уничтожения и практическое расположение военных сил снижают вероятность «горячей» войны.

И наконец, действительно ли США настолько слабы, как предполагает теория ловушки Фукидида? Нет. Доллар доминирует со статусом единственной валюты международного валютного резерва. США имеют значительное экономическое превосходство и независимость в плане энергоносителей. ВВП Китая составляет 60% от ВВП США. У Китая нет реальных союзников, и он окружен крупными странами, являющимися союзниками США (Япония, Южная Корея и Австралия), а также значительными американскими силами передового базирования; кроме того, у США преимущество в вооружениях, расходах на оборону и технологиях. У США структурно выгодное положение ведущей державы, играющей роль стабилизатора системы, которую они создали и в которой занимают привилегированное место. Прямые иностранные инвестиции США в глобальную экономику дают им «возможности командовать» при принятии решений в этой сфере. США могут получать выгоды, не прибегая к принуждению, поскольку эти выгоды они делят с другими.

Сетецентричное понимание соревнования великих держав

Доминирующее в США понимание соревнования великих держав, где основное внимание сосредоточено на определенных государствах, может иметь последствия для Европы. В чем состоит роль «невеликих держав» и их отношений с великими державами? Следует ли Европейскому союзу сравнить свою геополитическую силу со своей экономической мощью и стать «великой державой». Не будет ли это означать многополярность и равноудаленность? Сможет ли стратегия конкуренции сбалансировать краткосрочные затраты/риски с долгосрочными выгодами?

Германия также получила вызов некоторым старым ошибочным концепциям. С российской аннексией Крыма в 2014 г. стало ясно, что притягательный рыночно-демократический универсализм не привел к интеграции России в Великую Европу, руководимую безобидными и благосклонными Соединенными Штатами. К 2018-2019 гг. Германии также стало не менее ясно, что экономическая модернизация в Китае не создала непреодолимого стремления к либерализации общества, большей прозрачности, подконтрольности и открытости. Теория конвергенции («они будут такими как мы») и теория взаимодополняемости («мы делаем хорошо то, что они не

могут») более не применимы к Китаю.

Сетецентричное понимание соревнования великих держав признает, что понятие силы как таковой становится более расплывчатым, перетекающим от государственных к негосударственным субъектам (конгломератам, СМИ), из военной в экономическую сферу и из евроатлантического региона в азиатско-тихоокеанский. Этот процесс размывания силы движим цифровой революцией, которая также чревата последствиями и трансформациями, как и индустриальная революция, только по масштабам гораздо большими, а по скорости гораздо более быстрыми. Системный эффект этой революции – создание сетецентричного мира с постоянно возрастающими международными потоками товаров, услуг, финансов, идей и информации.

Этот порядок, в центре которого находятся не отдельные государства, а международные сети, строится на глобальной социэкономической инфраструктуре, в основе которой лежат узловые центры. По классификации Всемирного банка, США и Европа по сути являются в высшей степени взаимосвязанными «узловыми» финансовыми и сервисными центрами, в то время как Китай – это «простой» центр в цепи производства и поставок. Эти центральные узловые центры постоянно стремятся к оптимизации сетевой продуктивности и используют в своих интересах экономики различных стран в зависимости от их масштабов и специализации.

Современный мир, однако, также уязвим к невоенным источникам неуверенности и давления, таким как экономическое принуждение, кампании дезинформации и кибератаки. Узловые центры – это те единичные точки, в которых потенциально может произойти сбой. Эти центры могут переживать системные потрясения, и тот факт, что они играют центральную роль в международной системе (их функция великой державы), может привести к системному параличу. Государства стоят перед лицом угроз, которые не признают государственной суверенитет и территориальную целостность, таких как эпидемии, изменения климата, финансовые кризисы, враждебно настроенный искусственный интеллект и разрушающие биотехнологии. У этих транснациональных угроз нет гражданства и паспортов.

Взаимозависимость и взаимосвязанность порождают угрозы, с которыми ни одно государство не справится в одиночку, но они также являются факторами, ускоряющими процессы сотрудничества и координации, необходимые для устранения этих угроз. Например, считается, что для борьбы с COVID-19 было бы целесообразно ввести временное и скоординированное разъединение, способствующее диверсификации, чтобы снизить риск, и создать функциональную избыточность, чтобы сделать сети финансирования, общественного здравоохранения и поставок продовольствия более прочными и жизнеспособными, а значит и менее уязвимыми. Таким образом, в соответствии с этой сетецентричной трактовкой соревнования великих держав, с кем вы окажетесь связанными, и что вы делаете для того, чтобы защитить и дальше развить это состояние связанности путем диверсификации и создания запасов, и будет тем стратегическим призом, который вы выиграете в этом соревновании. Сетевая политика вытеснила политику силовую. □

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ МАНИПУЛИРОВАНИЕ КИТАЯ

— В ЕВРОПЕ —

ИЛЛЮСТРАЦИЯ PER CONCORDIAM

ИНВЕСТИЦИИ ПЕКИНА – РЫЧАГИ ВЛИЯНИЯ

Фрэнк Моуриц, научный сотрудник Центра им. Маршалла
и **Адела Шелепова**, аспирантка Университета им. Чарльза

Китай представляет собой образец успешного экономического развития. Ежегодный прирост валового внутреннего продукта (ВВП) в стране с 90-х гг. постоянно превышал 8% вплоть до 2010-х гг., и по оценкам, в 2019 г. этот показатель хоть и несколько снизился, но все равно превысил 6%. Этот устойчивый экономический бум привел к исторически беспрецедентному росту богатства и уровня жизни. В начале 80-х гг. более половины населения Китая жило за чертой бедности. Сегодня же китайцы стоят на первом месте в мире по покупкам предметов роскоши. Экономические успехи Китая вызывают восхищение и детально изучаются во всем мире.

Все большее число стран поддаются искушению перенять экономический подход Пекина и заменить модель свободного рынка на управляемый государством капитализм. Особенно привлекательна эта модель для развивающихся стран, у которых пример Китая порождает надежды на то, что и они тоже смогут догнать развитые страны. Даже некоторые европейские страны обращают взоры к Пекину в поисках экономических ориентиров. Вашингтонский консенсус экономических реформ скоро может быть заменен на Пекинский консенсус. Как следствие этого, не удивительно, что страны по всему миру активно добиваются сотрудничества с Китаем с тем, чтобы получать выгоды от экономического взлета Китая и стать частью экономического чуда.

Для Китая же этот климат означает возможность использовать экономические средства для повышения своего глобального политического влияния. В зависимости от экономической ситуации конкретной страны, Китай использует различные формы экономического маневрирования, приспосабливаясь под специфические экономические потребности каждой страны. В широком плане, развитые экономики в основном заинтересованы в торговом сотрудничестве между местными и китайскими компаниями; экономики средней категории в основном хотят привлечь китайские инвестиции для развития местных бизнесов; а развивающиеся и совсем молодые государства, как правило, хотят получить китайские займы для финансирования своих проектов развития.

Александр Вучич, справа, бывший в то время премьер-министром Сербии, и чешский президент Милош Земан – два европейских лидера наиболее благосклонно относящиеся к присутствию Китая в их национальных экономиках – на Форуме за международное сотрудничество в проекте «Один пояс – один путь» в пригороде Пекина. GETTY IMAGES

В Европе китайская модель экономического развития вызывает неоднозначную реакцию. В странах с развитой экономикой, таких как Франция и Германия,

тесное экономическое сотрудничество с Китаем стало подвергаться критике после того, как китайские государственные компании стали скупать большие доли акций в ключевых экономических секторах этих стран.

Многие страны со средним экономическим потенциалом, тем не менее, приветствовали Китай с распростертыми объятиями. Возьмем, например, Чешскую Республику: президент Милош Земан надеется, что его страна станет «непотопляемым авианосцем инвестиционного наступления Китая» и обещал привлечение китайских инвестиций к концу 2020 г. на сумму в 8,3 млрд. евро. Когда китайский конгломерат CEFC China Energy в 2015 инвестировал 1 млрд. долл. в финансовую компанию, авиакомпанию, медийное издание и старейший чешский футбольный клуб «Славия Прага», то Земан в знак благодарности назначил исполнительного директора CEFC Йе Жиньминя своим специальным экономическим советником. В этой роли Йе Жиньминь был в составе официальной чешской делегации во время государственного визита Земана в Китай. Включение иностранца в состав делегации, прибывшей с государственным визитом в страну, гражданином которой является этот иностранец, не только было беспрецедентным для Чешской Республики, но и вызвало раздражение у китайских дипломатов. В настоящее время Йе Жиньминь находится под стражей в Китае по обвинению в экономических преступлениях, а скупленные CEFC акции иностранных компаний перешли к китайской государственной компании CITIC, чтобы минимизировать ущерб для репутации страны. В результате китайские инвестиции упали до 90 млн. евро в 2019 г., что поставило Китай лишь на 20-е место среди крупнейших иностранных инвесторов в Чешской Республике.

Несмотря на неудачный опыт экономического сотрудничества с Китаем, Земан не оставил надежды на тесное экономическое сотрудничество с этой страной и настойчиво отвергает более жесткие правила ЕС, относящиеся к предварительной проверке иностранных инвесторов. Он один из очень немногих европейских государственных деятелей, которые открыто стали на сторону Huawei в идущих в ЕС дебатах относительно того, насколько безопасно использовать оборудование Huawei в национальных сетях 5G. Земан неоднократно заявлял, что обвинения Huawei в шпионаже и обеспокоенность относительно того, что компания будет заниматься этой длительностью и в будущем, голословны и называл идущие политические дебаты на этот счет несправедливыми нападениями, чем вызывал разочарование и несогласие у служб безопасности страны.

Желание стран, таких как Чешская Республика, привлечь китайские инвестиции и займы может использоваться Пекином в качестве инструмента внешней политики. «Один пояс – один путь» (ОПОП), или как теперь ее называют китайцы, Инициатива пояса и дорог, является глобальной стратегией Китая по развитию инфраструктуры и инвестиций и представляется логическим шагом в использовании сегодняшней

привлекательности Китая в мире. Страны хотят участвовать в ОПОП, чтобы стать экономическими партнерами Китая и получить доступ к китайским займам для инфраструктурных проектов, даже если экономическая целесообразность этих проектов сомнительна. Выгода Китая в том, что будут построены новые автомобильные и железные дороги, порты и трубопроводы, позволяющие более эффективно соединять его экономику с остальным миром. Китай рассчитывает, что ОПОП повысит его репутацию в мировой системе ценностей и расширит его экспортные рынки. Еще одна выгода состоит в том, что китайские строительные компании обычно получают подряды на строительство инфраструктурных объектов. Таким образом, ОПОП также является и проектом, стимулирующим строительный сектор Китая как раз в то время, когда инфраструктурное развитие в самом Китае подходит к своему пределу и замедляется.

Наиболее крупный китайский заем под инфраструктурный проект в Европе был предоставлен Черногории на строительство скоростного шоссе Бар-Подгорица-Белград. Шоссе будет соединять Бар, основной морской порт Черногории, со столицей страны Подгорицей и протянется до границы с Сербией. В Черногории в настоящее время отсутствуют скоростные шоссе, и руководство страны надеется, что эта новая дорога повысит возможность связи между отдельными пунктами страны, а также и остальной Европы, став частью европейской сети шоссе-ных дорог. На сегодняшний день Китай предоставил займы на 1,3 млрд. евро; причем 85% этой суммы выплатил государственный Экспортно-импортный банк Китая. Это огромная сумма для Черногории, страны, весь ВВП которой в 2018 г. составлял примерно 4,6 млрд. евро.

Подряд на строительство дороги был отдан компании China Road and Bridge Corp. (CRBC) без проведения открытого тендера и в такой спешке, что в договоре о подряде очень много недоработок, например, не были предусмотрены дополнительные короткие полосы, позволяющие въезжающим с примыкающих дорог автомобилям безопасно влиться в поток движения на скоростном шоссе. Контракт освобождает CRBC от налогов на добавленную стоимость и таможенных пошлин в Черногории, и поскольку большинство рабочих прибыли из Китая, то местная экономика выиграла очень мало. Государственный долг вырос с 63% от ВВП в 2012 г. до 80% в 2019 г. в основном из-за проекта строительства шоссе. Первые 41 км дороги уже построен, но строительство следующих 80 км пока под вопросом, поскольку Черногория сталкивается с проблемами перефинансирования долга, несмотря на смещение в сторону модели партнерства общественного и частного сектора, что, возможно, приведет к тому, что построенная дорога станет платной.

Американский «мозговой трест» Центр мирового развития предупреждает, что Черногория столкнулась с опасностью попасть в долговую петлю из-за

возможной финансовой ситуации, связанной с проектом ОПОП. Этот риск будет особенно высок, если новое шоссе не принесет желаемый экономический эффект. Сербия задерживает строительство участка дороги от Белграда до границы с Черногорией, порождая опасения, что это просто окажется дорога в никуда. Даже если Сербия и построит свой участок дороги, все равно сомнительно, что движение по этой дороге оправдает затраты на ее строительство. Черногория дважды предприняла попытки получить финансирование от Европейского инвестиционного банка, и оба раза неудачно, поскольку изучения целесообразности, проведенные международными консалтинговыми компаниями в 2006 г. и в 2012 г., сделали заключения об экономической несостоятельности проекта. В худшем случае Черногория окажется с огромным долгом перед Китаем, и не сможет поднять свой ВВП настолько, чтобы быть в состоянии выплатить эти займы. Контракт защищает Китай от дефолта по займу, давая ему право претендовать на территорию в качестве залогового обеспечения. В контракте также оговорено, что любое урегулирование споров будет проходить в Китае. Однако, даже большую ценность для Китая может представлять получение политического влияния. Черногория -- член НАТО и кандидат на членство в ЕС. Политический союзник и плацдарм на юго-восточном фланге Европы может быть Китаю полезным. Некоторые воинственно настроенные комментаторы даже выражают тревогу по поводу того, что Китай может потребовать доступа для своих торговых и военных судов к портам Черногории в качестве альтернативной формы оплаты долга.

А если взглянуть более широким взглядом, то можно прийти к выводу о том, что, хотя Черногория очень маленькая страна и не имеет большого веса в политическом смысле, она может служить отправной точкой для возросшего китайского влияния на Балканах и в Восточной Европе. Китай начал диалог с 17 странами Восточной и Юго-Восточной Европы, выразившими желание участвовать в проекте ОПОП. В числе стран т.н. инициативы Сотрудничества между Китаем и странами Центральной и Восточной Европы (Китай - СЦВЕ), или 17+1, есть страны Западных Балкан, такие как Черногория и Сербия, но также есть и 11 членов ЕС, включая Чешскую Республику. И хотя еще рано говорить о том, будет ли Китай -- СЦВЕ успешным форматом или нет, в нем содержится возможность того, что соревнование великих держав в этой части мира может оказаться в пользу Китая. Перед балканскими странами особенно остро стоит выбор между сближением с Европой и США и более глубоким сотрудничеством с Китаем. В какой-то степени такая позиция понятна, поскольку в полной интеграции в политические структуры Запада этим странам пока отказано, а Китай представляется очень привлекательным альтернативным партнером из-за своей динамичной экономики.

Управляющий директор китайской компании COSCO Фу Ченг Киу во время пресс-конференции в греческом порту Пирей. COSCO владеет большинством акций этого крупнейшего порта Греции. РЕЙТЕР

Однако, как показывает опыт Чешской Республики, даже страны-члены ЕС, имеющие доступ к финансированию проектов развития через Европейские структурные и инвестиционные фонды, не защищены от китайского влияния. Греция стала последней в списке стран-членов ЕС, присоединившихся к проекту Китай -- СЦВЕ (в апреле 2019 г.), что расширило эту инициативу от формата 16+1 до формата 17+1. Бывшее правительство левого толка Алексиса Ципраса было очень положительно настроено по отношению к Китаю. С 2014 г. Греция и Китай подписали несколько соглашений о сотрудничестве и коммерческих контрактов на общую сумму в 4 млрд. долл. Наиболее важным китайским приобретением стал порт Пирей. Государственная компания China Overseas Shipping Group Co. (COSCO) начала инвестировать в инфраструктуру гавани еще в 2008 г., когда у порта Пирей была пропускная способность всего 430 тыс. контейнеров в год. COSCO вложила сотни миллионов долларов и повысила пропускную способность порта до 4 млн. контейнеров в год. С 2017 г. у COSCO 67% акций Управления порта Пирей; она также получила концессию на 40 лет на управление коммерческой частью гавани. Китай хочет использовать порт в качестве транзитного узла для «Морского Шелкового пути» и ворот в Южную Европу. Помимо стратегической важности инвестиций Китай также зарабатывает и политические дивиденды от своей бизнес-деятельности в Греции. Греция заблокировала критику со стороны ЕС положения с правами человека в Китае на заседании Совета ООН по правам человека, а также вмешалась, когда ЕС хотел осудить притязания Китая на территории в Южно-Китайском море после того, как Постоянный арбитражный суд вынес решение в пользу Филиппин. Посмотрим, изменит ли курс консервативное правительство Кириакоса Мицотакиса, пришедшее к власти в июле 2019 г. Традиционно консервативная партия Nea Dimokratika выступает за тесные связи с Западом, однако высокая степень экономической зависимости от Китая делает нереалистичным

Греческий порт Пирей недалеко от Афин является основным терминалом, через который китайские товары поступают в Европу. РЕЙТЕР

перемену курса в ближайшем будущем.

Черногория и Греция – две страны из небольшой группы европейских стран, участвующих в проекте ОПОП, в которых Китай уже действительно реализует крупномасштабные проекты. Большинство других стран все еще ожидают начала работ над запланированными или обещанными проектами. Просто поразительно, насколько страны стремятся присоединиться к формату 17+1, когда еще до сегодняшнего времени эта инициатива в основном основывается на обещаниях, а экономическая целесообразность предполагаемых проектов вызывает сомнения. Строительство скоростной железной дороги из Будапешта через Белград до Пирея отстает от графика уже на несколько лет, и в соответствии с оценками, проведенными венгерскими специалистами, потребуются как минимум 130 лет, прежде чем вложенные инвестиции начнут окупаться. Однако, обещаний и завышенных ожиданий сейчас достаточно, чтобы сблизить многие европейские страны с Китаем и пересмотреть некоторые аспекты своей политической лояльности.

Это положение дел, однако, может измениться, если Китай и дальше не будет выполнять свои инвестиционные обязательства. За последние два года объемы инвестиционных займов в странах формата 17+1 снизились. Китай понизил уровень зарубежного сотрудничества, поскольку уже инвестировал огромные средства в проекты ОПОП по всему миру, а также и потому, что замедленный рост экономики у себя в стране сократил уровень доходов. Некоторые аналитики видят в сокращении иностранных инвестиций признак начала «усталости от Китая». Вполне возможно, что эпидемия COVID-19 только усугубит эту тенденцию. По китайской экономике внутри страны был нанесен тяжелый удар, и, скорее всего, быстро от него она не оправится. Таким образом, какое-то время основное внимание Китая будет сосредоточено на положении внутри страны и будет меньше денег тратиться за границей.

В то же время, эпидемия COVID-19 открывает возможности более интенсивных отношений с европейскими странами, нуждающимися в медицинском

оборудовании и экспертах. Италия, Испания и другие европейские страны благодарны Китаю за поставки масок и респираторов, особенно когда механизм распределения ресурсов внутри ЕС не сработал. В результате это может привести к значительному росту имиджа Пекина среди населения стран-членов ЕС, укрепив таким образом «мягкую силу» Китая. Самолет с китайскими медицинскими товарами для Чешской Республики в аэропорту встречала половина членов правительства страны, и сообщалось, что некоторые из них готовы были расплакаться. Это можно считать отличными примерами китайской внутренней и внешней пропаганды. Земан попробовал приписать себе заслугу этой доставки медицинских товаров, утверждая, что они прибыли только благодаря его хорошим отношениям с Китаем. При этом он не упомянул, однако, что за доставленные товары от должен был заплатить по цене, выше рыночной. Возможно, это и не имеет значения, поскольку сейчас бытует представление, что эти медицинские поставки были добровольным пожертвованием со стороны Китая.

Китай стремится позиционировать себя как благодетеля в сфере общественного здравоохранения и в роли образца для подражания в борьбе против вируса, что может способствовать завоеванию им определенных плюсов в международном соревновании великих держав. Когда в ЕС стали подходить к концу запасы медицинского защитного оборудования, и когда ЕС приостановил свой экспорт, то Сербия, кандидат на членство в Евросоюзе, объявила о том, что европейская солидарность умерла, и обратилась к Китаю за помощью. Этот инцидент может стать поворотным пунктом в международной ориентации Сербии. Разочарованная очень медленным процессом принятия ее в члены ЕС, Сербия уже интенсифицировала экономические отношения с Китаем и приобрела у Китая боевые беспилотники. Другие страны также могут обратиться к Китаю «за спасением», и похоже, что Китай готов оказать им помощь.

У Китая хорошая репутация в том, что касается финансовой помощи в развитии здравоохранения в Азии и в Африке, где он оказал поддержку развитию медицинских инфраструктурных проектов. Когда в Западной Африке разразилась эпидемия Эболы, Китай послал туда 1 тыс. 200 рабочих, военных и врачей. Столкнувшись с глобальной пандемией COVID-19, концепция «Шелкового пути здоровья», являющаяся частью ОПОП с 2017 г., может набрать обороты и способствовать более благосклонному отношению к глобальной экономической экспансии Китая в период растущей критики в отношении его «дипломатии долговой западни». Если пандемия, начавшаяся в Китае и распространившаяся по миру частично из-за того, что Китай изначально пытался скрыть факт массовых заражений, в конечном итоге приведет к повышению статуса Китая в мире, то это можно будет назвать иронией судьбы.

Технологии – еще одна сфера, в которой конкурируют США и Китай. Технологические достижения Китая превратились в источник дипломатического влияния. Его ведущие компании-разработчики – Tencent, Baidu, Alibaba and Huawei – уже конкурируют с американскими компаниями и в некоторых аспектах даже обогнали их. В Европе и США у них пока нет доминирующего присутствия, но оно быстро растет в других регионах мира. Китайская продукция в сфере информационных технологий (ИТ), такая как дешевые смартфоны, особенно популярна в Африке и на Индийском субконтиненте. Tencent и Alibaba являются соответственно шестой и седьмой крупнейшими корпорациями в мире по показателю рыночной капитализации. Lenovo стала ведущим производителем стационарных компьютеров и ноутбуков с долей на мировом рынке в 24%, вытеснив на второе место американского продавца ноутбуков Hewlett Packard (HP), у которого 22%. По мере того, как все больше людей в мире будут использовать китайское программное обеспечение и аппаратное оборудование, восприятие надписи: «Сделано в Китае» относительно к качеству продукции начнет меняться.

Технологическое лидерство может быть для страны способом продвижения на рынки и формирования отношения к себе. Например, Huawei считается конкурентом в области технологий 5G и предлагает продукцию по более низким ценам. Оборудование Huawei очень популярно у европейских телекоммуникационных компаний и уже широко используется в сетях 4G. Уже 47 европейских телекоммуникационных провайдеров подписали с Huawei контракты на оказание помощи в создании их сетей 5G, несмотря на интенсивные дебаты относительно информационной безопасности и шпионажа. Компания Huawei стала настолько популярной, что европейские телекоммуникационные провайдеры даже пытаются убедить политиков не исключать ее из национальных сетей 5G. Популярность Huawei даже еще более поразительна, если учесть, что она соревнуется с европейскими конкурентами Ericsson и Nokia. Ericsson была первой компанией, запустившей 5G на четырех континентах и подписала 79 контрактов в странах по всему миру на создание там сетей 5G. Сейчас в сфере ИТ-продукции штамп «Сделано в Китае» может звучать более привлекательно, чем «Сделано в Европе».

Вопрос создания сетей 5G стал настолько политизирован, что США сочли необходимым вмешаться и предупредить своих европейских союзников о том, что Соединенные Штаты пересмотрят свое сотрудничество в сфере безопасности со странами, которые в своих сетях будут использовать оборудование Huawei. Это сделало сети 5G, по сути, предметом соперничества великих держав, в котором европейские страны должны будут выбирать между США и Китаем. Примечательно, что большинство стран сделало выбор в пользу Китая, а не США. Китай успешно использовал

экономическую зависимость стран ЕС в качестве болевой точки для получения нужных ему политических решений. Страны, рассматривавшие исключение Huawei со своих рынков, столкнулись с угрозами Китая в отношении европейских компаний, экспортирующих свою продукцию в Китай, и компаний, которые активно ведут в Китае свой бизнес. Страны, такие как Великобритания, поменявшие свое первоначальное решение и в конце концов отказавшиеся от использования оборудования Huawei в своих сетях 5G, сделали это после напряженных внутренних дебатов и после того как США наложили санкции на эту компанию, что может отрицательно повлиять на технологический уровень и степень безопасности ее продукции.

В своем выборе экономических и политических партнеров Европе все больше приходится разрываться между США и Китаем. Правительства европейских стран хотят знать, является ли китайская экономическая модель более эффективной, является ли Китай более обещающим экономическим партнером, является ли Китай более выгодным инвестором, предлагает ли Китай лучшие технологии и, после начала пандемии COVID-19, у какой страны больше возможностей найти выход из глобального кризиса. Трансатлантические отношения остаются прочными как в экономическом, так и в политическом аспектах. США остаются наиболее важным торговым партнером почти для всех европейских стран и самым надежным гарантом дальнейшего существования либерального международного порядка. Однако, больше уже нельзя принимать преобладание трансатлантического сотрудничества над экономической привлекательностью Китая как нечто само собой разумеющееся.

Китай с радостью заполнит любой вакуум, созданный отмежеванием США от европейских дел, и уже начал обаятельное наступление на Европу с целью склонить ее внешнюю политику в свою пользу. Промежуточная цель состоит в том, чтобы снизить уровень критики в отношении авторитарной политической системы Китая, нарушения прав человека и ужесточающейся внешней политики. В долгосрочной перспективе Китай надеется, что Европа станет более открыта к восприятию политических идей и взглядов Китая на глобальный миропорядок. Конечная же цель, похоже, состоит в том, чтобы отделить Европу от США и предложить ей альтернативное партнерство.

Со своей стороны, Европа не должна поддаваться искушению получения китайских денег, а вместо этого сформировать единый трансатлантический лагерь с США в контексте соревнования великих держав с Китаем. Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство могло бы предложить обеим сторонам отличные возможности укрепить трансатлантическое сотрудничество и установить общемировые стандарты в сферах торговли и государственного управления, которые затрудняют использование Китаем экономического манипулирования в качестве инструмента силы. □

Польские военнослужащие готовятся к совместным учениям с американскими военными в г. Жагань, Польша.

ВЗГЛЯД ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ

Приспосабливаясь к новой международной динамике

Малгожата Янковска, советник Министерства иностранных дел Польши | Фотографии AFP/Getty Images

Наступила новая эра соревнования великих держав, в котором участвуют Соединенные Штаты, Китай и Россия в качестве главных соперников. Данное предположение широко разделяется учеными и политиками во всем мире. Это удручает некоторые регионы и страны, которые уже какое-то время функционируют в соответствии с четкими правилами международного порядка под руководством США. Проводимые ныне корректировки, похоже, имели особенно серьезные последствия для Запада.

Приближение жизненно важных перемен ощущается в Европейском союзе и в его фактическом лидере – Германии, которая получает выгоды и процветает при т.н. *Rex Americana* (гегемонии США в мире).

Столкнувшись с конкуренцией между США и Китаем, европейские лидеры призывают к единству и сплоченности на уровне Европы.

Некоторые из них утверждают, что для защиты существующего порядка нужна сильная и независимая Европа; в противном случае Европа как таковая исчезнет. В выступлениях французского президента Эммануэля Макрона, канцлера Германии Ангелы Меркель и немецкого президента Франка-Уолтера Штайнмайера звучат предупреждения, что Европа станет добычей великих держав.

Действительно, Европа должна найти свое место внутри этой новой международной динамики. Как Европа справится с этим процессом и как она будет выглядеть в будущем, во многом зависит от того, в каком направлении пойдет Германия. Германия нужна Европейскому союзу, поскольку это самый крупный член организации, у нее самая мощная экономика, и она является гарантом евро. Но что еще более важно – ЕС нужен Германии. Ее национальные интересы являются составной частью интересов Европы, Европейского союза и его институциональной структуры. Как сказал Стейнмейер, для Германии Европа является незаменимой структурой, посредством которой она утверждает себя в мире.

Отмечая 70-ю годовщину коммунистического переворота, совершенного в феврале 1948 г. при поддержке СССР, чешские демонстранты в Праге подтверждают свою приверженность свободе, демократическим ценностям и западным институтам. Надпись на плакате: «Мы остаемся верны!»

Участники Вышеградской группы (Польша, Чешская Республика, Словакия и Венгрия), или В4, могут быть взяты в качестве примера для рассмотрения последствий для Европы соревнования великих держав. В плане безопасности страны В4 зависят от присутствия и деятельности США в Европе. Однако, в плане их развития и экономики доминирующую роль играет Германия. Интересно, что госсекретарь США Майк Помпео в ходе своего визита в Венгрию, Словакию и Польшу в феврале 2019 г. говорил о вакууме в регионе, который Россия и Китай готовы заполнить. На самом деле, несмотря на вступление в НАТО более 20 лет назад и в ЕС 15 лет назад, этот европейский регион остается на линии разлома между Востоком и Западом. Ответ Берлина на посягательства великих держав на его геополитическую «вотчину» может привести к определенным умозаключениям относительно будущего Европы.

Восхождение Китая

В последние несколько лет ЕС все больше стала беспокоить собственная уязвимость в отношениях с Китаем, причем в таких сферах, в которых именно у ЕС традиционно было превосходство. Дело не только в том,

что европейские компании проигрывают китайским компаниям, но и в том, что институциональная организация ЕС, похоже, оказалась неподготовленной к тому, чтобы противостоять государству, которое активно использует нестандартные методы, включая принуждение, кражи и промышленный шпионаж, спонсируемые этим государством, для расширения своего глобального экономического присутствия. Кроме того, Пекин прямо продемонстрировал пределы политических возможностей ЕС, особенно в области прав человека. Пекин не только не уступает давлению Брюсселя, но и активно продвигает собственное видение прав человека. А своими утверждениями, что он вытащил миллионы людей из нищеты, он привлекает к себе внимание других развивающихся стран.

С приходом к власти Си Цзиньпина в 2012 г. Китай с еще большей энергией стал распространять свое экономическое и политическое влияние по всему миру, включая ЕС и соседние с Китаем страны. В 2012 г. в Варшаве Китай основал платформу сотрудничества с 16 странами Центральной и Восточной Европы, названную 16+1, в числе которых были и страны В4. После того, как в 2019 г. к этой экономической платформе присоединилась Греция, она стала называться 17+1. Эта экономическая инициатива Китая была выдвинута в подходящее время. После финансового кризиса 2008 г. и последовавшего за ним резкого снижения западных прямых иностранных инвестиций (ПИИ) страны Центральной и Восточной Европы стали искать источники финансирования за пределами ЕС для стимулирования своего экономического роста. Крупные компании и политические элиты видели в Китае важного партнера в преодолении нехватки финансирования и движущую силу модернизации и стимулирования экономического роста в регионе. Кроме того, в то время сотрудничество с Китаем рассматривалось в целом позитивно, и помощь Китая во время кризиса евро было по достоинству оценено в Брюсселе. Точно так же должно было быть оценено и обещание Китая создать кредитную линию для 16 стран на сумму в 10 млрд. долл.

Эта инициатива, однако, сразу вызвала тревогу в Брюсселе и в Берлине относительно того, что Китай будет использовать свое финансовое и экономическое давление на членов ЕС из группы 16+1 с целью оказывать влияние на процесс принятия решений в ЕС и подорвать единство и сплоченность этого блока. Европейские политики высказывали мнение, что страны в этом регионе все еще недостаточно развиты в плане государственного управления, верховенства закона и прозрачности, и что влияние Китая приведет к размыванию норм и ценностей ЕС в этих странах.

Одновременно с этим китайские инвестиции в Центральной и Восточной Европе были объявлены как не соответствующие стандартам качества ЕС. Тем не менее, если проанализировать эти аргументы с точки зрения экономических данных и политической обоснованности, то вряд ли их можно назвать состоятельными. Меркаторский институт изучения Китая, которые

регулярно публикует доклады о китайской экономической деятельности в Европе, отметил в 2019 г. в своем отчете, что «львиную долю китайских инвестиций получила «большая тройка» ЕС», а именно Германия, Франция и Великобритания, в то время как инвестиции в Центральную и Восточную Европу снизились. «Большая тройка» по-прежнему остается основным торговым партнером Китая в Европе. Что же касается политического влияния, ни одна из стран Центральной и Восточной Европы не зашла настолько далеко, чтобы одобрить китайскую поддержку реформирования ЕС, как это сделал Макрон в 2019 г.

Германия по-прежнему открыто выступает против нынешней платформы 17+1, и это является постоянной темой обсуждений на высоком уровне между официальными представителями Китая и Германии, включая частые встречи Меркель со своими китайскими коллегами. В 2017 г. Сигмар Габриэль, бывший в то время министром иностранных дел Германии, зашел настолько далеко, что попросил Пекин «следовать политике единой Европы» и не разделять Европу, сравнив это с «политикой одного Китая», которой придерживается ЕС в отношении Тайваня. Китай выразил протест, заявив, что Тайвань является частью Китая, в то время как ЕС состоит из суверенных государств. В 2017 г. в своей статье директор Отдела европейских исследований в Китайском институте международных исследований, «мозговом тресте» связанном с Министерством иностранных дел Китая, Суи Хонгджян подчеркивал, что Германия не может себе позволить потерять свое исключительное место в европейском разделении труда, в котором производство в странах Центральной и Восточной Европы играет ключевую роль. И действительно, страны Вышеградской группы являются основными звеньями в европейской цепи производства автомобилей.

С этой точки зрения, Германия должна использовать все имеющиеся рычаги давления и стимулирования или даже дисциплинарные меры для того, чтобы предотвратить любые инициативы с участием Китая, которые дадут возможность странам В4 преследовать собственные интересы независимо от Брюсселя и Берлина. Потенциальный доступ к китайским деньгам представляет собой особенно чувствительный вопрос; Китай имеет возможности предоставить альтернативный источник финансирования и инвестиций в регион, который в своем экономическом развитии зависит от ЕС и ПИИ из Западной Европы (в основном из Германии). В 2011 г. Пекин купил венгерские правительственные облигации, предоставив альтернативное финансирование в то время, когда Будапешт боролся с последствиями финансового кризиса и испытывал очень сильное давление со стороны Международного валютного фонда, предлагавшего помощь.

Будучи не в состоянии игнорировать предложения Китая, Германия настаивает на том, чтобы он не подрывал экономические позиции Германии в Европе и во всем остальном мире. Группа 17+1 является своеобразным районом тестирования возможностей создания

структуры сотрудничества между Китаем и другими европейскими государствами. Выработка удовлетворительного соглашения на этой ранней стадии представляется крайне важной, учитывая растущее сотрудничество Китая со странами Африки, Ближнего Востока и с Россией в рамках проекта «Один пояс – один путь».

Еще одним отрезвляющим событием стало приобретение китайской компанией акций немецкого производителя робототехники KUKA из промышленного сектора производства высокотехнологичных товаров. Привлекает внимание тот факт, что китайские инвестиции в Европе в основном направлены на развитие критически важной инфраструктуры и передовых технологий и находятся в соответствии с политикой Пекина «Сделано в Китае 2025», направленной на переход к производству более дорогостоящих товаров и услуг. Помимо этого, европейские страны, особенно Германия и Франция, осознают, что в сфере новых технологий, таких как 5G и искусственный интеллект, Европа настолько отстает от США и Китая, что рискует попасть в ситуацию, когда будет вынуждена играть по чужим правилам вместо того, чтобы определять свои собственные.

Это ощущение потери устойчивости особенно сильно в Германии, которая занимает доминирующие экономические позиции в ЕС, а в глобальном плане имеет репутацию промышленного локомотива, ориентированного на экспорт. «Китайский фактор» стал движущей силой внутриевропейской трансформации. В документе, излагающем политику Федерации немецких промышленников, опубликованном в январе 2019 г., и в совместном отчете ЕС «Стратегические перспективы отношений между ЕС и Китаем», составленном в марте 2019 г., отражена одна и та же озабоченность: оба документа определяют Китай как системного противника, что сильно отличается от стандартной фразеологии ЕС. Документ ЕС предлагает 10 шагов по укреплению позиций ЕС в отношениях с Пекином. Некоторые из них, такие как призыв реформировать политику конкуренции в рамках ЕС, введение механизма предварительных проверок инвестиций или правил международных закупок, имеют непосредственные последствия для функционирования единого рынка, размывая границу между внутренней и внешней политикой ЕС. Эти документы, совместно с «Франко-немецким манифестом о соответствии европейской индустриальной политики требованиям XXI века», выпущенным в феврале 2019 г., служат мобилизующим инструментом, который предназначен наглядно показать другим членам ЕС, что необходима кардинальная перестройка институтов и механизмов этой организации, соответствующая новым международным реалиям.

Решение Германии провести у себя специальную встречу в верхах 27 стран ЕС и Китая в сентябре 2020 г. во время председательства Германии в ЕС, независимо от ранее намеченных планов провести саммит ЕС-Китай в первой половине года, служит доказательством необходимости в такой перестройке. Распространение коронавируса заставило власти

Германии изменит свои планы; однако, это решение все же является отступлением к той практике, которая существовала до Лиссабонского договора, и определенно подрывает институты ЕС.

Экономические последствия восхождения Китая для стран В4 несколько иные. Эти страны стремятся преодолеть разрыв в уровне развития по сравнению с центральными европейскими странами. Для достижения этой цели Китай не так уж важен по сравнению с Германией, которая является основным торговым партнером для всех четырех стран. Германия также основной инвестор. Некоторые утверждают, что Вышеградская группа настолько «встроена» в экономическое пространство Германии, что они вместе представляют что-то вроде экосистемы. Руководители В4 подчеркивают, что вместе эти четыре страны стали для Берлина партнером номер один, обогнав Францию и Москву. Подписывая в 2019 г. декларацию о сотрудничестве между Польшей и Германией, Ядвига Эмилевич, бывшая в то время министром предпринимательства и технологий Польши, отметила, что экономики двух стран в высшей степени дополняют друг друга – поляки предлагают новаторские идеи и квалифицированных работников, а Германия, в основном, капитал и опыт работы. Считается, что эта модель сотрудничества относится и к другим странам из группы В4.

Страны В4 осознают риск попасть в т.н. «западню среднего дохода». Эта дилемма особенно ощущается в Польше, самой крупной стране этой части Европы с наиболее развитой экономикой. С одной стороны, Польша присоединилась к тем членам ЕС, которые не поддерживают решение Германии и Франции перестроить существующие механизмы и процедуры, и настаивала на том, что полная имплементация единого рынка не только необходима, но еще также является «источником роста и возможностей для граждан и компаний». С другой стороны, польское правительство недавно присоединилось к Германии, Франции и Италии в их решении адаптировать концепцию конкуренции внутри ЕС и разработать разумную европейскую промышленную стратегию, позволяющую европейским компаниям конкурировать в глобальном масштабе.

Не одна только Польша проводит такую политику конструктивной двусмысленности. Даже Германия разрывается между теми, кто выступает за перемены, и теми, кто предпочитает старые процедуры и правила. Основная идея сейчас состоит в том, чтобы определить, отвечают ли целям развития группы В4 те изменения, которые предлагаются и продвигаются на уровне Европы в ответ на вызовы со стороны Китая, и если отвечают, то до какой степени. До какой степени они решают проблему разрыва в уровнях развития и до какой степени они сохраняют существующее разделение труда? Есть разница между зависимостью и взаимозависимостью, и задержки в процессе внутриевропейской интеграции и сплоченности будут и дальше служить источниками внутренней напряженности.

Сдвиги в трансатлантическом сообществе

Столкнувшись с угрожающими вызовами со стороны Китая и менее предсказуемым лидерством США, руководители Германии, похоже, пришли к выводу о необходимости взять на себя ответственность за собственное развитие и безопасность. Для Берлина это непростая ситуация, поскольку институциональная структура ЕС, где безопасность обеспечивается Соединенными Штатами и НАТО, увеличивает политическое влияние и силу Берлина. Немецкие и общеевропейские интересы в сфере политики и безопасности, а также стратегические интересы, в определенной степени, взаимозаменяемы, несмотря на сложные политические вопросы, порождаемые прошлыми конфликтами, такими как две мировые войны. Осознавая собственные ограничения, а также и исторические последствия, Берлин осторожно реагирует на инициативы Франции в области безопасности. В каком-то смысле у Берлина более слабые позиции по сравнению с Францией, которая занимает место постоянного члена Совета Безопасности ООН, имеет свой собственный (хотя и ограниченный) ядерный арсенал и направляет свои войска за рубеж для выполнения военных заданий.

Тем не менее, участие Берлина в Европейском оборонном союзе и его поддержка развития стратегической культуры ЕС неуклонно нарастают. На Мюнхенской конференции по вопросам безопасности в феврале 2020 г. Стейнмайер сделал вывод, что сейчас, когда Рах Америгана находится под вопросом, а сама американская администрация, похоже, скептически настроена в отношении ЕС, Берлин готов к серьезному участию в создании Европейского союза безопасности и обороны в качестве мощной европейской опоры НАТО. Сдержанный в своих высказываниях относительно европейского стратегического суверенитета, Берлин полагает, что сильная европейская опора НАТО сделает Европу более привлекательным партнером в те времена, когда приоритеты США будут находиться в Азии. Это послание нацелено на то, чтобы успокоить тех, кто все еще ценит трансатлантическое сообщество как наилучшую структуру безопасности для Европы. Берлин также признает, что следует принимать во внимание озабоченности и тревоги стран В4. На самом деле, страны В4, независимо от особенностей их политики, ожидают, что Германия примет на себя больше ответственности в сфере обороны и обеспечения безопасности. В 2011 г. Радостал Сикорски, бывший в то время министром иностранных дел Польши, выразил точку зрения многих, когда признался, что бездействие Германии его страшит больше, чем ее мощь. Ожидания того времени и сегодня эхом повторяются в призывах, в том числе и из стран В4, к Германии тратить 2% своего ВВП на оборону и безопасность.

Однако, открытым остается вопрос, какие последствия сильная европейская основа НАТО может иметь для безопасности группы В4. Для стран В4 основным

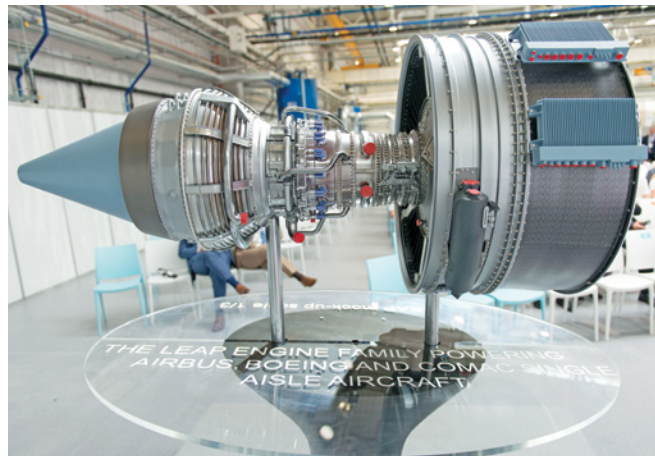
источником тревог является их непредсказуемое и беспокойное окружение, что в значительной степени является результатом дестабилизирующей политики России. На тактическом уровне каждая из этих стран может иметь свой собственный подход к России. Однако, они все согласны с тем, что на стратегическом уровне необходимо поддерживать убедительные сдерживающие возможности НАТО, которые невозможно достичь без США. Именно поэтому лидеры Словакии, Чешской Республики и Венгрии присоединились к инициативе Польши и Румынии (Инициатива бухарестской «девятки») более активно способствовать привлечению США и НАТО на восточный фланг альянса. Для стран В4 присутствие, обязательства и интересы США в Европе являются основным вопросом.

Решение Берлина продолжать строительство газопровода «Северный поток – 2» из России в Германию указывает на возможный раскол. Существуют разные представления об угрозе со стороны России и о том, как на нее реагировать: для Берлина «Северный поток -2» это просто экономический проект; для США и стран В4 этот проект имеет серьезные последствия в плане безопасности. Столкнувшись с дестабилизирующей политикой России, страны В4 ожидали прежде всего солидарности от своего основного европейского партнера. Последние призывы из Парижа и Берлина активно сотрудничать с Москвой и разработать то, что Стейнмайер недавно назвал истинно европейской политикой в отношении России, звучат неубедительно, особенно когда разрыв между Европой и США становится все больше.

В странах Вышеградской группы с трудом понимают концепцию, в соответствии с которой Европа должна быть суверенной и с мировым влиянием, но при этом Вашингтон, Москва и Пекин в равной степени будут иметь статус ее партнеров. Для региона важно укреплять НАТО и трансатлантическое сообщество, а различия между США и Европой по своей значимости стоят на втором или даже на третьем месте. С этой точки зрения, некоторые шаги, предпринимаемые Берлином, Парижем и Брюсселем, могут играть на руку стратегическим интересам России и Китая, сводящимся в основном к тому, чтобы подорвать статус США как глобальной державы. Несмотря на свои обещания, Европа не сможет поддерживать существующий международный порядок без сильных трансатлантических институтов. Эта напряженность была заметной на Мюнхенской конференции в 2020 г. Перед лицом глобальных вызовов президенты Франции и Германии призывали к повышению уровня европейского сотрудничества и единства, в то время как президент Словакии Зузана Чапутова подчеркнула важность ценностей, служащих опорой Западу и которые разделяют по обе стороны Атлантики.

Заключение

В эпоху соревнования великих держав Германия видит себя в качестве политической силы, организующей Европу. Что примечательно, так это не то, что

Компонент двигателя, произведенный французской аэрокосмической фирмой-поставщиком Safran, на выставке в польском городе Сендзишув-Малопольски. Польша имеет наиболее развитую экономику из всех стран Центральной Европы и является ключевым звеном в европейской производственной цепочке.

Германия готова играть лидирующую стратегическую роль – по необходимости или при возможности – а то, что она готова убежденно отстаивать существующий международный порядок вместе с Америкой или без нее, а также, если необходимо, вносить изменения в деятельность ЕС.

Для Берлина ключевой, долгосрочный и приносящий выгоды приоритет – это сильная Европа. Это прежде всего означает, что Европа должна быть объединенной, и Германия должна быть готова быть ответственной за достижение этой цели. Если эту роль возьмет на себя крупнейшая страна ЕС, то это может оказаться способом легитимизировать ее доминирующее положение. Вместо единства Вышеградская «четверка» призывает к солидарности.

Это различие указывает на существующую напряженность. Страны В4 осознают, что крупные государства несут на себе большой груз ответственности, и поэтому их голос более весомый при принятии решений. Однако, они опасаются, что призывы к единству могут привести к единообразию, когда ведущие державы будут принимать решения за всех остальных. Несколько десятилетий назад Генри Киссинджер спросил: «Если я захочу поговорить с Европой, то в какую страну я должен позвонить?» Но в своей последней книге «Мировой порядок» он спрашивает: «Какую степень разнообразия должна сохранить Европа, чтобы достичь конструктивного единства». Рассмотрение странами В4 динамики развития великих держав помогает понять, в какой степени продолжающиеся сдвиги в международном порядке могут привести к качественным изменениям в политических, экономических и институциональных структурах Европы. □

Примечание редактора: Эта статья была написана до того, как в полной мере стали очевидны последствия пандемии коронавируса для социальных, экономических и политических аспектов жизни в странах Европы и в США.

ТЕМНОТЕ

ТАНЦЫ В

Запад, Китай и Россия на Западных Балканах

Д-р Вальбона Зенели, профессор Центра им. Маршалла

В эту новую эпоху соперничества великих держав Китай и Россия бросают вызов странам Запада, трансатлантической безопасности и процветанию, и не в последнюю очередь в регионе Западных Балкан. Этот регион формирует историю современной Европы и столетиями служил своеобразными «воротами» между восточной и западной частями Европы. В последние годы отдельные внешние игроки расширили свое участие в делах региона и усилили свое влияние на него. Внешнее авторитарное присутствие на Западных Балканах можно классифицировать как «сращивание» – это страны с многолетним устоявшимся влиянием в регионе, такие как Россия и Турция – и «торгашество» – страны с коммерческим и деловым подходом, такие как Китай и государства Персидского залива.

После падения Берлинской стены и распада Югославии, который вылился в кровавый конфликт в Европе в 90-х гг., политические институты Запада – США и Европейского союза – и их четкая внешняя политика в отношении Западных Балкан были чрезвычайно важными факторами в процессе стабилизации, восстановления и консолидации региона и, в конечном итоге, его интеграции в НАТО и ЕС. Присоединение стран Западных Балкан к евроатлантическим институтам рассматривается в этих странах и за их пределами в качестве основного механизма обеспечения безопасности, стабильности и демократии в этом беспокойном регионе. Албания и Хорватия присоединились к НАТО в 2009 г., Черногория в 2017 г., а Северная Македония присоединилась к альянсу в качестве 30-го члена в марте 2020 г.

Демократизация является основной чертой «европеизации», в то время как «пряник» в виде членства в европейских институтах использовался для мотивации политических элит в этих странах разработать и осуществить важные демократические структурные реформы. В последние годы стремление ЕС к расширению стало более умеренным из-за возрастающего сомнения в странах-членах ЕС в эффективности их собственных институтов, а также из-за скептицизма, порождаемого противоречивыми результатами присоединения некоторых стран. Ощущение того, что членство в ЕС уже достигло своего максимума, постепенно породило у европейских народов и институтов чувство «усталости от расширения», что привело к появлению нового чувства «усталости от реформ» в странах Западных Балкан. Это также способствовало падению поддержки интеграционных процессов со стороны европейской общественности.

Притягательность ЕС в странах Западных Балкан все еще ощущается, но не надо думать, что она всегда будет оставаться неизменной. Хотя членство в ЕС по-прежнему находит довольно широкую поддержку в странах региона – в 2020 г. его поддерживали 59% опрошенных организацией «Балканский барометр» – ситуация в различных странах имеет важные различия. Сербия является единственной страной в регионе, где идея присоединения к ЕС вызывает одобрение у менее чем одной трети опрошенных, и где в действительности большинство населения относится негативно или же нейтрально к членству в ЕС. С другой стороны, наиболее сильная поддержка интеграции в ЕС наблюдается в Албании и Косово – 87% и 75% соответственно. В случае с Косово позитивные настроения в отношении ЕС несколько снизились по сравнению с 2017 г. (с 84% до 75%) в результате утраты иллюзий относительно застопорившегося процесса либерализации (Таблица 1).

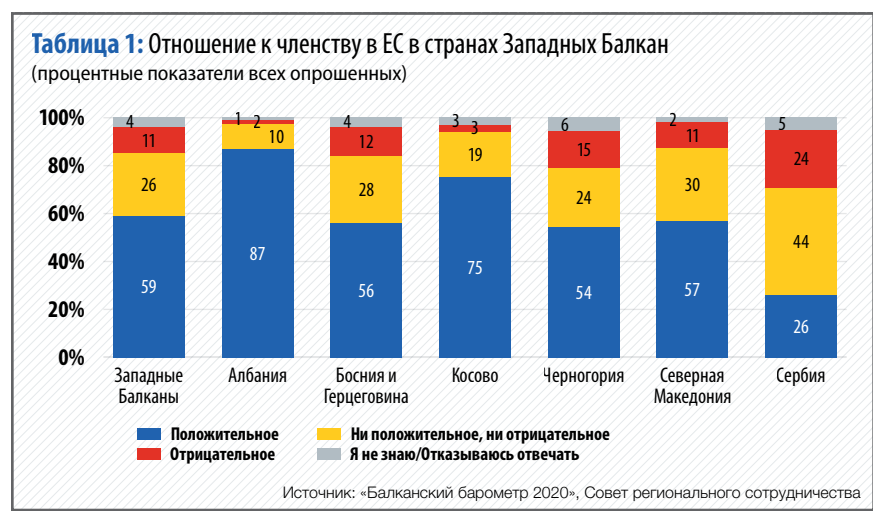
закона, коррупции, организованной преступности и влияния частных интересов на государственные структуры. Все страны Западных Балкан все еще относятся к категории «гибридных режимов», в соответствии с Индексом демократии, публикуемым журналом «The Economist». Главным бичом региона являются безработица, (которую указали 60% опрошенных Индексом), экономические трудности (47%) и коррупция (27%).

По данным Международного валютного фонда, в 2019 г. усредненный по шести балканским странам доход на душу населения составлял всего лишь 14% (6 тыс. 369 долл., или 5 тыс. 779 евро) от среднего показателя по странам ЕС (44 тыс. 467 долл., или 40 тыс. 349 евро). Похоже, что такое желанное экономическое слияние с Западом пока так и не состоялось. Основываясь на нынешних темпах экономического роста, можно сделать прогноз, что странам региона понадобится от 70 до 100 лет для того, чтобы догнать развитые европейские страны.

Экономический и промышленный разрыв между ЕС и Западными Балканами становится все больше. В результате у балканских жителей появляется все больше мотивации экономического и институционального характера покинуть регион и воспользоваться возможностями трудоустройства и социального обеспечения в западноевропейских странах. При региональном уровне безработицы в 19% в 2019 г., который является очень высоким по сравнению с 6.3% в среднем по ЕС, потрясающий процент населения – 39% – рассматривают возможность переезда за границу. Эмиграция будет продолжать играть ключевую роль в формировании будущего этого региона. Ее положительный эффект будет состоять в сокращении безработицы и притоке денежных средств, составляющих в среднем по региону 10% ВВП, а отрицательный в том, что еще больше будет усугубляться хроническая нехватка квалифицированных

рабочих на внутренних рынках труда. «Утечка мозгов» быстро становится основной проблемой безопасности для региона.

Представляя собой рынок с 18 млн. потребителей, Западные Балканы имеют потенциал для быстро растущих экономик, напрямую связанных с общим рынком ЕС. Однако, экономическому росту препятствуют плохо функционирующие институты, «теневая» экономика, неразвитая инфраструктура, низкая производительность и конкурентоспособность, а также отсутствие региональной интеграции. Вместе взятые шесть стран региона смогли привлечь менее 0.23%

Истинная угроза безопасности в регионе исходит от бесконечного переходного процесса, породившего токсичную смесь бедности, отсутствия верховенства

объема общемировых прямых иностранных инвестиций (ПИИ), при этом ЕС является основным инвестором и источником помощи в регионе.

В то время как членство в ЕС рассматривается всеми странами региона в качестве стратегической внешнеполитической цели, местные элиты часто видят в евроатлантической интеграции средство решения своих политических задач, не демонстрируя при этом какой-либо серьезной приверженности ключевым европейским либерально-демократическим ценностям. Это еще больше усиливает раздражение людей по поводу поддержки ЕС т.н. «стабиллократов», которые ведут пустые разговоры о дорогостоящем нормативном согласовании с ЕС и в то же время не обращают серьезного внимания на такие вопросы как прозрачность, верховенство закона и подконтрольность госчиновников. К сожалению, ЕС не продемонстрировал достаточного критического отношения, когда в этих странах наблюдалось сворачивание демократических реформ и верх брало стремление к стабильности, а не к установлению демократических ценностей. Недавнее решение Европейского совета начать открытые переговоры с Албанией и Северной Македонией может служить оптимистическим сигналом всему региону и сократит пространство для маневра тем политикам, которые использовали «усталость от расширения» в качестве отговорки, позволяющей не приступать вплотную к проведению реформ.

РОССИЯ НА ЗАПАДНЫХ БАЛКАНАХ

Усиление российского и начало китайского влияния в эпоху глобального соперничества великих держав превратили Западные Балканы в новую арену противостояния между свободным демократическим миром и авторитарными режимами. В 2017 г. Федерика Могерини, бывшая в то время Верховным представителем ЕС по иностранным делам и политике безопасности, открыто высказала новую обеспокоенность относительно того, что «предположительно, цель Москвы состоит в том, чтобы ослабить связи региона с ЕС и представить Россию в качестве альтернативы распадающемуся союзу».

Статья американского сенатора Джона МакКейна в газете «Вашингтон Пост», опубликованная в апреле 2017 г. после его поездки на Западные Балканы, вызвала в США тревогу относительно российских амбиций в регионе. «Возможно, наиболее тревожащим фактором являются возрастающие усилия России по оказанию своего губительного влияния в регионе и препятствованию народам Юго-Восточной Европы в выборе их собственного будущего», - отмечал МакКейн.

Реализуя одновременно геополитические и экономические интересы, российское влияние и участие в делах региона более отчетливо показали цель Москвы, состоящую в том, чтобы предстать игроком мирового уровня, расширить сферу своего присутствия и влияния, а также создать новый район геополитического противостояния с Западом. В действительности же Россия всегда присутствовала в этом регионе, и после распада Югославии, приведшего к войнам, была непосредственно вовлечена

в мирные процессы и другие международные механизмы урегулирования в период после окончания конфликтов. В 2000-е гг. присутствие России в регионе стало еще более заметным. Помимо стремления к оказанию абстрактного влияния, у Москвы есть серьезные экономические интересы в регионе в таких сферах как маршруты транспортировки энергоносителей и контроль над вооружениями.

В последние годы стало очевидным, что стратегия Кремля состоит не только в сохранении и наращивании своего влияния в регионе, но и в препятствовании процессу интеграции балканских стран в НАТО и ЕС путем манипулирования их слабыми институтами, и политизации и усугубления существующей этнической и религиозной напряженности. Возросшее влияние Москвы, использующей любую возможность обернуть в свою пользу внутренние слабости в странах региона, породило озабоченность относительно перспектив консолидации демократических переходных реформ в регионе.

Используя набор гибридных инструментов, Россия стремится повысить свое влияние путем коррупции, давления, бизнес-деятельности и государственной пропаганды, преследуя при этом цель дестабилизации региона и приостановки евроатлантической интеграции. Для достижения этих целей Кремль использует культурные инструменты и религиозное влияние в православных общинах, задействует свои энергетические рычаги, прибегает к кампаниям дезинформации и засылает в регион сотрудников разведслужб. Западные Балканы стали новым блоком интересов России, но ее стратегия достижения внешнеполитических целей ничем не отличается от той, которую она использовала в странах Восточного партнерства.

Эта стратегия направлена на наиболее уязвимые категории населения, чтобы породить противоречия и разногласия и создавать евроскептические группы среди населения этих стран, что должно привести к снижению привлекательности ЕС. Страны, в которых большой сегмент населения относится к перспективе расширения ЕС критически или нейтрально, являются наиболее уязвимыми; это такие страны как Сербия (где 59% населения относится к евроинтеграции скептически или нейтрально), Босния и Герцеговина (48%), Северная Македония и Черногория (45% в обеих странах). Такие цифры дает опрос общественного мнения, проведенный организацией «Балканский барометр» в 2019 г.

Сербия – основной партнер России и центр распространения российского влияния на Западных Балканах. Эти отношения между двумя странами основываются на давних культурных и исторических связях, но при этом влияние России распространяется на весь регион. Население Сербии относится к России очень позитивно, 72% жителей страны выступают за союзные отношения с Россией и еще более тесные связи с Москвой. Об этом свидетельствует опрос общественного мнения, проведенный в 2016 г. журналом «Nova Srpska Politička Misao». Белград является ближайшим союзником Москвы, не только отказавшимся присоединиться к санкциям ЕС,

введенных против России за незаконную аннексию Крыма, но также подписавшим, несмотря на резкую критику со стороны ЕС, договор о свободной торговле с Евразийским экономическим союзом, в котором доминирует Россия. Возражения Москвы против получения Косово независимости способствовали укреплению ее позиций и влияния в Белграде и среди этнических сербов в других балканских странах, таких как Босния и Герцеговина и Черногория. Москва препятствует нормализации отношений между Косово и Сербией, прибегая к опасной риторике и распространению пропагандистских нарративов о столкновениях между «Великой Албанией» и «Великой Сербией».

Черногория и Босния и Герцеговина также имеют прочные культурные связи с Россией через Православную церковь. В последние годы в регионе возросло количество центров русского языка, поддерживаемых фондом «Русский мир», финансируемым российским правительством. Государственные российские СМИ также очень активны в регионе Западных Балкан, такие каналы как RT и «Россия 24» обычно входят в пакет кабельных каналов. Ведущей платформой является отделение «Спутник» в Сербии, основной контент которого подается через сербские новостные платформы и распространяется дальше по региону, достигая даже таких стран как Албания и Косово. Почти классическим примером ведения гибридной войны является применение Кремлем политических рычагов, провоцируя противоречия и социальную напряженность в странах региона и, что более важно, способствуя развитию циничного отношения к демократическим и евроатлантическим институтам; при этом Москва несет лишь незначительные финансовые затраты.

Кремль открыто выступал против членства Черногории в НАТО и даже, по некоторым сведениям, участвовал в провалившейся попытке переворота в конце 2016 г. с целью заблокировать процесс присоединения страны к альянсу, что стало одним из наиболее ярких примеров преступного вмешательства России в дела других стран. Министр иностранных дел России Сергей Лавров до того открыто осуждал желание Черногории (представлявший собой последний участок побережья Адриатического моря, принадлежавший не члену НАТО), Северной Македонии и Боснии и Герцеговины вступить в НАТО, называя это «ошибочной политикой и провокацией со стороны Североатлантического военного альянса». Кремль откровенно выступал в поддержку усилий боснийских сербов Республики Сербской и их лидера Милорада Додика, направленных на выход из федерации, контролируемой боснийцами и боснийскими хорватами, и на раскол Боснии и Герцеговины.

Что касается Северной Македонии, то там Россия существенно повысила уровень своего вмешательства, используя в своих интересах конституционный кризис в этой стране в 2018 г. Москва даже обвинила ЕС и НАТО в провоцировании этого кризиса. Вмешательство

продолжалось во время переговоров относительно изменения названия страны на Северную Македонию и последующей кампании по проведению референдума по утверждению этого нового названия. Преспское соглашение, окончательно заключенное в июне 2018 г., положило конец 20-летнему спору между Афинами и Скопье и открыло Северной Македонии путь к членству в НАТО. Хотя Северная Македония успешно присоединилась к НАТО, став 30-м членом альянса, а Совет ЕС согласился на прямые переговоры с Северной Македонией и Албанией, националистическая и политическая оппозиция изменению названия страны по-прежнему сохраняется, и подрывные действия Москвы, скорее всего, также будут продолжаться.

Россия противостоит усилиям по переходу Западных Балкан к демократическим институтам, поддерживая антилиберальные тенденции, популистские элиты и парадигмы альтернативных путей развития стран региона. Некоторые лидеры на Западных Балканах стремятся использовать «российскую проблему» для получения определенных уступок со стороны западных партнеров и затягивания проведения реальных реформ.

КИТАЙ НА ЗАПАДНЫХ БАЛКАНАХ

В контексте экономической и геополитической повестки дня Пекина в Европе в регионе Западных Балкан наблюдается возросшее присутствие Китая, вызывая на Западе озабоченность относительно того, что в эпоху соперничества великих держав, говоря словами Могерини, «Балканы могут легко превратиться в шахматную доску, на которой ведущие страны мира будут вести свою игру». Вхождение Китая в этот регион менее напористое чем у России, но его амбиции могут быть довольно значительными и заключаться в том, чтобы получить доступ к ЕС через «задний двор». В то время как политика России в регионе вызывает все больший скептицизм, отношение к китайскому присутствию остается открытым.

Несмотря на то, что Западные Балканы могут предоставить довольно скудные возможности для китайских инвесторов, пять стран региона – Албания, Босния и Герцеговина, Черногория, Северная Македония и Сербия (Косово исключается как не признанная официально) – с 2012 г. включены в китайскую платформу 16+1 (сейчас 17+1 после добавления Греции) экономического сотрудничества с Восточной и Юго-Восточной Европой. Позднее эта региональная платформа стала составной частью китайской программы «Один пояс – Один путь» (ОПОП). Все большее количество входящих в ОПОП проектов имели отношения к Западным Балканам из-за их ключевого стратегического географического расположения, представляющего своего рода балканский «Шелковый путь» сети инфраструктуры и логистических коридоров между портом Пирей в Греции (основной проект Пекина в регионе) и рынками в Западной Европе. Пекин планирует использовать этот регион как торговые ворота и транзитную платформу в Западную Европу, где лежат реальные интересы Китая.

Китай использует легко доступные финансовые средства и «мягкую силу» (инициативы по укреплению доверия, культурные обмены, медийное присутствие и институты изучения конфуцианства) для быстрого получения влияния, используя выгоды от отсутствия инфраструктуры в регионе в сочетании с отсутствием там капитала, слабой правовой базой, неразвитых правил общественных закупок, поставок и трудовых отношений. Все эти факторы облегчают стремление китайских инвесторов закрепиться в регионе и вкладывать средства в «задний двор» Европейского союза.

не на основе прозрачности и особенностей рынка, а по принципу вертикали власти, то «патронаж» Пекина позволяет региональным политикам, принимающим решения, создавать соответствующие сети и укреплять свои краткосрочные предвыборные преимущества.

Политическое поведение также формирует общественное восприятие, склоняющееся в пользу Китая. Мало кого на Балканах заботит внутренняя ситуация в Китае, а географическая удаленность служит Китаю преимуществом. С целью создания группы дружески настроенных стран Пекин щедро инвестирует в культурную дипломатию, от институтов изучения конфуцианства, открытых во всех столицах стран региона, до торговых палат и культурных центров. Ключевым моментом в распространении влияния Китая является подача в привлекательном виде его модели экономического развития, в которой используется капитал в качестве экономического чудодейственного средства, и которая порождает ожидания и идеализирует возможности Китая обогатить регион Западных Балкан.

ТОРГОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ: КИТАЙ И РОССИЯ ПРОТИВ ЗАПАДА

Что касается торговли с регионом Западных Балкан, то российское и китайское присутствие довольно ограничено по сравнению с долей ЕС. В 2018 г. почти 72% (57 млрд. долл., или 52 млрд. евро) от общей внешней торговли региона, составившей 80 млрд. долл. (73 млрд. евро), приходилось на ЕС, а именно 84% экспорта и 64% импорта, по данным Европейской комиссии (Таблица 2 и Таблица 3).

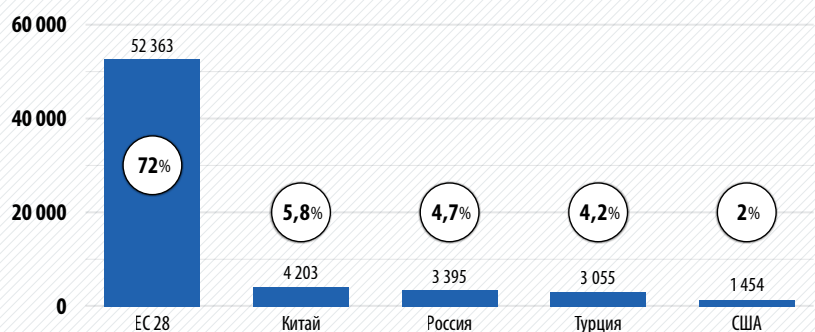
За последнее десятилетие торго-

вые отношения между ЕС и Западными Балканами характеризовались быстрым ростом, учитывая, что в 2008 г. объем торговли составлял всего 34 млрд. долл. (31 млрд. евро).

Китай быстро стал вторым по величине торговым партнером региона, хотя его доля в 2018 г. составила всего 4,5 млрд. долл. (4 млрд. евро). Операции с Китаем составляют всего 5,8% общей внешней торговли региона, причем почти половина ее приходится на Сербию (2,2 млрд. долл., или 2 млрд. евро), основного стратегического партнера Китая в регионе. Рассматривая это в более широком контексте, торговля со странами Западных Балкан составляет всего лишь 4,3% от всей внешней торговли Китая, составившей в 2018 г. 103 млрд. долл.

Таблица 2: Западные Балканы: 5 основных торговых партнеров в 2018 г.

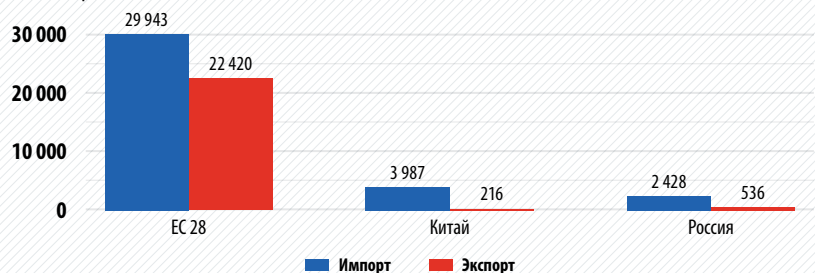
(в млн. евро)

Источник: Европейская комиссия, Главное управление торговли

Таблица 3: Торговые партнеры Западных Балкан: ЕС, Китай и Россия в 2018 г.

(в млн. евро)

Источник: Европейская комиссия, Главное управление торговли

Обладея значительным капиталом и готовые тратить больше чем многие западные субъекты, сдерживаемые сомнительной обстановкой для ведения бизнеса в регионе, китайские компании – в основном государственные предприятия – имеют ярко выраженное преимущество, поскольку они поддерживаются крупными правительственными субсидиями и государственными банками и готовы осуществлять строительство по низким ценам, избегая строгих (и дорогостоящих) требований по соблюдению природоохранных и общественных стандартов.

Китайские проекты можно легко совмещать с политическими циклами в регионе, а если при этом еще решения о распределении контрактов принимаются

(92,2 млрд. евро) на платформе 17+1, по данным UN Comtrade. Третьим по величине торговым партнером региона является Россия (4,7%), и ее доля за последнее десятилетие неуклонно снижалась. Еще два торговых партнера региона – Турция (4,3%) и США (2%).

РОССИЙСКИЕ ИНВЕСТИЦИИ: ЭНЕРГЕТИКА, НЕДВИЖИМОСТЬ И БАНКОВСКАЯ СИСТЕМА

Российские инвестиции в странах Западных Балкан относительно незначительные по сравнению с инвестициями ЕС, составляющими более 70% общего объема прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в регионе. Однако, Запад не учел проблемы, создаваемыми клептократией на Балканах, отражающиеся на перспективах устойчивого экономического роста и свободной рыночной конкуренции в регионе, а также недооценил российские инвестиции. Действительно, российские ПИИ довольно незначительны по сравнению с инвестициями ЕС в целом, но если мы возьмем отдельные страны, то увидим, что Россия является важным игро-

Эти данные предоставлены Центральным банком Черногории и Конференцией ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД). По существующим оценкам, гражданам России владеют в Черногории 70 тыс. объектами недвижимости (по сравнению со всего 7 тыс. объектами, которыми владеют выходцы из России, получившие вид на жительство в Черногории). За последнее десятилетие российские ПИИ в Черногории в среднем составили 17% и колебались от незначительных 4,3% в 2009 г до 30% в 2013 г.

В 2018 г. в Сербии российские ПИИ составляли 9% всех инвестиций на общую сумму в почти 40 млрд. долл. (35,8 млрд. евро). Эти данные предоставил Центральный банк Сербии. Инвестиции в основном были сосредоточены в банковском и энергетическом секторах, где российский гигант «Газпром» с 2008 г. владеет контрольным пакетом акций сербской нефтяной компании NIS, а российский «Лукойл» является одним из основных субъектов в сети оптовой дистрибуции. Более 1 тыс. компаний в Сербии полностью или частично принадлежат российским гражданам, на них работает 2% рабочей силы страны, дающей 13% прибыли национальной экономики. Также играют важную роль межправительственные займы, такие как российский заем на 500 млн. долл. (447,8 млн. евро) Сербии на помощь в преодолении рецессии, а затем еще один на сумму в 800 млн. долл. (716,4 млн. евро) на модернизацию железнодорожной инфраструктуры (Таблица 4).

Аналогичным образом в Боснии и Герцеговине российские ПИИ составляют 8% от общей суммы инвестиций в 8,3 млрд. долл. (7,4 млрд. евро) и 3,3% от ВВП, в соответствии с данными Центрального банка Боснии и Герцеговины. Эти инвестиции в основном вложены в нефтегазовый сектор и позволяют контролировать два нефтеперерабатывающих завода страны, расположенных в Республике Сербской. В Северной Македонии, Албании и в Косово российские инвестиции остаются на низком уровне, но при этом необходимо учитывать то обстоятельство, что некоторые ПИИ формально могут не считаться российскими, поскольку они поступают через другие европейские страны или из мест с льготным налоговым режимом.

ком. Кроме того, иногда российские ПИИ направляются через филиалы в других европейских странах, из оффшорных зон и через различные механизмы льготного налогообложения. Что наиболее важно, даже если суммы российских ПИИ невелики, они направляются в стратегические отрасли, такие как энергетика, банковский сектор, недвижимость и металлургия. Большинство стран Западных Балкан зависят от российских энергоресурсов, что позволяет Москве иметь огромное влияние в Сербии, Северной Македонии и в Боснии и Герцеговине, в которых Россия удовлетворяет 100% потребностей в природном газе.

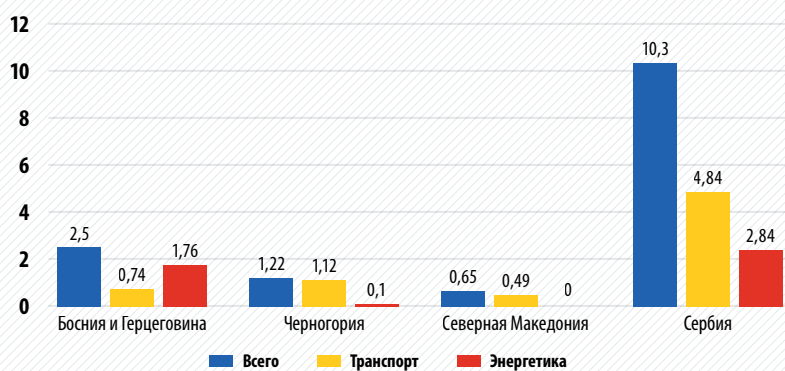
В небольших странах с недиверсифицированной экономикой Россия может сконцентрировать свое влияние на секторах, являющихся источником экономического роста, как, например, сектора недвижимости и туризма в Черногории. В качестве отдельной страны, Россия самый крупный инвестор в Черногории с 13% ПИИ от общей суммы ПИИ в 5,6 млрд. долл. (5 млрд. евро) в 2018 г., что составляло 30% ВВП страны.

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ИНВЕСТИЦИИ КИТАЯ НА БАЛКАНАХ

Китайские инвестиции (т.н. «зеленые» инвестиции и контракты) в страны Западных Балкан (за исключением Албании) в период 2005 – 2019 гг. составили 14,6 млрд. долл. (13,1 млрд. евро); лидирующую позицию занимает Сербия, получившая инвестиции в размере 10,3 млрд. долл. (9,2 млрд. евро). Эти данные содержатся в China

Global Investment Tracker, опубликованные American Enterprise Institute (AEI). ЮНКТАД указывает, что это составляет 20% общих ПИИ в регионе (72 млрд. долл., или 64,5 млрд. евро). Вводящий в заблуждение аспект этой публикуемой информации состоит в том, что большинство средств на самом деле предоставляются не в виде ПИИ, а в виде займов. На самом деле основная часть китайских экономических операций в регионе сводится к предоставлению займов на инфраструктурные проекты, относящиеся к ОПОП, в основном в транспортной и энергетической отраслях. По данным AEI, примерно половина (7,2 млрд. долл., или 6,5 млрд. евро) китайских финансовых средств на Западных Балканах идут на транспортные и инфраструктурные контракты, финансируемые китайскими банками. Другие 4,7 млрд. долл. (4,2 млрд. евро) – это инвестиции в энергетический сектор, финансируемые займами. Более 80% общего объема китайских инвестиций в регионе финансируется займами (Таблица 5).

Таблица 5: Китайские инвестиции в Западных Балканах в 2005-2009 гг.
(в млрд. долларов США)

Источник: American Enterprise Institute, China Global Investment Tracker

Среди крупнейших проектов в регионе – строительство железной дороги Белград – Будапешт; на 85% он финансируется Экспортно-импортным банком Китая, а строительство ведет China Railway and Construction Corp. В 2016 г. китайская государственная корпорация HBIS Group приобрела металлургический комбинат в сербском городе Смедерево за 55 млн. долл. (49,3 млн. евро), который ранее был продан компанией U.S. Steel обратно правительству Сербии за символическую цену в один доллар.

Сербия также рассматривает Китай в качестве основного внешнеполитического партнера после окончательного заключения сделки на покупку пакета промышленных и военных товаров на общую сумму в 3 млрд. долл. (2,7 млрд. евро). Сербия все больше становится важным узлом для китайского цифрового «Шелкового пути», поскольку она стремится занять позицию регионального лидера цифровой индустрии и стать основным центром развития будущих инициатив

китайского телекоммуникационного гиганта Huawei. В 2017 г. Huawei подписал контракт с Белградом на поставку аппаратуры наблюдения Safe City для сербских городов, состоящую из 1 тыс. камер высокого разрешения для одного только Белграда, и на создание Инновационного центра цифровой трансформации, принадлежащего корпорации Huawei.

Новая скоростная дорога Бар – Болджаре в Черногории, которая будет частью сети скоростных дорог в перспективе соединяющих Белград с черногорским портовым городом Бар, финансируется государственным Экспортно-импортным банком Китая, который дал в долг 85% от общей стоимости строительства, первоначально оцененной в 1 млрд. долл. (900 млн. евро), а позднее возросшей до 1,1 млрд. долл. Строительство осуществляет China Road and Bridge Corp.

В Северной Македонии две скоростные трассы – от г. Миладиновичи до г. Штип и от г. Кичево до г. Охрид – общей стоимостью 580 млн. долл. (519 млн. евро) строятся китайской компанией Sinohydro Corp. Ltd. В Боснии и Герцеговине национальная энергетическая компания Elektroprivreda получила заем на 700 млн. долл. (627 млн. евро) от Экспортно-импортного банка Китая для завершения строительства тепловой электростанции в г. Тузла, которым будут заниматься три китайские компании. Европейский союз критикует этот проект, утверждая, что он приведет к повышенному загрязнению окружающей среды.

В Албании китайская компания Everbright Group, пользующаяся государственной поддержкой, приобрела Национальный аэропорт в Тиране, а Geo-Jade Petroleum Corp. приобрела крупнейший в стране нефтеперегонный завод, перерабатывающий 95% сырой нефти Албании, за 442 млн. долл. (396 млн. евро).

Пекин похвастается эффективностью своих инвестиций в проекты ОПОП, однако его заявления опровергаются экономическими реалиями в регионе. Типичная модель экономического сотрудничества характеризуется такими компонентами как китайские займы для развития инфраструктуры, китайские государственные предприятия, китайские работники и внедрение китайских трудовых и природоохранных стандартов, которые намного ниже стандартов ЕС. Китайские фирмы получают прибыли от проектов, которые зачастую являются нежизнеспособными, поскольку суверенные гарантии перекалывают весь риск на принимающие страны за счет принесения в жертву финансовой стабильности.

Нынешние инфраструктурные проекты в регионе, осуществляемые под руководством Китая, имеют одну

общую черту, а именно низкую финансовую и экономическую жизнеспособность. Без тщательной финансовой оценки и должной осмотристельности некоторые западно-балканские страны рискуют попасть в долговую зависимость от Китая. По состоянию на 2018 г. 40% внешнего долга Черногории, нового члена НАТО, это долг Китаю, у Северной Македонии эта цифра составляет 20%, у Боснии и Герцеговины – 14%, а у Сербии – 12%.

ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ЕВРОПЫ

В эпоху соперничества великих держав Балканы могут легко превратиться в шахматную доску, на которой ведущие страны мира будут вести свою игру. Стабилизация региона и приобщение его к трансатлантическим ключевым ценностям, нормам, институтам и демократическим моделям управления должно стать основным приоритетом для ЕС и США. Возросшее присутствие России и Китая в регионе Западных Балкан представляет собой долгосрочную проблему для региона и для трансатлантической системы безопасности. Возросшее присутствие Китая и России в Европе бросает вызов концепциям традиционных экономических и геополитических устоев не только в Европе, но и в трансатлантических экономических отношениях.

Более глубокое проникновение Китая и России в регион послужит укреплению альтернативных моделей развития и будет создавать препятствия усилиям по демократизации в регионе Западных Балкан и, как следствие, усилиям этого региона по интеграции в ЕС. Экспортируя свои собственные экономические модели поведения, особенно в страны с перспективами присоединения к ЕС, Пекин позиционирует себя в качестве альтернативы либеральной западной модели и в качестве конкурента США. Концепция ОПОП выводит соревнование далеко за рамки экономической, дипломатической и военной сфер и превращается в идеологическое соревнование между западным капитализмом свободного рынка с китайским управляемым государством меркантилизмом.

Слабые институты в странах Западных Балкан с меньшей вероятностью будут противостоять китайскому принуждению, основанному на инвестициях в регион, и российскому давлению с использованием рычагов влияния. Создание противоречий на Западных Балканах и в Европе в целом имеет целью разделить, покорить и парализовать процесс принятия решений внутри ЕС и, в конечном итоге, не допустить присоединения Европы к усилиям США по реализации их мирового влияния.

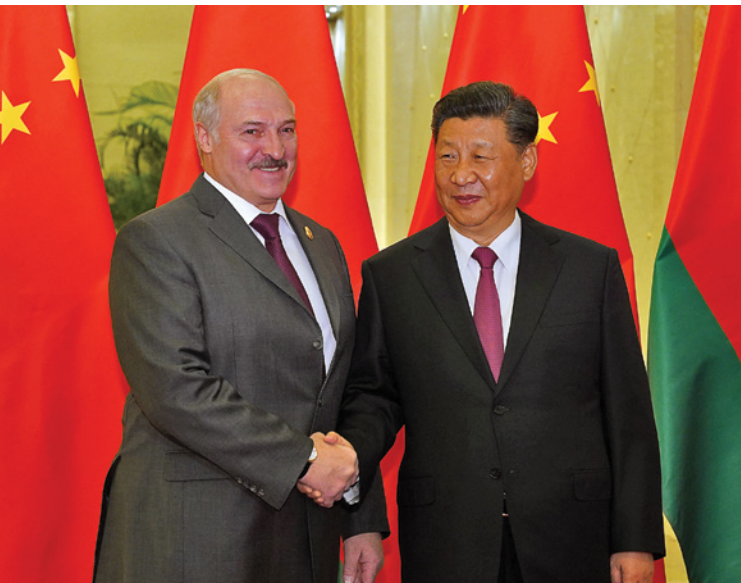
Как США, так и ЕС осознают, что стратегическое соревнование с Китаем сегодня превратилось в реальность. Когда ЕС называет Китай «системным конкурентом», то это означает сознательное признание меняющихся расчетов соотношения между экономическими выгодами и соображениями безопасности.

Западу необходимо предоставить Западным Балканам более привлекательные варианты. Только целеустремленный процесс интеграции в ЕС сможет

удержать этот регион на верном пути – на пользу гражданам и лидерам этих стран и всего Европейского сообщества. Начало переговоров о вступлении в ЕС с Албанией и Северной Македонией послужит важным и ободряющим сигналом для всего региона, даст в перспективе гражданам стран региона право стать частью Европейского союза, которое они, безусловно, заслужили. В то же время перспектива членства в ЕС наложит на политических лидеров в странах Западных Балкан ответственность в таких сферах как верховенство закона, прозрачность и эффективность управления. Совместно с Соединенными Штатами ЕС должен разработать четкую стратегию развития экономических возможностей, основанных на верховенстве закона и эффективности государственного управления, создавая образ Европы как единой, свободной и живущей в мире структуры. ЕС и США должны конкурировать за большее влияние в регионе, при этом привлекая не только принимающих решения политиков, но и более широкие слои населения. Являясь основными донорами в регионе, ЕС и США должны более эффективно использовать свои инвестиции, более активно задействуя при этом интегрирующие стратегические коммуникации, позволяющие общественности этих стран понять цель и выгоды такой помощи.

Стратегия ЕС по соединению Европы и Азии, опубликованная в конце 2018 г. и нацеленная на укрепление цифровых, транспортных и энергетических связей между Европой и Азией, на стимулирование экономического развития и создание альтернативы ОПОП, охватывает и страны Западных Балкан, однако аспект финансирования в этой стратегии не оговорен. Необходимо более прочное слияние программ помощи ЕС с американскими инициативами, такими как Закон США «О более эффективном использовании инвестиций, ведущих к развитию», принятый в 2018 г. и предусматривающий создание нового института финансового развития с бюджетом в 60 млрд. долл. (53,7 млрд. евро) для инвестиций в развивающиеся страны. «Инициатива трех морей» - еще одна важная программа, нацеленная на ускорение экономического развития, совершенствование инфраструктуры и обогащение трансатлантического сотрудничества – должна также включать и регион Западных Балкан. Необходимо совмещение Берлинского процесса с «Инициативой трех морей».

Западные инвестиции в структурные и инфраструктурные проекты должны более строго обуславливаться эффективностью госуправления и большей степенью прозрачности с целью оздоровления региональной бизнес-среды, достижения ощутимых перемен и привлечения столь необходимых иностранных инвестиций. Эти усилия приведут к продуктивным инвестициям, плодами которых будут пользоваться и будущие поколения. Какое направление изберут Западные Балканы, зависит от геополитического видения ЕС, а также от политической воли стран региона провести серьезные демократические реформы. □

Президент Беларуси Александр Лукашенко, слева, пожимает руку президенту Китая Си Цзиньпину перед двухсторонней встречей в рамках второго форума «Пояс и путь» в Зале народных собраний в Пекине. 2019 г. РЕЙТЕР

Экономическая реорганизация

Новые партнеры для Беларуси – Китай или Европейский союз?

Наталья Халухан, ведущий специалист, Национальный институт стратегических исследований, Киев, Украина

Из-за особенностей своей истории Беларусь часто рассматривается как страна, полностью находящаяся под политическим влиянием России, а двусторонние отношения характеризуются как «полное подчинение». И все же можно утверждать, что такое послушание не является безоговорочным, и что голоса протеста можно услышать в Беларуси. Данный анализ попытается протестировать идею политического восстания в Беларуси против традиционного регионального гегемона через призму недавних поворотов в белорусско-российских отношениях.

Чрезмерная экономическая зависимость от России

После развала Советского Союза структура внешней торговли Беларуси – как экспорта, так и импорта – характеризовалась ведущей ролью России среди стран-партнеров. Анализ белорусского экспорта (Схема 1) показывает, что за последнее десятилетие на долю России приходилось 30-40% всего объема экспорта, что превышало долю экспорта во все страны Евросоюза, которая колебалась от 25% до 35%. В то же самое время объем белорусского экспорта в Китай остается низким, в пределах 1-3%. Таким образом,

Белорусский экспорт крайне зависим от российского рынка, и это было ключевым определяющим фактором для экономического роста Беларуси в этот период.

Анализ структуры импорта демонстрирует схожую динамику (Схема 2). В период с 2009 г. по 2019 г. на долю России приходилось 50-60% всего белорусского импорта, что примерно в два раза выше доли ЕС, составлявшей 18-30%. Из Китая поступало 10% импорта. Хотя в денежном выражении импорт из Китая был значителен, его все же недостаточно, чтобы диверсифицировать белорусский импорт, который остается чрезмерно зависим от России.

Прямые иностранные инвестиции (ПИИ) – еще один экономический показатель, по которому Россия занимает ведущее место в экономике Беларуси. В период с 2011 г. по 2018 г. российские инвестиции составляли 50-60% общего объема ПИИ в Беларусь. Доля Кипра в 11-17% еще больше усугубила сверхзависимость Беларуси от России, поскольку Кипр представляет собой популярную оффшорную зону для российских денег, и можно предположить, что значительная часть якобы киприотских инвестиций является на самом деле российскими. Структура ПИИ (Схема 3), несомненно, ставит под угрозу экономическую безопасность Беларуси.

Для сравнения, доля Евросоюза (без Кипра) составляет всего 10-15% всех ПИИ в Беларусь. Австрия с 3-4% от общих ПИИ в Беларусь в период с 2011 г. по 2018 г. составляет единственное исключение из той относительно незначительной роли, которую играет ЕС в структуре инвестиций в Беларусь. Хотя за этот период доля Китая неуклонно возрастала с 0,2% до 1,5%, все равно нельзя считать ПИИ в Беларусь должным образом диверсифицированным сектором.

Учитывая существующую экономическую сверхзависимость Беларуси от России и исторические амбиции регионального гегемона, слабая диверсификация внешнеэкономических отношений Беларуси создала неблагоприятные условия и предоставила России пространство для манипулирования своим экономическим влиянием для достижения более широких геополитических целей.

Экономические инструменты в качестве политических рычагов

По состоянию на начало 2020 г., в российско-белорусских двусторонних отношениях отчетливо видна ключевая роль карательных экономических мер в российском наборе инструментов оказания гибридного влияния. Чрезмерная зависимость Беларуси от российского углеводородного сырья является главным фактором, угрожающим ее экономической стабильности и национальной безопасности в целом.

Экспорт Беларуси (в млрд. долл. США)

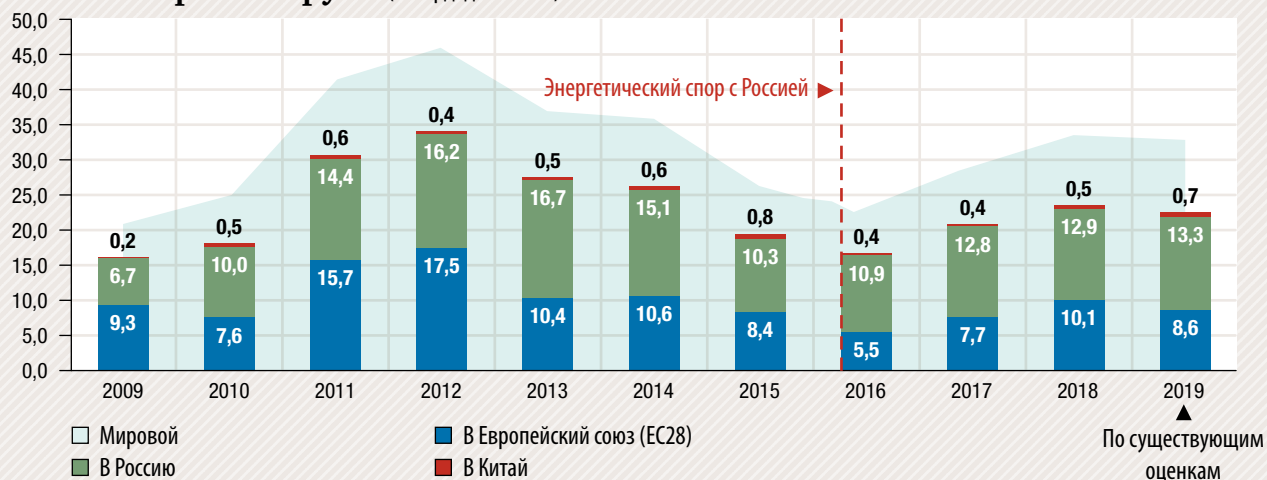

Схема 1 Источник: Наталья Халухан, на основе данных Национального статистического комитета Республики Беларусь и Карты торговли

Импорт Беларуси (в млрд. долл. США)

Схема 2 Источник: Наталья Халухан, на основе данных Национального статистического комитета Республики Беларусь и Карты торговли

Прямые иностранные инвестиции в Беларусь (млрд. долл. США)

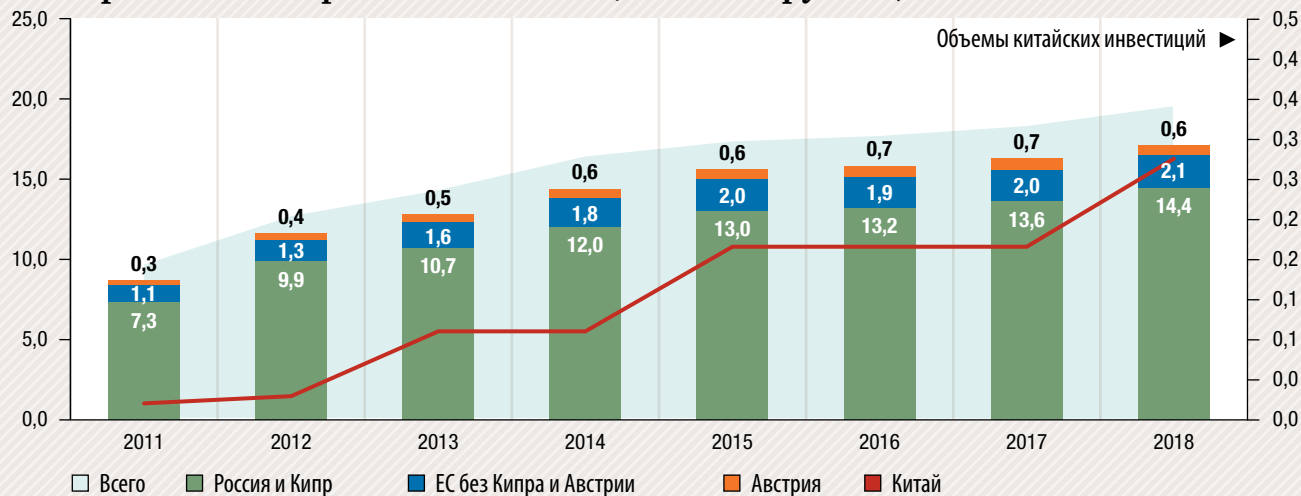

Схема 3 Источник: Наталья Халухан, на основе данных Национального банка Республики Беларусь

Белорусский импорт углеводородного сырья. 2018 г.

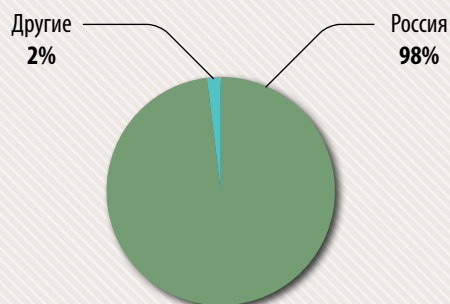

Схема 4 Источник: Наталья Халухан, на основе данных Карты торговли

Структура экспорта Беларуси. 2018 г.

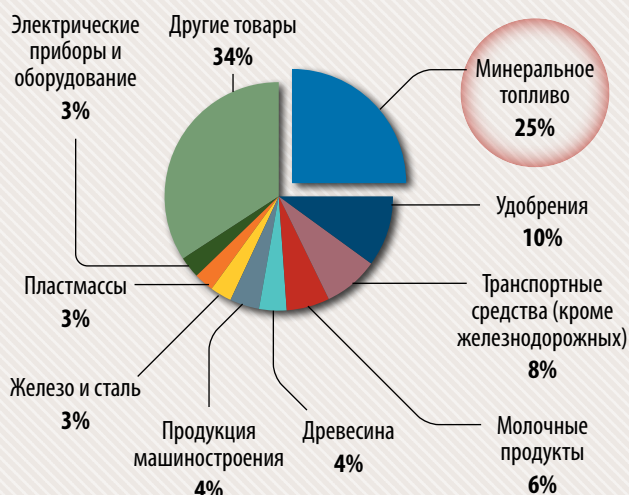

Схема 5 Источник: Наталья Халухан, на основе данных Карты торговли

Учитывая, что Беларусь производит менее 15% потребляемых ею энергоносителей, она находится в числе наименее самодостаточных стран в мире в плане энергоресурсов. Кроме этого, на долю России приходится 98% белорусского импорта энергоносителей (Схема 4). Более того, одну четвертую часть белорусского экспорта составляют производные от углеводородного сырья, переработанные из импорта и затем реэкспортированные (Схема 5).

Из-за энергетического спора между Россией и Беларусью в 2015-2016 гг. объем белорусского экспорта в Россию сократился примерно на одну треть, а объем импорта из России упал приблизительно на четверть. Таким образом, ограничения, введенные Россией в 2016 г. с целью подтолкнуть Беларусь к дальнейшей интеграции и не допустить ее фактического политического раскрепощения, в значительной степени способствовали углублению экономического кризиса в Беларуси, возникшего из-за всеобщей политической нестабильности в регионе.

В ответ на агрессивное поведение России в отношении Беларуси в феврале 2017 г. белорусский президент Александр Лукашенко назвал российскую политику «насмешкой» и заявил, что «свободу и независимость нельзя измерить никакими суммами денег». Тем не менее, российско-белорусский спор был временно урегулирован в апреле 2017 г. Беларусь получила доступ к российскому сырью в обмен на политические уступки, основное содержание которых не было четко изложено. Хотя этот спор и принес России определенные политические выгоды, полная стратегическая победа гегемона на долгосрочную перспективу не была достигнута.

Дополнительные последствия газового конфликта проявились в конце 2018 г., когда Россия, стремясь к большей степени региональной интеграции, стала продвигать идею дальнейшего сближения в рамках

Чрезмерная зависимость Беларуси от российского углеводородного сырья является главным фактором, угрожающим ее экономической стабильности и национальной безопасности в целом.

Союза России и Беларуси и натолкнулась на сопротивление со стороны Минска. Россия прибегла к налоговым маневрам, снизив экспортные пошлины на проданное топливо и одновременно с этим повысив налог на его добычу. Принимая во внимание структуру белорусской энергозависимости, эти шаги могли привести к закрытию белорусских перерабатывающих заводов и потере от 8 млрд. долл. до 12 млрд. долл. к 2024 г. Более того, 1 января 2020 г. Россия прекратила поставки нефти белорусским перерабатывающим заводам из-за отсутствия согласия по политическим вопросам. Следуя доминирующему нарративу «отеческого покровительства», Россия продолжает манипулировать чрезмерной экономической зависимостью Беларуси в своей более широкой геополитической стратегии.

Поиск нового партнера

Учитывая нынешние подходы России к фактической независимости своих исторических сателлитов, Беларусь начала активный поиск альтернативных вариантов внешнеэкономического сотрудничества. Беларусь энергично продвигает идею развития отношений с Китаем. Экономическому сотрудничеству между двумя странами способствует общая политическая парадигма, которой придерживаются лидеры обеих стран. Индекс

демократии, публикуемый журналом «Экономист», в 2018 г. определил обе страны как «авторитарные режимы», поставив Китай на 130-е место, а Беларусь на 137-е из 167 стран. Помимо этой общей политической ориентации, белорусскому руководству также импонирует еще и то, что Китай придерживается официальной политики невмешательства во внутренние дела стран-партнеров, что является полной противоположностью агрессивной политике России. В 2019 г. Китай стал третьим по величине торговым партнером Беларуси в качестве отдельно взятой страны. Хотя доля белорусского экспорта в Китай в 2019 г. составляла всего 2% от общего объема (Схема 6), импорт достиг примерно 10%, сделав Китай вторым по величине партнером-импортером после России (Схема 7).

Эта тенденция к устойчивому росту торговли с Китаем дает Беларуси возможность диверсификации и освобождения от чрезмерной зависимости от России. Она также создает предварительные условия для дальнейшего сотрудничества с Китаем в его стратегии «Один пояс – один путь», позднее переименованную в «Инициативу пояса и пути». В этой связи продолжающаяся нестабильность в Украине оказалась на пользу Беларуси. Сейчас Беларусь в какой-то степени может заменить Украину в качестве партнера для Китая по мере того, как она стремится к участию в стратегии «Один пояс – один путь» посредством расширения торговли и более активного участия в совместных проектах, таких как двухсторонний проект Индустриальный парк «Великий камень» в Беларуси.

Параллельно с поисками новых партнеров на Востоке, Беларусь также стремится использовать и новые возможности на Западе. В 2018 г. доля Австрии в общем объеме ПИИ в Беларусь составляла 8%, что делало ее третьим по величине инвестором (Схема 8) после того, как ее инвестиции почти удвоились с 600 млн. долл. до 1,1 млрд. долл., в отличие от России, инвестиции которой сократились примерно на 60%.

Австрийские ПИИ в Беларусь составляют одну треть всех инвестиций ЕС без Кипра, и ожидается, что они и дальше будут расти, поскольку уже объявлено о новых проектах, связанных с коммуникационными сетями 5G. Более того, Австрия, как нейтральная страна, не состоящая в НАТО и являющаяся самым крупным партнером Беларуси из числа стран ЕС, стала первой страной Евросоюза, которую посетил Лукашенко в 2019 г. после трехлетнего перерыва в визитах в страны ЕС.

Подводя итог, можно сказать, что внешнеэкономическая политика Беларуси дала резкий крен в сторону поиска новых возможностей и новых партнеров. Применяв экономические рычаги для увеличения своего политического влияния, Россия не приняла в расчет меняющиеся настроения в Беларуси и за ее пределами.

Эволюция нарративов

Нынешнее состояние внешнеэкономических связей Беларуси превращает эту пост-советскую страну в поле битвы нарративов. Анализ ежегодных обращений

Партнеры-экспортеры Беларуси. 2019 г.

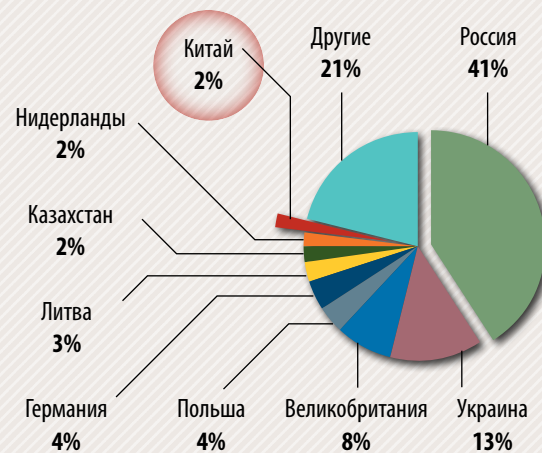

Схема 6 Источник: Наталья Халухан, на основе данных Национального статистического комитета Республики Беларусь

Партнеры-импортеры Беларуси. 2019 г.

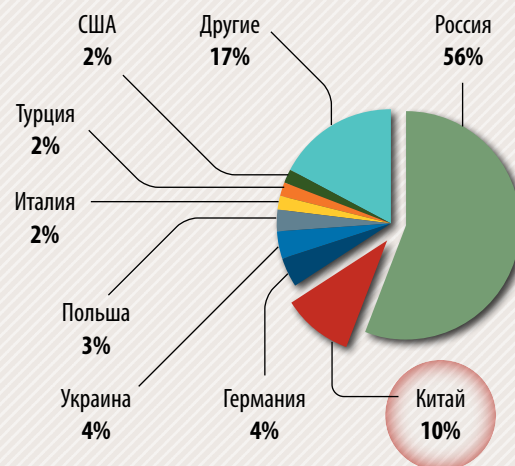

Схема 7 Источник: Наталья Халухан, на основе данных Национального статистического комитета Республики Беларусь

Прямые иностранные инвестиции в Беларусь. 2018 г.

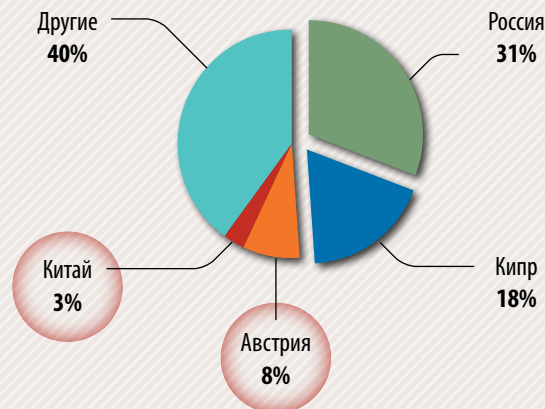

Схема 8 Источник: Наталья Халухан, на основе данных Национального банка Республики Беларусь

президента Лукашенко к белорусскому народу с докладом о состоянии дел в стране в период с 2015 г. по 2019 г. (Таблица 1) четко демонстрирует, как экономическая зависимость, используемая в качестве политического инструмента влияния, может формировать стратегические нарративы внутри страны. Упомянутые темы и частота их упоминания указывают на то, что Россия теряет свое политическое влияние в Беларуси со времени

российско-белорусских разногласий 2016 г. В 2015 г. Россия была названа «главным стратегическим партнером» и в обращении Лукашенко была упомянута 35 раз. В 2019 г. Россия была упомянута только 10 раз и ей было дано обновленное определение – «главный союзник». А вот что касается Китая, то если в 2015 г. двусторонние отношения были охарактеризованы как «всестороннее стратегическое партнерство», то в 2019 г. Китай был

Обращения Президента Лукашенко к белорусскому народу

ПАРТНЕР	РОССИЯ		КИТАЙ		ЕС	
ГОД	Риторика	Частота упоминания	Риторика	Частота упоминания	Риторика	Частота упоминания
2015	«наш главный стратегический партнер»	35	«уровень всестороннего стратегического партнерства»	5	«Мы заинтересованы в том, чтобы вывести сотрудничество с Европейским союзом на новый качественный уровень».	5
2016	«наш союзник и стратегический партнер»	31	«всестороннее стратегическое партнерство с великим Китаем»	4	«серьезный поворотный момент в наших отношениях с Западом».	6
Поворотный момент	«В мировой экономике происходят коренные изменения. Иначе и быть не может, поскольку политика, глобальная политика, в значительной степени влияет на экономику».					
2017	«Особый стратегический характер [партнерства].. Это не означает, что у нас нет абсолютно никаких проблем».	22	«Отношения на уровне всестороннего стратегического партнерства»	11	«Процесс налаживания отношений со странами Европейского союза».	8
2018	«Союзный проект с Россией не утратил своей значимости... Интеграционный потенциал взаимодействия не использован полностью».	17	«Попросить китайцев: «Помогите»... Отношения с Китайской Народной Республикой достигли стадии быстрого развития».	10	«Был достигнут прогресс в налаживании диалога с европейскими государствами».	5
2019	«наш основной союзник ... На Востоке наши усилия сосредоточены на участии в интеграционных связях на постсоветском пространстве... [Тем не менее,] нам не нужна интеграция ради интеграции».	10	«Беларусь сегодня играет важную роль в развитии Китая и китайской инициативы международного «Шелкового пути». ... [Китай является] самым важным стратегическим партнером».	8	«Мы стремимся добиться того, чтобы Европейский союз стал одной из составляющих внешней торговли Беларуси, сравнимой с Евразийским экономическим союзом».	5

Таблица 1 Источник: Наталья Халухан, на основе анализа выступлений, опубликованных на официальном интернет-портале белорусского президента.

назван «самым важным стратегическим партнером». Кроме того, кардинально изменилось и отношение Беларуси к ЕС, особенно после «серьезного поворотного момента» в двусторонних отношениях, имевшего место в 2016 г., и который можно считать результатом обострившихся разногласий между Россией и Беларусью.

Перемены в официальных нарративах отражают также и перемены в общественном восприятии. Как указывают результаты общенационального опроса, проведенного в 2019 г. Институтом социологии Национальной академии наук, гражданская поддержка полной независимости Беларуси возросла на 14,9% с 2003 г. до 49,9%, в то время как поддержка равноправного союза с Россией снизилась на 13,3% (Схема 9). Таким образом, половина граждан страны считает, что Беларусь должна быть независимым государством и строить свои отношения с Россией на основе международных договоров (что можно будет классифицировать как партнерство). В то же время, 36,1% населения считают, что две страны должны сотрудничать в рамках равноправного союза с созданием наднациональных управляющих структур (союзные отношения).

Результаты демонстрируют, что усиление российского экономического давления привело к более негативному восприятию России как официальными кругами Беларуси, так и общественным мнением страны. На этом фоне руководство Беларуси ищет новые варианты экономического партнерства посредством трансформированных стратегических нарративов.

Заключение: последствия для Европы

Ввиду своего постсоветского наследия и географического положения Беларусь экономически чрезмерно

зависима от России как в сфере внешней торговли, так и в сфере прямых иностранных инвестиций. Однако, экономическая стабильность и национальная безопасность в целом особенно уязвимы из-за чрезвычайно высокой степени зависимости от импортируемых энергоресурсов. Принимая во внимание российские нарративы «отеческого покровительства» и гегемонистские устремления, сверхзависимость Беларуси активно используется Россией для получения крупных политических выгод. Энергетический спор между Россией и Беларусью в 2015-2016 гг. может служить примером силы агрессивной политики России в отношении своих исторических сателлитов.

Однако, политическая победа России в этом споре не принесла ей долгосрочных результатов, на которые она, возможно, рассчитывала. Видя на примере Украины потенциальные последствия российского экономического влияния, Беларусь стала двигаться в сторону фактической независимости во время следующей эскалации конфликта с Россией в 2018-2019 гг. С целью снизить российское влияние и сократить свою зависимость руководство Беларуси повернулось как в сторону Запада, так и на Восток в поисках новой модели внешнеэкономического сотрудничества. В результате Китай стал одним из основных экономических партнеров Беларуси. Более того, официальный политический курс, поддерживаемый меняющимися настроениями внутри страны, стал также претерпевать аналогичные перемены.

Представления в Беларуси о том, что Россия является единственным, и даже самым важным, региональным гегемоном, быстро меняется, несмотря на экономическую сверхзависимость (а может, и благодаря ей). В то же время, будучи небольшой страной с соответствующими ограничениями, Беларусь стремится к диверсификации и переориентации в поисках экономических партнеров и не пытается преодолеть трудности самостоятельно. Резкий поворот в сторону развитого партнерства с другой сверхдержавой, Китаем, может заложить основу для широкого реструктурирования баланса сил в регионе.

В контексте соревнования великих держав, не переходящего в войну, Китай дает Беларуси не российского и не западного альтернативного партнера, что ослабляет российские рычаги влияния и заставляет Москву принимать во внимание интересы своего «стратегического партнера» в своей самопровозглашенной «сфере привилегированных интересов». Китай смягчает последствия российской милитаризации и других проявлений агрессивной стратегии. Эти удивительные обстоятельства имеют значительные последствия для европейской структуры безопасности. Китай и Россия могут сотрудничать, но они также являются конкурентами и их интересы не всегда совпадают, а иногда и просто несовместимы. Это делает стратегическую обстановку более сложной, но также и потенциально снижает тенденции к эскалации напряженности. □

Перемена отношения белорусов к Союзу России и Беларуси

Поддержка Союза
России и Беларуси

2003
49,4%

2019
36,1%

Поддержка
независимой Беларуси

2019
49,9%

2003
35,0%

Схема 9

Источник: Наталья Халухан, на основе данных Института социологии Национальной академии наук Беларуси

Влияние Китая в Центральной Азии

Последствия для евроатлантического миропорядка

Д-р Пал Дуней, профессор Центра им. Маршалла

Соединенные Штаты определили тематику для международной безопасности, а также в значительной степени и терминологию, используемую во всем мире. Так же они поступили и со Стратегией национальной безопасности (СНБ) 2003 г., объявив Глобальную войну против терроризма, и снова в 2017 г., подчеркнув в своей новой СНБ проблему конкуренции великих держав – между США (и их друзьями и союзниками) и Китаем и Россией. Все еще слишком рано говорить, присоединятся ли друзья и союзники к США в этой конкурентной борьбе.

Учитывая выше сказанное и предполагая, что США соревнуются с Китаем и Россией в глобальном масштабе, присутствие США должно быть в тех частях мира, где проявляют активность конкуренты либо по отдельности, либо вместе. Это означает, что Центральная Азия должна быть в центре внимания США, особенно потому, что две другие великие державы граничат с Центральной Азией и являются ее потенциальными спонсорами, инвесторами, торговыми партнерами, а также могут обеспечивать этому региону помощь и безопасность.

Справедливо будет задаться вопросом, насколько обоснованы преобладающие и популяризированные представления о китайском (и российском) влиянии в Центральной Азии. А именно, представления о том, что:

1. Эти два государства дополняют вклад друг друга, в то же время конкурируя за доступ к рынкам, инвестициям и влиянию.
2. Источник китайского влияния носит преимущественно экономический характер, в то время как Россия рассматривается как гарант безопасности.
3. Каналы влияния в основном двусторонние, а региональные организации играют, как правило, вспомогательную роль.

Международная безопасность носит сегодня гораздо более глобальный характер, чем несколько десятилетий назад, и все же имеются все основания утверждать, что географическая близость стран продолжает иметь большое значение. Применительно к региону Центральной Азии, необходимо ответить на следующие вопросы: какова динамика отношений между Китаем и пятью центральноазиатскими странами, и насколько обоснованы тревоги относительно влияния Пекина в регионе? Каковы устремления Китая и совпадают ли они с устремлениями государств Центральной Азии? Что

покажет сравнительный анализ влияния Китая и влияния ведущих западных стран в этом регионе?

Расширяя отношения между Китаем и регионом Центральной Азии

Вот уже почти три десятилетия отношения между Китаем и Центральной Азией имеют крайне динамичный характер. Из быстро развивающегося, но все же не основного, игрока на мировой арене в начале 90-х гг. Китай превратился в одну из ведущих мировых держав. В 1992 г., когда страны Центральной Азии всего год перед этим стали независимыми, доля Китая в мировом суммарном ВВП была лишь 1,71%, а в списке развитых экономик мира страна занимала 10-е место. В 2018 г. доля Китая в общемировом ВВП составляла 15,86% (в номинальном исчислении), и Китай был второй крупнейшей экономикой мира после США, отодвинув на третье место Японию, опередив ее на 10%.

Это было испытанием т.н. «Стратегии 24-х иероглифов» Дэн Сяопина, провозглашенной в 1990 г., в соответствии с которой Китай должен «спокойно наблюдать; обеспечить безопасность своих позиций; вести дела взвешенно; прятать свои возможности и выжидать; стараться быть не очень заметным; и никогда не претендовать на лидерство». Помимо десятикратного роста объема китайского ВВП, стоит рассмотреть еще два фактора: **1. «Стратегия 24-х иероглифов» не соответствует большей части истории Китая,** которая больше была основана на системе Фенг-Гонг («платящий дан»), в соответствии с которой страна устанавливала связи с соседними государствами и со временем делала их экономически зависимыми. Как считает кыргызский дипломат и известный в Центральной Азии ученый Куштарбек Шамшидов, после достижения такой экономической зависимости соседнего государства «китайский императорский двор приобретал также и политическое влияние и использовал эту страну в качестве буферной зоны для защиты своей территории от внешних сил». **2. Любопытно, в какое время была принята эта стратегия.** В 1990 г. коммунистические страны занимали оборонительные позиции, и «мировая система социализма» готова была рухнуть. Как следствие, оборонительная стратегия, изложенная Дэн Сяопином, отражала обстоятельства конкретного периода, но совсем не была рассчитана на то, чтобы стать основой международной политики Китая на длительную историческую эпоху. Более того, когда государство развивается быстро, то ему трудно противостоять искушению увеличить свои амбиции, независимо от исторических традиций, и стремиться к восстановлению своего статуса в международной системе.

Развал Советского Союза также означал возрождение важности географической близости государств. Китай был в то время на ранней стадии своей трансформации, но все же уже тогда опережал новые независимые государства Центральной Азии. В 1992 г. общий суммарный ВВП стран Центральной Азии составлял 10,29% от ВВП Китая. В 2019 г. ВВП Центральной Азии составлял всего 2,045% ВВП Китая. Такое пятикратное «падение» не означает, что регион Центральной Азии не развивался (он развивался, хотя и медленно). Напротив, это демонстрирует

ошеломляющий рост богатства Китая по сравнению со странами Центральной Азии. Что касается паритета покупательной способности, то огромная разница была все же не такой потрясающей, поскольку в Китае был более высокий уровень цен в 2019 г. чем в странах Центральной Азии. Кыргызстан и Таджикистан имели платежный и торговый дефицит. Узбекистан продемонстрировал переменчивый курс, введя высокие тарифы и нетарифные барьеры, пытаясь защитить свой зависимый внутренний рынок. Когда эти защитные меры были ослаблены, торговый дефицит вырос (см. Таблицу 1).

Если мы более тщательно проанализируем Центральную Азию в контексте всех стран-преемниц Советского Союза, то придем к важному выводу. Спустя почти три десятилетия после распада Советского Союза пять самых богатых стран по номинальному ВВП на душу населения – это те, которые производят и экспортируют углеводороды – Россия, Казахстан, Туркменистан и Азербайджан (Беларусь реэкспортирует некоторую часть этих продуктов, импортированных из России). Это означает, что трех десятилетий было недостаточно, чтобы обогатить бывшие советские республики путем производства с высокой добавочной стоимостью и изменениями экономических основ.

Страны с ограниченным внутренним капиталом для инвестирования могут попасть в серьезную зависимость от прямых иностранных инвестиций (ПИИ). В такой ситуации государства сдаются на милость инвесторов. Экономике в некоторых центральноазиатских странах, в частности, в Кыргызстане и Таджикистане, зависят от внешней помощи и будут оставаться в таком положении еще не одно десятилетие. Это и понятно, поскольку страны Центральной Азии – без царского режима и советских экспериментов и их существенного позитивного влияния на развитие региона, включая его индустриализацию, урбанизацию, культурный подъем и провозглашенное равенство мужчин и женщин – были бы классическим примером развивающихся стран. Тем не менее, большие территории в Центральной Азии развивались как монокультурные экономические образования, основанные на сельскохозяйственном производстве и добыче природных ресурсов – от

хлопка до урана – модель, которая была разумной только в широких рамках Советского Союза. И все же определенная индустриализация изменила центральноазиатский ландшафт, особенно в Казахстане, где половина рабочей силы занята в промышленности, строительстве, торговле или в секторе коммуникаций.

Китай следует прагматическим политическим курсом в своих международных отношениях, основанных на хорошо известных принципах: невмешательство во внутренние дела других стран, развитие выгодного экономического сотрудничества и улучшение собственной репутации. В своей международной политике Китай ведет борьбу с набором из трех зол – терроризм, экстремизм и сепаратизм – и стремится к тому, чтобы весь мир принял концепцию «Одного Китая». Следуя этим курсом, Китай не выдвигает предварительных условий, когда рассматривает возможность сотрудничества с новыми партнерами. Понятно, что Китай не настаивает на соблюдении прав человека в качестве условия, поскольку и сам не отвечает этому условию. Это дает Пекину преимущества по сравнению с теми, кто выдвигает политические условия для сотрудничества. Такая позиция удовлетворяет страны Центральной Азии, где такой подход считается абсолютно приемлемым, поскольку «совпадение режимов» делает Китай естественным партнером и не требует никаких компромиссов. Китай извлекает выгоды из двух фактов: **1. Политическая стабильность на высоком уровне** помогла установить долгосрочные отношения с людьми у власти. **2. Централизация власти** в руках немногих (в некоторых случаях в руках одного человека). Хотя эти два факта в контексте Центральной Азии плотно переплетаются, важно отметить, что концентрация власти облегчает приобретение влияния, в том числе и посредством коррумпированных политических инструментов, таких как шантаж и подкуп. Китай получает от этого выгоды, поскольку многие из его инвестиций предоставляются государственными компаниями, а негосударственные фирмы могут оказаться в затруднительном положении перед лицом чрезвычайно мощного государственного аппарата Китая (см. таблицу 2.)

Что касается внешней торговли, то отношения

Общие сравнительные данные стран Центральной Азии и Китая

	Казахстан	Кыргызстан	Таджикистан	Туркменистан	Узбекистан	Китай
Территория (км²)	2 724 900	199 951	143 100	488 100	447 400	9 596 960
Население (2017 г.)	19 091 949	5 964 897	8 873 669	5 528 627	30 565 411	1 384 688 986
ВВП (в млрд. долл. США) (2017 г.)	179,339	8,092	7,522	40,761	50,499	23 210 000
ВВП на душу населения (в номинальном исчислении) (в долл. США) (2017 г.)	9 139	1 292	877	7 816	1 831	16 700
Рост ВВП (2019 г.) (%)	3,9	3,4	4,5	6,0	6,0	6,9
Численность вооруженных сил (на действительной службе) (2017 г.)	39 000	10 900	36 500	36 500	48 000	2 035 000

Таблица 1 Источники: The World Factbook, Worldometer, GlobalFirepower

характеризуются существенной асимметрией. Ни одно из государств Центральной Азии не входит в число основных партнеров-импортеров Китая, только Казахстан занимает 39-ю позицию. Китай же является крупнейшим (для Кыргызстана и Узбекистана) или вторым крупнейшим (для Казахстана) партнером-импортером для стран Центральной Азии. Аналогичная ситуация и с экспортом – крупнейший региональный партнер-экспортер Китая – Казахстан – занимает 36-ю строчку. В то же время, Китай является самым крупным (для Туркменистана и Узбекистана) или вторым самым крупным (для Казахстана) партнером-экспортером. Случай с Туркменистаном представляет особый интерес, поскольку эта страна в огромных объемах экспортирует газ (и практически ничего больше). В последние годы 70% туркменского экспорта шли в Китай. Туркменистан понял, каким сдерживающим развитием фактором может стать такая асимметричная зависимость, и в 2018 г. возобновил экспорт газа в Россию после многих лет периодически портящихся двусторонних отношений.

Что касается ПИИ, то и здесь Китай играет ключевую роль, хотя и с различными вариациями. Чем меньше диверсифицирована экономика региона Центральной Азии, тем меньше он может привлечь ПИИ и тем больше он зависит от китайских инвестиций. Часть ПИИ предоставляются в виде кредитов: Туркменистан заплатит Китаю за его вклад в строительство газопровода поставкам газа, когда газопровод вступит в строй.

Бизнес-отношения с Китаем характеризуются такими особенностями как отношения именно на уровне правительств, отсутствие прозрачности и могут включать компонент коррупции в отношениях с руководителями. Экономические средства будут использоваться для

создания отношений преданности и зависимости.

Все это порождает несколько вопросов. Превратилось ли существенное экономическое влияние Пекина в политическое влияние? Заставило ли это влияние страны занять такие позиции, которые бы они в противном случае не заняли? Или заставило ли это государства не высказывать взгляды, которые расходятся со взглядами Китая? Принимая во внимание схожесть режимов в странах региона и в Пекине, а также тенденцию центральноазиатских стран избегать участия в делах великих держав (если только не попросит важный стратегический партнер, чаще всего, Россия), то трудно сделать вывод о том, что Китай использует выдвигаемые условия и рычаги влияния для формирования позиции стран Центральной Азии на международной арене. Трудно сказать, чувствуют ли иногда правительства стран Центральной Азии необходимость действовать (или молчать) под давлением Китая и вопреки своим интересам. Это было бы ясно только в том случае, если бы Китай комментировал события в Центральной Азии или если бы центральноазиатские страны комментировали события в Китае, в частности, такие болезненные темы как Тайвань, ситуацию в Южно-Китайском море или негуманное обращение с уйгурским национальным меньшинством. Однако, стороны тщательно избегают любых публичных комментариев, которые бы могли нанести ущерб отношениям между ними.

Существует устойчивая экономическая зависимость Центральной Азии от Китая и политическая согласованность между Пекином и странами региона. Доминирует мнение о том, что Китай старается не выходить за рамки традиционных способов оказания влияния, поскольку Россия является стратегическим партнером также и в сфере безопасности. Однако, по мере увеличения своей мощи в последние десятилетия, Китай также создал сеть

Концентрация силы в государствах Центральной Азии и в Китае

	Казахстан	Кыргызстан	Таджикистан	Туркменистан	Узбекистан	Китай
Распределение мест в соответствии с Индексом гуманитарного развития ¹ (2019 г.)	50-51	122	125	108-109	108-109	85-86
Распределение мест в соответствии с Индексом предполагаемой коррупции ² (2019 г.)	113-118	126-129	153-157	165-167	153-157	80-84
Global Freedom ³ (2019)	23 (НС ⁴)	39 (ЧС ⁵)	9 (НС ⁴)	2 (НС ⁴)	10 (НС ⁴)	10 (НС ⁴)
Индекс демократии по данным журнала «Экономист» ⁶ (2020 г.)	2,94 Авторитарные режимы	4,89 Гибридные режимы	1,93 Авторитарные режимы	1,72 Авторитарные режимы	2,01 Авторитарные режимы	2,26 Авторитарные режимы
Henley Passport Index ⁷ (2020 г.)	76	63	58	52	57	71

Таблица 2 Источники: Программа ООН по развитию, Transparency International, Freedom House, Индекс демократии по данным журнала «Экономист»

1. Индекс гуманитарного развития Программы ООН по развитию

2. Индекс предполагаемой коррупции организации Transparency International

3. Индекс Global Freedom организации Freedom House – шкала от 0 до 100, где 100 – максимальный уровень свобод.

4. НС – несвободные

5. ЧС – частично свободные

6. Индекс демократии по данным журнала «Экономист» – шкала от 0 до 10, где 10 означает наивысший уровень демократии; от 0 до 4,0 – авторитарные режимы; от 4,0 до 6,0 – гибридные режимы

7. Henley Passport Index измеряет возможность граждан разных стран совершать международные путешествия; шкала от 0 до 200, где 200 означает максимальную свободу путешествий

взаимоотношений со странами Центральной Азии и в сфере военных закупок. И хотя рынок военных товаров в Центральной Азии невелик, Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан являются членами Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ), а у Узбекистана имеются специальные договоренности с Россией. Эти четыре государства могут закупать российские вооружения и оборудование по российским национальным ценам, что практически устраняет конкуренцию со стороны других экспортеров. Исключение могут составить только те специализированные товары, которые Россия не может поставлять.

В рамках такой схемы Китай начал постепенно расширять военное взаимодействие со странами Центральной Азии. Модель его присутствия в регионе довольно сложная и основывается на взаимной выгоде. Еще примерно десять лет назад Китай начал осуществлять некоторые поставки, в основном небольшим и бедным странам региона – Кыргызстану и Таджикистану – для нужд национальных полицейских служб. В числе проектов было строительство здания для подразделений по борьбе с контрабандой наркотиков в южном районе Таджикистана. Следует отметить, что Китай покупает военные товары у стран Центральной Азии, включая приобретение 40 торпед «Шквал» у Казахстана в 1998 г. Поскольку некоторые центральноазиатские страны (Казахстан и Туркменистан) экспортируют энергоносители на китайский рынок, то военные поставки в эти страны зачастую осуществляются для того, чтобы снизить торговый профицит. Китай продал Казахстану и Узбекистану беспилотники Wing Loong-1. Таджикистан закупил у Пекина боевые бронемашину и патрульные автомобили. У Туркменистана огромный торговый профицит из-за экспорта газа, и он закупил у Китая наземные ракеты и радиолокационные станции. В Туркменистане и Узбекистане на боевом дежурстве стоят китайские системы противовоздушной обороны HQ-9. Казахстан закупил у Китая военный самолет Y-8, который по своим характеристикам схож с российским Ан-12. По мере того, как оборонная промышленность Китая становилась все более разносторонней и конкурентоспособной, страна постепенно превращается в экспортера вооружений с вполне конкурентоспособными ценами и условиями поставок, включая долгосрочную схему выплаты кредита поставками товаров, т.е. бартерные сделки между странами. Такие инновационные подходы сделали Китай конкурентоспособным на центральноазиатском рынке военных товаров и услуг.

Китай также расширил сотрудничество с регионом Центральной Азии в сфере безопасности. Количество совместных военных учений растет, в основном с участием тех трех стран, с которыми Китай имеет общую границу: Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана. Некоторые учения проводились в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Китай также создал базу в Горно-Бадахшанской области Таджикистана возле границы с Китаем и Афганистаном, на территории которой был построен ряд учебных центров и командных пунктов. Соответствующее соглашение было подписано правительствами двух стран в 2016 г. Объект считается пограничным

постом, построенным на китайские деньги и на котором несут службу подразделения Народной вооруженной полиции Китая. Этот пост предоставляет Китаю информацию об Афганистане, который Пекин считает единственной крупной внешней военной угрозой Центральной Азии, и предотвращает передвижение афганских террористов в Китай через Таджикистан. Китайские предпочтения в сотрудничестве в сфере безопасности можно назвать прагматичными. Помимо экономических интересов Китай уделяет внимание тем областям, где у него, как он считает, есть недостатки и в которых определенные действия со стороны стран Центральной Азии могут положительно отразиться на его безопасности. Их можно связать с борьбой против «трех зол», хотя некоторые из них, такие как сепаратизм, могут требовать вольного толкования. Принимая во внимание нынешние тенденции, можно прийти к выводу о том, что Китай использовал возможность расширить сферу своей деятельности, основываясь на таких факторах как географическая близость, экономическая асимметрия и становящиеся все более разнообразными источники его силы и влияния.

Китай и гражданское общество стран Центральной Азии

Ни одно из государств Центральной Азии не является полноценной демократией. С определенными вариациями (Кыргызстан является заметным исключением) они все авторитарные режимы или же откровенно диктаторские. Отчуждение крупных сегментов населения может способствовать нестабильности и представлять опасность для руководителей этих стран, стремящихся остаться у власти как можно дольше. По этой причине имеет смысл проанализировать не только межгосударственные отношения, но также и то, как гражданское общество в странах региона относится к Китаю (и в отдельных случаях к китайским гражданам). Имеются разрозненные свидетельства того, что жители других регионов, где наблюдается китайское присутствие, относятся к Китаю с такой же настороженностью, что и население Центральной Азии. У этого явления есть три аспекта: **1. Осторожное отношение к Китаю**, который, как партнер, стремится довести до максимума свои выгоды, при этом не принимая во внимание местные нужды. В частности, это относится к китайским инвестиционным проектам, которые в недостаточной мере предоставляют занятость местной рабочей силе. **2. Китай использует в своих интересах асимметричные отношения**, несправедливо получая при этом выгоды. **3. Китай накладывает на своих партнеров ограничения**, не позволяющие им высказывать иную, а иногда и противоречащую китайской, точку зрения. Эти три аспекта объединяет один вопрос: с кем именно не согласны жители стран Центральной Азии – с Китаем или с собственными лидерами, которые, возможно, в недостаточной мере ставят на первый план национальные интересы в своих отношениях с Китаем? Ответить на этот вопрос сложно, поскольку отношения в высшей степени асимметричны, а присутствие других стран в регионе практически незаметно; таким образом, Пекин остается единственным реальным партнером. Россию можно было

бы считать исключением, но те средства, которые она была бы готова вложить в регион в долгосрочной перспективе, более ограничены. И другой вопрос: Существует ли сговор между отдельными коррумпированными руководителями стран Центральной Азии и китайскими властями?

За последние пару лет было несколько случаев, когда у чиновников в странах Центральной Азии были неприятности, связанные с действиями (или бездействием) в отношении Китая. Эти случаи можно разделить на две группы: те, где в основе лежали вопросы использования или принадлежности территорий стран Центральной Азии, и те, где главным фактором была этническая принадлежность. По мере возрастания интенсивности взаимоотношений стран региона с Китаем возрастает и количество проблем, связанных с этими аспектами.

Вопросы, связанные с владением землей и ее арендой, обсуждаются в рамках двусторонних отношений Китая с Казахстаном и Таджикистаном. В 2016 г. в Земельный кодекс Казахстана были внесены изменения, согласно которым иностранцы также могут брать землю в аренду. Эти изменения привели к энергичным протестам и демонстрациям, поскольку люди интерпретировали их как разрешение передавать иностранцам также и право владеть землей. Хотя на самом деле это не так, такое впечатление может создаваться, когда земля передается в аренду на довольно длительный срок. В ответ на протесты бывший в то время президентом Нурсултан Назарбаев приостановил применение кодекса, и внесенные поправки были отменены. И хотя этот эпизод не был официально связан с занимавшим тогда пост премьер-министра Каримом Массимовым (прокитайским политиком с дипломами от университетов в Пекине и Ухане), существовали подозрения, что именно он инициировал изменения в Земельном кодексе, которые способствовали бы экономической экспансии Китая. В Таджикистане китайским фермерам было разрешено брать в аренду сельскохозяйственные угодья с начала 2010-х гг., что также вызвало опасения относительно возможных протестов. Однако, протестов удалось избежать, поскольку выделяемые под аренду участки земли были неосвоенными, и была дана гарантия, что выращенная на них сельскохозяйственная продукция будет продаваться внутри страны, а не вывозиться в Китай. Эти случаи показывают, насколько чувствительными могут быть вопросы владения землей в преимущественно аграрных странах.

Китай стремится к достижению этнической однородности. Эти усилия наталкиваются на определенные трудности в отдаленных районах Тибета, в населенной уйгурами провинции Синцзян и в других местах, поскольку они осуществляются без согласия национальных меньшинств. Синцзянский район примыкает к региону Центральной Азии, и уйгуры проживают также и в центральноазиатских странах – в Казахстане и в меньших количествах в Кыргызстане и Узбекистане. Когда для ускорения достижения этнической однородности Китай открыл т.н. центры профессионального обучения (а на самом деле лагеря принудительного перевоспитания) и провел через системы такого «обучения» один миллион китайских граждан, если не больше, то в Казахстане начались демонстрации. Демонстрации не ограничились

только поддержкой уйгуров, которых в Казахстане насчитывается менее 200 тыс.; среди движущих сил демонстраций было и все больше нарастающее подозрение в том, что в Китае также преследуют и мусульман, единоверцев жителей Казахстана. Перед руководством Казахстана встал трудный выбор, поскольку устоявшаяся политика невмешательства в дела друг друга в отношениях между двумя странами вступила в противоречие с необходимостью соблюдения основных прав человека. В конце концов власти Казахстана приняли решение урегулировать вопрос с демонстрантами на национальном уровне и не поднимать этот вопрос официально на уровне межгосударственных отношений с Пекином. Такой подход отличался от прежней политики Казахстана, которая оставляла Астане какое-то пространство для дипломатического маневра в вопросах, связанных с уйгурами. Казахские официальные власти сделали все возможное, чтобы заверить Китай в том, что они и дальше будут придерживаться политики невмешательства в дела Пекина.

Несколько месяцев спустя, в феврале 2020 г., репрессиям подверглись этнические дунгане в южной части Казахстана, неподалеку от границы с Кыргызстаном. Дунгане – мусульмане, происходящие из китайской народности Хан, и поэтому широко было распространено мнение, что имели место этнические погромы. Хотя это были не первые этнические столкновения в Казахстане, это были первые с участием китайских этнических меньшинств, в результате которых погибли 11 дунган. Эти протесты, которые до сих пор проходят только в пределах Казахстана и Кыргызстана, указывают на то, что власти центральноазиатских стран должны обращать пристальное внимание на общественное недовольство, чтобы избежать социальной нестабильности. Поскольку ни одно из государств Центральной Азии не является развитой демократией, то созданные там механизмы управления социальными конфликтами могут оказаться недостаточными. Китай также должен понимать, насколько чувствительным может стать вопрос его регионального доминирования, и как это может использовать в своих целях политическая оппозиция в странах региона, стремящаяся отстранить от власти нынешних руководителей.

Доминирование двусторонних контактов в «сахарной глазури» многосторонних отношений

Великие державы, такие как Китай, обычно предпочитают двусторонние отношения со своими партнерами, поскольку в этих случаях их доминирование будет более значительным и ярко выраженным. В последние два десятилетия великие державы предпочитали межправительственные организации, в которых они могли бы доминировать или играть в них роль, превышающую их действительный уровень влияния в мире. Быстро растущий статус Китая как великой державы не требует региональной межправительственной структуры. И все же он участвует в региональной (евроазиатской) международной организации, в которой четыре из пяти стран Центральной Азии являются членами, а пятая (Туркменистан) постоянным гостем. Однако, тот факт, что государства объединяются в межправительственные структуры, фундаментально не меняет отношения силы и

влияния. ШОС была создана пятью странами почти четверть века назад. До недавнего времени роли ее шести членов были четко определены, и доминирующими игроками были Китай и Россия. После присоединения Индии и Пакистана в 2017 г. ситуация медленно будет усложняться из-за геополитической важности Дели. Хотя роль этой организации в первое десятилетие ее существования часто преувеличивалась, и слышались рассуждения о том, что она заложит основы для антиамериканского альянса, она по-прежнему служит интересам своих членов. Присоединились два новых члена, ни один из первоначальных членов не покинул организацию (в отличие от ОДКБ), а количество наблюдателей и партнеров по диалогу растет. Встречи в рамках ШОС важны для руководителей стран Центральной Азии, поскольку дают им возможность двустороннего общения с коллегами из Китая и России. Реальность многостороннего сотрудничества для центральноазиатских членов ШОС в том, что эта организация дает возможность для переговоров с лидерами крупных держав в двустороннем формате.

Начиная с 2013 г., Китай продвигает концепцию «Один пояс – один путь» (ОПОП), которая сейчас называется «Инициатива пояса и дорог», и являющуюся грандиозной стратегией создания механизма сбора пошлин с центром в Пекине. Это беспроигрышная игра для Пекина, поскольку китайские ресурсы, вложенные в проекты, считаются необходимыми в странах конечного назначения и транзита. Центральная Азия является своеобразным трамплином для центрального сухопутного участка ОПОП, в то время как Китай активно развивает и морскую часть проекта («Шелковый путь» и «Морской Шелковый путь»). Центральная Азия сухопутными маршрутами соединяет Китай с его рынками в Европе. Странам этого региона принесут большую пользу проекты инфраструктурного развития, будь то строительство шоссейных дорог, железных дорог, трубопроводов или электросетей. Эти проекты будут приняты с благодарностью в странах, у которых нет ресурсов не только на модернизацию, но и на поддержку устаревшей инфраструктуры. Но есть здесь и отрицательные стороны, а именно – инвестиции сопровождаются ростом влияния, которое может оставаться безвредным (будет поддерживать мирное развитие Китая и его концепции гармоничного мира), а может иметь и отрицательный эффект. Китайские инвестиции приходят вместе с китайской рабочей силой (что не стимулирует занятость в центральноазиатских странах), а зачастую и с китайским бизнес-присутствием, что может приобрести определенную форму неокOLONиализма. Для беднейших стран Центральной Азии китайские ресурсы могут оказаться единственно доступными, в то время как в странах побогаче они будут выступать в качестве дополнительного финансирования необходимых проектов. Например, возьмите 121 млн. долл., выделенных Китаем на два проекта по перестройке и развитию сети улиц в столице Кыргызстана Бишкеке. Часть этих денег не была использована на эти проекты или просто «исчезла» (что привело к так и не завершённому уголовному расследованию), а в некоторых случаях качество перестроенных дорог (например, между Бишкеком и Международным

аэропортом «Манас») было ниже требуемых стандартов. И все же проведенные работы снизили уровень загрязненности в городе с вредным для здоровья воздухом, а основные магистрали города больше не причиняют вреда автомобилям, которые по ним ездят. Плакаты на автобусах извещают о том, что они были подарены Китаем.

Может сложиться неверное впечатление, что в Центральной Азии нет никаких других проектов развития, кроме тех, которые инициированы и реализуются китайской стороной. Например, проект «Центральная Азия – Южная Азия 1000» (ЦАЮА 1000), суть которого состоит в том, чтобы производимую гидроэлектростанциями Кыргызстана и Таджикистана электроэнергию экспортировать в Афганистан и Пакистан, финансирует Всемирный банк.

Какие последствия возможны для ЕС, США и евроатлантического миропорядка?

В 2019 г. и в 2020 г. Европейский союз и США приняли новые стратегии в отношении региона Центральной Азии. Они отличаются реализмом и ограниченными амбициями. Как у ЕС, так и у США хватает дел в других географических регионах, и Центральная Азия не в числе их приоритетов. Госдепартамент США призывает страны Центральной Азии «укреплять свою независимость от зловредных субъектов» и также «поддерживать индивидуальный суверенитет и делать четкие выборы в пользу достижения и сохранения экономической независимости». Несмотря на осторожные и дипломатичные формулировки, совершенно ясно, что текст документа относится не только к террористическим и радикальным исламским группировкам. Эти угрозы не представляют опасности для экономической независимости пяти государств региона, а вот Китай и Россия, возможно, представляют. ЕС же в основном повторяет свою старую «песню» о сотрудничестве и снова перечисляет свои ожидания. Но возвращает нас к реальности ответы на два простых вопроса: сколько денег ЕС и США вкладывают в регион Центральной Азии? Задействуют ли они в этом регионе свои лучшие людские ресурсы? США сократили вдвое свои программы помощи там несколько лет назад, а ЕС не наращивает свои ресурсы в регионе.

Сила – это понятие не абсолютное, а относительное в международной системе отношений. Некоторые великие державы снизили свои обязательства перед странами этого региона или фактически поставили Центральную Азию на более низкую позицию в списке своих стратегических приоритетов. Такая ситуация почти не оставляет государствам Центральной Азии выбора; когда нет выбора, то лучшим выбором остается Китай. Похоже, что в обозримом будущем не будет ни средств, ни политической воли пересмотреть такое положение вещей. Однако, такие явления как эпидемия коронавируса, резкое падение цен на нефть и глобальная рецессия демонстрируют, что системные потрясения могут изменить стратегические расчеты. Способность ОПОП поддерживать высокий объем товаров и создавать ощущение «соединенности» повлияет на конкуренцию великих держав в Центральной Азии и на связи региона с Китаем и евроатлантическим миропорядком. □

НАТО НЕОБХОДИМА ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ КИТАЯ

*Бездействие ведет к серьезным
последствиям в сфере безопасности*

Подполковник Чэд Сисевски, ВВС США
старший научный сотрудник Центра им. Маршалла

Сегодня НАТО обращает основное внимание на угрозу миру и стабильности, исходящую от ревизионистской и все более агрессивной России. Однако, странам-членам НАТО также необходимо признать расширяющееся влияние Китая на европейском континенте и проблемы, которые это создает для альянса. Иными словами, НАТО необходима политика в отношении Китая и его зарождающейся роли в качестве крупной геополитической силы в Европе.

В наличии признаки того, что альянс уже обратил на это внимание. В декабре 2019 г. лидеры стран-членов НАТО приняли Лондонскую декларацию, в которой сказано: «Мы признаем, что возрастающее влияние Китая и его активность в мировой политике представляют собой как возможности, так и вызовы, на которые мы, как альянс, должны обратить внимание». Это было правильным первым шагом, однако многое еще предстоит сделать.

Обращаясь к представителям стран альянса в августе 2019 г., Генеральный секретарь НАТО Йенс Столтенберг отметил: «Это не мы двигаем НАТО в тихоокеанский регион. Это ответ на приближение Китая к нам». Он указал, что становится очевидным вхождение Китая в новую эру соревнования великих держав и, что Китай будет пытаться нарушить основанный на правилах миропорядок. «Мы это видим в Южно-Китайском море, в киберпространстве и в китайских инвестициях в ключевые объекты инфраструктуры, – подчеркнул он. – И поэтому мы должны лучше понимать последствия для нашей безопасности от восхождения Китая».

В отличие от НАТО, Европейский союз разработал и обнародовал стратегию в отношении Китая. Опубликованная в марте 2019 г. Европейской комиссией, эта стратегия определяет 10 конкретных шагов, которые должны обсудить и одобрить правительства стран-членов ЕС. В ней отмечается, что, хотя экономический аспект отношений с Китаем очевиден, разглядеть долгосрочные проблемы, к которым приведет растущее влияние Китая,

может быть более сложной задачей. В документе Китай называется «партнером по сотрудничеству», «конкурентом в сфере экономики» и «системным противником». Несомненно, ЕС относится к Китаю со всей серьезностью, и то же самое должна сделать и НАТО.

Есть аргумент против разработки единой натовской политики в отношении Китая – выработка такого документа потребует от суверенных государств открытого обсуждения чувствительных вопросов национальной политики. Это действительно представляет трудность. Как правило, НАТО не обсуждает вопросы внутренней политики своих государств-членов и уж конечно же не может определять их национальную политику. Но то, что альянс может сделать, это обсуждать угрозы и предлагать соображения относительно того, как определенные действия Китая могут повлиять на коллективную оборону альянса. Например, в руководящих принципах альянса закреплено, что его члены должны тратить на национальную оборону 2% своего внутреннего валового продукта. НАТО предлагает эту цифру, хотя и не определяет национальные оборонные бюджеты и не может указывать странам, на что именно эти бюджеты тратить. Аналогичным образом члены НАТО могут обсудить и принять внутренние руководящие принципы в отношении деятельности Китая.

Аналитического материала относительно разработки политики НАТО в отношении Китая явно недостаточно. Необходимо проанализировать расхождения между заявлениями и реальными действиями Китая в отношении Европы и четко определить их последствия для НАТО. Североатлантический договор 1949 г. предусматривает аналитическую «линзу», через которую можно рассмотреть действия Китая. Четыре из 14 статей Североатлантического договора использованы здесь для определения рамок анализа действий Пекина.

Североатлантический договор, Статья 1 *Мирное урегулирование международных споров*

«Договаривающиеся стороны обязуются, в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, мирно решать все международные споры, участниками которых они могут стать, не ставя при этом под угрозу международный мир, безопасность и справедливость, а также воздерживаться от любого применения силы или угрозы ее применения в своих международных отношениях, если это противоречит целям ООН».

Китай публично подает себя как ответственного мирового субъекта, стремящегося расширить свои глобальные торговые сети, иметь мирные отношения с соседями и действовать в рамках нынешнего, основанного на правилах, международного порядка. Президент Си Цзиньпин подчеркивает, что «Китай

углубит отношения со своими соседями в соответствии с принципами дружбы, искренности, взаимной выгоды и инклюзивности, а также политики установления дружбы и партнерства со своими соседями». Тем не менее, действия Китая в продолжающемся споре из-за островов в Южно-Китайском море противоречат этим публичным заявлениям.

НАТО должно пристально следить именно за действиями Китая, а не за его словами. Все возрастающая военная напористость Китая в отношении своих соседей в Южно-Китайском море должна служить для членов НАТО наглядным примером того, как Китай угрожает другим суверенным государствам и неуважительно относится к международным законам и нормам. Китай намерен реализовать свою стратегию «линии девяти пунктиров», предполагающую строительство военных объектов на небольших островках и отмелях в Южно-Китайском море в качестве предлога для объявления большого участка моря своими территориальными водами. Морские претензии Китая в соответствии с «линией девяти пунктиров» простираются на 2 тыс. км от материкового Китая и заканчиваются на расстоянии всего в несколько сот километров от соседних Малайзии, Филиппин и Вьетнама, что вызывает у этих стран резкие возражения.

Когда правительство Филиппин в 2016 г. направило свои претензии в Международный арбитражный суд в Гааге и выиграло дело, Китай отказался отступить. Китай отказался участвовать в процессе арбитража и в последствии отверг решение суда и не признал его полномочия. Китай еще больше обострил ситуацию, обвинив Филиппины и их союзника по договору, Соединенные Штаты, в военном давлении, которое Пекин усмотрел в использовании этими странами их законного права на свободу навигации в международных водах Южно-Китайского моря. Военная экспансия Китая в этих водах представляет угрозу соседним странам и странам-членам НАТО, которые рассматривают Южно-Китайское море как международный транзитный маршрут, чрезвычайно важный для мировой торговли. Настойчиво продолжая милитаризацию островов в международных водах, которые он объявил своими, Китай надеется запугать другие страны и заставить их молча согласиться с его политикой безопасности.

Страны НАТО связаны между собой верой в общее наследие «демократии, индивидуальной свободы и верховенства закона», как это закреплено в Североатлантическом договоре. НАТО, прежде всего, – это организация, стремящаяся к миру и сотрудничеству между ее членами, а также и с другими странами мира, и согласна решать международные споры мирными средствами. Отказавшись решать территориальные споры со своими соседями при помощи международного права, Китай продемонстрировал неуважение к международным соглашениям и правилам, на которых базируется современный миропорядок. Китай и дальше будет оставаться очень важным партнером стран НАТО

по торговому сотрудничеству. Однако, члены альянса не должны закрывать глаза на тот факт, что Китай стремится добиться максимальных преимуществ в своих геополитических устремлениях.

Статья 1 Североатлантического договора подчеркивает, что договаривающиеся стороны обязуются «мирно решать все международные споры, участниками которых они могут стать, не ставя при этом под угрозу международный мир, безопасность и справедливость». У Китая, однако, нет обязательства придерживаться стандартов, относящихся к членам НАТО. В результате возникают последствия в сфере безопасности, когда Китаю открывают доступ и возможности оказывать влияние внутри альянса. По мере того, как суверенные государства-члены НАТО просчитывают свое нынешнее и будущее торговое, финансовое и военное взаимодействие с Китаем, назревает необходимость в серьезном обсуждении последствий установления близких отношений с Китаем.

Североатлантический договор, Статья 3 *Поддерживать потенциал борьбы с вооруженным* *нападением*

«В интересах более эффективного осуществления целей настоящего Договора, Договаривающиеся стороны, порознь и совместно, посредством постоянных и действительных самостоятельных усилий и взаимопомощи, будут поддерживать и наращивать свой индивидуальный и коллективный потенциал борьбы с вооруженным нападением».

Китай активно задействует международную и военную дипломатию. Эта политика началась с официального объявления проекта «Один пояс – один путь» (ОПОП) в 2013 г., когда Китай значительно расширил число своих двусторонних экономических соглашений, увеличил свои военные экспедиционные возможности и количество военных учений с другими странами. По этому поводу президент Си публично заявил: «Китай активно развивает глобальное партнерство и расширил сферы совпадения интересов с другими странами. Китай будет способствовать координации и сотрудничеству с другими крупными странами и будет закладывать основы для отношений с ними, предполагающие общую стабильность и сбалансированное развитие».

Не окажется ничего удивительного в том, что, как руководитель крупной страны, Си Цзиньпин будет стремиться установить лучшие отношения с другими ведущими странами и будет пытаться оказывать влияние на структуру основанного на правилах международного порядка таким образом, какой будет в интересах Китая. Однако, по мере выполнения Китаем этой задачи, для НАТО будет важным следить за любыми деталями и смотреть, с кем именно Китай строит эти отношения. Один из ключевых партнеров Китая в

вопросах безопасности — это Россия — главный противник НАТО. После возросшего давления Запада на Россию из-за ее вторжения в Украину в 2014 г. Китай и Россия повысили уровень своего военного сотрудничества, демонстрируя солидарность. Особенно явно это проявилось во время совместных военно-морских учений в Балтийском море в 2017 г. Три китайских военных судна, в том числе новейший в составе ВМФ Народно-освободительной армии Китая эсминец с управляемыми ракетами на борту, проделали долгий путь через Средиземное море и до Балтийского моря и провели там совместные учения с российским флотом.

В 2019 г. китайские вооруженные силы направили более 1 тыс. 600 военнослужащих, а также самолеты и танки на крупномасштабные военные учения в западной части России и Центральной Азии, в которых принимали участие еще шесть других стран. В том же 2019 г. ВВС Китая и России впервые осуществили совместное дальнейшее воздушное патрулирование в Восточно-Китайском и Японском морях.

Такая демонстрация военного потенциала в глобальном масштабе повысила статус Пекина как великой державы. Военно-морские учения Китая совместно с Россией стали свидетельством его развития оперативного «флота голубой воды» и его экспедиционных возможностей с использованием его базы поддержки в Аденском заливе. Кроме того, перед лицом критики России со стороны НАТО в ответ на ее вторжение в Украину Китай занял удобную для России позицию и продемонстрировал свою поддержку действий Москвы. Россия и Китай, вероятно, рассматривают себя и свои совместные военные усилия в качестве необходимого противовеса силовым структурам НАТО в Европе и двусторонним договорам о полномасштабном военном сотрудничестве между США и странами тихоокеанского региона. Несмотря на эти вполне рациональные объяснения, тот факт, что Китай проводит военные учения с противником НАТО в Балтийском море — где будет проходить линия противостояния в случае любого потенциального конфликта между НАТО и Россией — должен вызывать очень большую тревогу у стран-членов НАТО.

В Статье 3 Североатлантического договора говорится: «В интересах более эффективного осуществления целей настоящего Договора, Договаривающиеся стороны, порознь и совместно, посредством постоянных и действенных самостоятельных усилий и взаимопомощи, будут поддерживать и наращивать свой индивидуальный и коллективный потенциал борьбы с вооруженным нападением».

Если страны-члены НАТО собираются индивидуально и коллективно отражать вооруженное нападение, то тогда прямое военное сотрудничество между зарождающейся великой державой и страной, представляющей самую серьезную угрозу альянсу должно вызывать озабоченность у членов альянса, которым необходимо сообщать о своем взаимодействии с Китаем во всех сферах международных отношений.

Североатлантический договор, Статья 4 *Политические консультации для защиты государственного суверенитета*

«Договаривающиеся стороны всегда будут консультироваться друг с другом в случае, если, по мнению какой-либо из них, территориальная целостность, политическая независимость или безопасность какой-либо из Договаривающихся сторон окажутся под угрозой».

Хотя вооруженные силы Китая развиваются быстрыми темпами, реальным успехом страны можно считать ее процветающую экономику, и Коммунистическая партия Китая (КПК) не замедлила поставить себе в заслугу беспрецедентный экономический рост. КПК также заявляет, что ее модель развития (социализм с китайскими особенностями) может использоваться и в других странах мира. По мнению Си Цзиньпина, «Путь, теория, система и культура социализма с китайскими характеристиками продолжают развиваться, озаряя новую тропу другим развивающимся странам, стремящимся к модернизации. Наша модель предлагает новый вариант другим странам и народам, стремящимся ускорить свое развитие, сохранив при этом свою независимость; она также предлагает китайскую мудрость и китайский подход к решению проблем, стоящих перед человечеством».

Проект ОПОП является основным средством реализации этой концепции КПК. Суть проекта состоит в создании наземных и морских транспортных и торговых путей, соединяющих экономику Китая с остальной частью Евразии при помощи торговли и прямых иностранных инвестиций в крупные инфраструктурные и транспортные проекты. Подавляющее большинство задействованных средств предоставляют китайские государственные банки.

Учитывая долговой кризис в Европе, Китай рассматривает этот регион в качестве основной территории для проектов в рамках ОПОП при китайском финансировании. Страдающие от нехватки наличных денег страны-члены НАТО, такие как Греция, распродают национальное имущество и инфраструктуру, чтобы оставаться кредитоспособными, и обращаются к Китаю за помощью. В Греции китайская государственная компания China Ocean Shipping Co. (COSCO) купила порт Пирей. Такие приобретения, скорее всего, являются хорошими инвестициями для китайских компаний, но они также отлично сочетаются и с проектом ОПОП, объявленным компартией. Такие сделки даже еще более прибыльны для компаний, таких как COSCO, поскольку они получают доступ к государственным финансовым резервам, предназначенным для проектов, совместимых с ОПОП.

Однако, наиболее важным европейским «новобранцем» для участия в ОПОП на сегодняшний день является Италия. В 2019 г. Италия подписала с Китаем меморандум о взаимопонимании, позволяющий существенные китайские инвестиции в 29 отдельных

проектов, включая инвестиции в несколько ключевых портов страны, сделав Италию первой страной из числа развитых стран «Большой семерки», принявшей решение участвовать в китайском проекте.

Сейчас НАТО должна проанализировать, какого уровня давления и влияния достиг Китай в отношении отдельных членов альянса. Обратимся к недавней истории: в июле 2016 г. Греция и Венгрия приняли решение заблокировать прямое упоминание Китая в заявлении ЕС относительно решения Постоянного арбитражного суда относительно спора из-за островов в Южно-Китайском море. В марте 2017 г. Венгрия пошла наперекор всем остальным членам ЕС, отказавшись подписать совместное заявление, осуждавшее применение пыток в Китае. А в июне 2017 г. Греция заблокировала совместное заявление Евросоюза в ООН, в котором подвергалось критике нарушение прав человека в Китае.

НАТО должна с пониманием и уважением относиться к желаниям ее членов, особенно после европейского долгового кризиса, развивать свои экономики и увеличивать инвестиции в свои страны. В то же время, для коллективной безопасности в Европе крайне важно, чтобы члены альянса не ставили под удар свою политическую независимость. Это положение даже закреплено в Статье 4 Североатлантического договора, оговаривающей, что страны-члены «будут консультироваться друг с другом в случае, если, по мнению какой-либо из них, территориальная целостность, политическая независимость или безопасность какой-либо из Договаривающихся сторон окажутся под угрозой». НАТО не может позволить Китаю медленно наращивать свое политическое влияние в Европе до такого уровня, что он обеспечит себе возможность накладывать вето на решения альянса, используя экономические обстоятельства или ресурсы в качестве рычага давления в отношении какого-либо из членов НАТО.

Североатлантический договор, Статья 5 *Коллективная оборона*

«Договаривающиеся стороны соглашаются с тем, что вооруженное нападение на одну или нескольких из них в Европе или Северной Америке будет рассматриваться как нападение на них в целом».

В своих публичных заявлениях относительно ситуации в Южно-Китайском море Китай дал ясно понять, что их претензии носят постоянный характер и не изменятся. Си Цзиньпин заявил: «Мы усилили нашу военную подготовку и готовность к боевым действиям, а также выполнили много задач, направленных на защиту наших прав на море». Он также предупредил, что Китай «никогда не позволит никому, никакой организации, никакой политической партии ни к какое время и ни в какой форме отделить от Китая какую-либо часть его территории». И хотя речь шла конкретно о сепаратистских движениях в

Гонконге, Макао и на Тайване, не может быть никаких сомнений в том, что Китай готов военным путем защищать свои территориальные претензии в Южно-Китайском море. Заместитель начальника китайской Академии военных наук контр-адмирал Луо Юань утверждает, что «Соединенные Штаты больше всего опасаются понести людские потери». Он сказал, что такие потери можно нанести, потопив в Тихом океане два американских авианосца, что, по его словам, приведет к гибели 10 тыс. американских моряков. Совершенно очевидно, что Китай стремится разработать военную стратегию, которая обеспечит ему победу в боевых действиях в Южно-Китайском море.

Важно отметить, однако, что нападение на члена НАТО в Южно-Китайском море не повлечет за собой реакцию в соответствии со Статьей 5, поскольку нападение будет иметь место за пределами Европы и Северной Америки. Конкретные географические ограничения относительно региона нападения, применимого к Статье 5, содержатся в Статье 6. Однако, серьезные последствия такого нападения против США или любого другого члена НАТО будут ощущаться и в Европе. Поддержание свободного доступа к Южно-Китайскому морю крайне важно для мировой экономики. По оценкам, через это море транзитом проходит одна треть мировых морских перевозок. В интересах США и экономически развитых стран Европы сохранять свободный товаропоток через эту часть мирового океана. Экономические последствия закрытия Южно-Китайского моря для экономики европейских стран будут катастрофическими.

И хотя Статья 5 будет неприменима в случае конфликта в Южно-Китайском море, все же для НАТО важно признать, что проблемы безопасности в Тихом океане будут иметь последствия для Европы. После объявления Соединенными Штатами политики «Поворот к Азии» и переориентации крупных американских сил, оборонных систем и оборонных расходов на тихоокеанский регион любой конфликт в Тихом океане поставит Европу и НАТО перед лицом дальнейшей дестабилизации ситуации со стороны оппортунистской России. Более того, в случае конфликта в Тихом океане в интересах Китая будет нагнетать напряженность в Европе (или призвать Россию к таким действиям), чтобы поставить США перед дилеммой – в какой регион направить свои силы в первую очередь. Для НАТО такая ситуация будет иметь двойные последствия. Во-первых, НАТО должно будет обеспечить в Европе достаточную боеготовность своих сил для сдерживания России в случае конфликта в азиатско-тихоокеанском регионе. Во-вторых, НАТО должна осознавать, что конфликтная ситуация в тихоокеанском регионе существенно повлияет на ее интересы безопасности.

АНАЛИЗ ДЕЙСТВИЙ КИТАЯ

Когда США и другие западные страны официально признали Китайскую Народную Республику в 1979 г. и нормализовали дипломатические и торговые отношения, то была надежда на то, что китайская экономика будет процветать, средний класс в Китае будет расширяться,

а у страны не будет другого пути кроме либерализации. Конечно же, это так никогда и не произошло. Си Цзиньпин еще больше укрепил свою власть и власть КПК и установил четкий курс, которым страна будет следовать, как ожидается, и после столетней годовщины победы компартии в 2049 г. Китай будет пытаться не менять свой путь развития и не подстраиваться под нынешний основанный на правилах международный порядок, а будет, скорее, стремиться пересмотреть природу этого порядка на условиях, более выгодных для Китая и признающих его лидером в новом многополярном мире.

Китай рассматривает милитаризацию Южно-Китайского моря как необходимость для обеспечения достаточной стратегической глубины между своей территорией и американскими силами в регионе и на территории своих союзников – Японии и Южной Кореи. Китайцы помнят японское вторжение и блокаду своего побережья во время Второй мировой войны, и это не стоит недооценивать – это болезненные исторические воспоминания о периоде, когда страна оказалась полностью заблокирована и изолирована от внешних ресурсов. В этом контексте проект ОПОП на самом деле выполняет две функции. Во-первых, он служит в качестве альтернативных наземных и морских путей на Запад, почти так же, как «Путь через Бирму» служил выходом к Индийскому океану в период японской оккупации. И во-вторых, для Китая это механизм установления отношений со странами по всему миру и вложения в них инвестиций. Вместо того, чтобы создавать сеть союзников со сходными интересами, ценностями и целями, Китай решил использовать систему континентализма, которая распространяет инвестиции (и зависимость от Китая) по евразийскому пространству.

И наконец, Китай для достижения своих стратегических целей использует Россию, по крайней мере, частично. На самом деле, Китай и Россия преследуют совершенно разные цели. Китай не хочет менять международную систему коренным образом; он получает огромную пользу от международной торговли, и власть КПК зависит от экономического роста, который обеспечивает эта торговля. Китай стремится перестроить международную систему под собственные интересы, в то время как Россия хочет урвать все, что можно в краткосрочном плане и играть роль нарушителя установившегося порядка. Но их интересы также и пересекаются: обе страны категорически не желают быть окруженными мировым порядком, в котором США задают тон. Налаживая более тесные отношения с Россией, особенно после российского вторжения в Крым в 2014 г., Китай может показать всему миру, что он является геостратегической державой в Европе и может использовать Россию, позиционирующую себя как военную угрозу и противовес Западу.

ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ

С позиции Статьи I Североатлантического договора мы видим, что действия Китая в Южно-Китайском море несовместимы с ценностями НАТО и с основанном на правилах международном порядке. С точки зрения Статьи 3, можно сказать, что военное сближение Китая с Россией

представляет угрозу безопасности НАТО, поскольку это попытка Китая использовать Россию как противовес мощи НАТО. С позиции Статьи 4 мы наблюдаем, как углубление экономических связей Китая со странами-членами альянса дает Китаю рычаги оказания политического влияния, что потенциально может привести к угрозе утраты политической независимости членов НАТО. А это в кризисной ситуации может позволить Китаю практически расколоть альянс. И наконец, Статья 5 позволяет нам увидеть, как безопасность альянса может быть поставлена под угрозу любым конфликтом в азиатско-тихоокеанском регионе и как вопросы безопасности в азиатско-тихоокеанском регионе могут иметь серьезные последствия для НАТО.

Для того, чтобы положить начало более широким дискуссиям относительно действий Китая в отношении членов альянса и заложить основы последовательной политики в отношении Китая, НАТО должна:

- Согласиться на расширение и укрепление своей сети стран-партнеров в районе Тихого океана и создать официальную структуру партнерства для тихоокеанских стран. По примеру натовского «Средиземноморского диалога», было бы полезно создать группу из нынешних стран-партнеров НАТО, которая бы занималась только Китаем. Кроме того, НАТО должна разместить офицеров по связи и взаимодействию в Токио, Сеуле, Пекине и в штабе индийско-тихоокеанского командования США в Гонолулу, чтобы руководители НАТО держали руку на пульсе всех беспокоящих событий на тихоокеанском театре.
- Признать, что, хотя США верны своим обязательствам защищать Европу, в связи с принятием стратегии «Поворот к Азии» будет значительно меньше американских сил участвовать в составе НАТО, если одновременно будут военные конфликты и в Европе, и в тихоокеанском регионе. Таким образом, члены НАТО должны делать все возможное, чтобы тратить на свою оборону не менее 2% своего ВВП и продолжать модернизировать свои армии. Более того, добавление оборонного присутствия НАТО в Тихом океане (возможно, в форме операций по поддержанию свободы судоходства в Южно-Китайском море) продемонстрировало бы решимость альянса и его интересы в регионе, при этом внося вклад в коллективное сдерживание.
- Совместно признать важность критически необходимых физических и цифровых объектов инфраструктуры, а также владения тем имуществом, технологиями и инфраструктурой, остающимися в руках стран-членов альянса. Более того, НАТО должна признать, что в результате коварных действий Китая может произойти потеря политической независимости, когда страны начнут распродавать эту инфраструктуру и становиться заложниками давшей в долг страны, не разделяющей ценности НАТО.
- Создать совет НАТО - Китай. Такой совет сможет дать странам-членам НАТО возможность обсуждать связанные с Китаем вопросы и обращаться к Китаю от лица единой сплоченной организации. □

ИЛЛЮСТРАЦИЯ PER CONCORDIAM

— ЕСТЬ ЛИ В БУДУЩЕМ — РОССИИ — МЕСТО ДЛЯ — КИТАЯ?

Возможные сценарии и их последствия

Д-р Дрю Ниннис, научный сотрудник, бывший выпускник Центра им. Маршалла.

«Сколько злости накопили в себе эти европейские джентльмены, – восклицает Андрей Данилович Комяга, преданный *опричник* (охранник) нового царя. – Десятилетиями они сосали наш газ, не думая о последствиях, которые это имело для наших работяг. Какие потрясающие новости

они сообщают! О боже, в Ницце опять похолодало! Господа, вам надо привыкнуть есть холодную гусиную печенку как минимум несколько раз в неделю. Приятного аппетита! Китай оказался умнее вас...»

По крайней мере, так выглядит будущее России (и Китая), описанное постсоветским острословом Владимиром Сорокиным в его повести «День опричника». Действия происходят в Новой России в 2028 г., царский режим вернулся в страну в полном объеме и воздвиг огромную прекрасную стену на границе с Европой, чтобы уберечься от «вони неверных, от проклятых киберпанков... марксистов, фашистов, плюралистов и атеистов!». Россия богата и наводнена китайскими технологиями, но повернута в себя, вернувшись к феодальным структурам Ивана Грозного (или Ужасного, как его может называть это новое поколение российских лидеров).

И хотя ответы, которые дает Сорокин, могут быть из области фантастики, вопросы, которые он ставит, требуют ответа – какой может быть Россия в 2028 г. и в более поздний период? Есть ли в будущем России место для Китая? И какие будут последствия этих вероятных сценариев будущего для Европы и остального мира? Переплетающиеся траектории России и Китая приведут к соответствующим решениям в Соединенных Штатах, в

Европе и странах-союзниках, которые и определяют, как будет выглядеть мир в XXI веке. Единственный способ спрогнозировать эти решения, подготовиться к ним и проинформировать о них – это рассмотреть потенциальные сценарии будущего, к которому они могут привести.

Конечно же, будущее изначально неопределенно, и анализы будущего, как, например, этот, меньше фокусируются на возможных решениях, которые определяют будущее, и больше на воображаемых сценариях будущего. Делается это не совсем в таком колоритно-сатирическом стиле, к которому прибег Сорокин; вместо этого данный ниже анализ рассматривает основные тенденции и индикаторы, имеющиеся эмпирические данные для приблизительных прогнозов, а также контрфактуальные случаи, прежде чем предложить набор возможных сценариев будущего.

Этот анализ подразделяет вопросы потенциального будущего России и Китая на несколько секций: во-первых, рассматривается их общая история и возможные способы ее использования; во-вторых, рассматриваются потенциальные тенденции и варианты будущего обеих стран; в-третьих, анализируется центральная роль, которую в формировании этих вариантов будущего играет китайская программа «Один пояс – один путь»; и наконец, рассматриваются потенциальные сценарии и стратегии в рамках этих вариантов будущего.

Эти умозрения имеют непосредственное применение в реальной политике, способствуя четкому пониманию того, какой именно вариант будущего мы предпочитаем, и что необходимо сделать для достижения наилучшего возможного будущего для всех. В конечном итоге, намного лучше заготовить набор потенциальных ответных мер и потом не использовать их за ненадобностью, чем быть захваченным врасплох и не иметь заготовленных вариантов ответа.

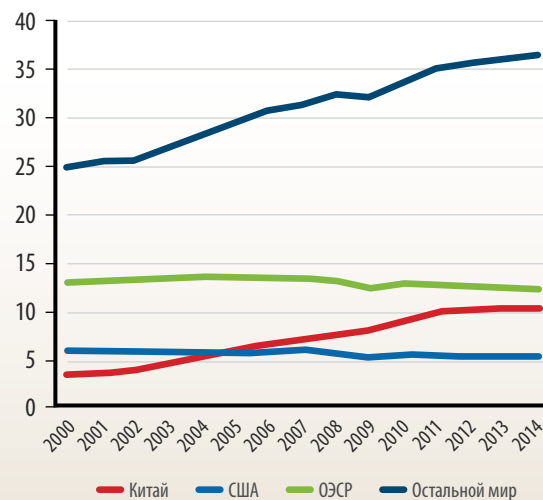
ВОЗМОЖНЫЕ ВАРИАНТЫ БУДУЩЕГО КИТАЯ

Давайте рассмотрим будущее Китая, в частности, тенденции и сферы, которые, скорее всего, будут определять область возможного. Они следующие: физическая среда Китая, его демография, экономика, политика и общество, его внешняя политика и вопросы безопасности. И наконец, какие у Китая возможные будущие стратегии, и какие у Китая есть варианты реализации этих стратегий.

Если коротко, то будущее Китая в таком аспекте, как окружающая среда, представляется довольно мрачным – и это плохая новость, поскольку тенденции в окружающей среде менее других способны быстро измениться, и возможности переломить эти долгосрочные тенденции у Коммунистической партии Китая (КПК) довольно ограничены. Как свидетельствуют данные Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), уровень выбросов углекислого газа на территории Китая уже приближается к уровню на территории всех вместе взятых развивающихся стран, и если не последует серьезного вмешательства в эту сферу, то к 2050 г. этот уровень будет существенно превышен (Схема 1). И хотя есть

определенный прогресс в наращивании производства электроэнергии из невозобновляемых источников, Китай все же отстает от большинства развитых стран.

СХЕМА 1: Выбросы углекислого газа – Китай, США, ОЭСР и остальной мир (в млн. киловатт)

Источник: ОЭСР

Глобальные последствия этого довольно значительны, но последствия для самой страны просто катастрофические. Площади пахотных земель в Китае существенно сократились, с 118 млн. га в 2000 г. до 106 млн. га всего 15 годами позднее, в то время как население страны продолжало расти, превратив вопрос продовольственной безопасности в очень серьезную проблему. Сравним это с США, в которых за тот же самый период этот показатель упал с 175 млн. га до 154 млн. га. И хотя это тоже довольно резкое снижение, оно показывает, что, несмотря на краткосрочные последствия продолжающейся торговой войны с США, Китай, скорее всего, будет оставаться зависимым от импорта сельхозпродукции из США, если только он не увеличит быстро количество фермерских суперстран, которые станут его торговыми партнерами в рамках проекта «Один пояс – один путь».

Другие природоохранные показатели в Китае рисуют такую же тревожащую картину – количество населения, перемещенного внутри страны из-за природных катаклизмов, остается высоким, в среднем 7 млн. человек в год. Уровень нехватки воды чрезвычайно высок, а среднегодовое нахождение людей в загрязненном воздухе гораздо выше, чем в остальном мире.

Цель этого обзора в том, чтобы показать, что Китай сталкивается с серьезными ограничениями, затрудняющими рост в других секторах (демография, экономика), проистекающими непосредственно из проблем с окружающей средой, с которыми страна столкнется в будущем. Основной источник этих проблем лежит в цепи «вода – продукты питания – энергия», поскольку если эти природоохранные проблемы будут

нарастать параллельно с ростом спроса китайцев на продукты питания и энергию, то будет все меньше и меньше воды или других важных исходных ресурсов для поддержания этого роста.

Второй фактор, ограничивающий рост Китая сегодня и в будущем – это демографическая ситуация в стране. Прямым и неожиданным последствием драконовских методов Китая по сдерживанию роста населения (включая политику «одного ребенка в семье») является то, что к 2025 г. Китай больше не будет самой населенной страной мира – этот титул перейдет к Индии, темпы роста населения которой, по прогнозам, будут повышаться до 2050 г. В действительности, уже к 2030 г. население Китая начнет сокращаться, и к 2040 г. суммарное количество населения стран-членов ОЭСР превзойдет население Китая. Сама основа, на которой Китай построил свое богатство – экономика производства с дешевой и многочисленной рабочей силой, неограниченные возможности экономического роста, подкрепляемые огромным населением – начнет быстро разрушаться. Если размеры и темпы роста мировых экономик остаются привязанными к размеру населения страны и проценту молодых людей в нем, то вскоре, возможно, мы зададимся вопросом, не происходит ли восхождение Индии именно за счет Китая.

И чем дальше, тем положение становится хуже: по мере того как население Китая сокращается, оно также и стареет, а это означает, что меньший процент работающего населения должен обеспечивать пенсии для большего процента китайских граждан. Это подводит нас к вопросу, сможет ли население Китая и дальше становиться все богаче – и продвигаться вверх по цепочке ценностей мировой экономики – прежде чем оно состарится.

В свою очередь, политическая стабильность Китая продолжает зависеть от силы и эффективности КПК – утверждение, которое в предстоящие десятилетия, скорее всего, пройдет целый ряд неожиданных испытаний на прочность. Во-первых, внутренняя стабильность самой партии, которая при Си Цзиньпине может казаться незыблемой, но на самом деле гораздо более фракционная и подверженная разногласиям, чем кажется. И в самом деле, коронация Си Цзиньпина была почти сорвана, когда в сентябре 2012 г. он исчез на две недели после получения травмы, когда во время ссоры в ходе одного из заседаний один высокопоставленный китайский руководитель бросил стул, а Си Цзиньпин попытался вмешаться. Об инциденте сообщила газета «Вашингтон пост».

Что же касается международных отношений и внешней политики Китая, то они сводятся к трем основным проектам, которые КПК должна и дальше продвигать – реализация «Китайской мечты» Си Цзиньпина, отстаивание геополитического принципа «мы должны это иметь» и избежание конфликтов, насколько это возможно. Проект «Китайская мечта» основан на расчетах КПК, согласно которым у нее есть шанс за 20 лет привести Китай к такому уровню благосостояния, который бы

заложил прочную основу для дальнейшего роста богатства и силы страны. В этот период КПК вряд ли будет бросать серьезный вызов экономическому и политическому порядку, сложившемуся после Второй мировой войны, поскольку пока что в основном он работает на благо Китая, и его поддержание обходится Китаю совсем недорого. Вдобавок к этому Китай планирует постепенно заложить основы для воспроизводства контроля КПК за ситуацией внутри страны, чтобы потом приобрести контроль и за ее пределами, сначала при помощи экономических рычагов, а со временем и политических. В этом переходе основную задачу выполняет проект «Один пояс – один путь». Одновременно с этим Китай должен твердо стоять на своих геополитических принципах «мы должны это иметь», сохраняя главенствующую роль КПК во всех сферах, поддерживая территориальную целостность в Синьцзяне и Гонконге и подбываясь к Тайваню, при этом сохраняя прочные позиции внутри страны и сдерживая внешнюю интервенцию при помощи стратегии «ограничения и воспрещения доступа и маневра». И наконец, КПК почти наверняка хочет избежать открытого военного конфликта с другими сильными странами, считая, что даже мелкие конфликты из-за вопросов, выходящих за пределы геополитических интересов «мы должны это иметь», будут замедлять реализацию проекта «Один пояс – один путь».

Таким образом, будущее Китая зависит от успешного достижения трех целей, особенно цели добиться определенного уровня благосостояния до того, как население начнет стареть, и равномерно распределить доходы. Для достижения этого основным средством служит проект «Один пояс – один путь». Также возможно, что КПК опасается внутренних угроз и нестабильности больше, чем внешних, хотя пока она по-прежнему готовится к отражению именно внешних угроз. Потенциальные варианты будущего Китая определяют два ключевых фактора – будет ли экономика страны работать на полную мощность (и с полной отдачей) и сохранит ли КПК свою

СХЕМА 2: Четыре возможных сценария будущего Китая

эффективность и легитимность. Если мы эти две тенденции расположим по осям X и Y, то получим четыре интересных возможных сценария будущего Китая (Схема 2).

При сценарии будущего, когда экономика работает на полную мощность, а у партии высокая степень эффективности и легитимности, мы получим повторение высокотехнологичной версии первого китайского императора – правящая партия, которая использует технологии будущего для строгого контроля всех аспектов жизни населения и внутренней безопасности страны (император Цинь Шихуанди ввел практику «железной сетки», которая определяла для каждого подданного его место), при этом все же обеспечивая богатую и комфортную жизнь для большинства своих граждан. При сценарии, когда экономика работает на полную мощность, а у партии низкая степень эффективности и легитимности, мы будем иметь возвращение к позднему периоду правления Циня – экономика высоко на подъеме, и значительная часть богатства передана субъектам как внутри страны, так и за рубежом, но при этом происходит сначала медленный, а затем быстрый распад цитадели КПК, который может привести к либерализации китайского общества или к разделу «пирога» между наиболее богатыми и влиятельными субъектами. При противоположном сценарии, когда эффективность и легитимность партии высоки, но экономика работает слабо, мы опять можем увидеть повторение неоднократных попыток Мао Цзэдуна трансформировать Китай при неблагоприятных обстоятельствах – КПК драконовскими методами будет пытаться контролировать население, но добьется лишь незначительного успеха, и при застывшей национальной экономике и одновременном глобальном экономическом прогрессе обедневшее население Китая будет мигрировать в другие страны. И наконец, наихудший сценарий – эффективность/легитимность КПК и экономические показатели скатываются вниз, страна находится на грани краха и возвращается к историческому периоду Трех императоров.

Эти простые размышления о будущих сценариях развития Китая не выделяют какой-то из них в качестве наиболее вероятного; реальный же сценарий может оказаться уникальным сочетанием всех этих вариантов и гораздо более сложным. Но различные сценарии позволяют нам представить различные государства и посмотреть, какое место в них могли бы занимать успех или провал проекта «Один пояс – один путь» и отношения Китая с Россией.

ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ СЦЕНАРИИ БУДУЩЕГО РОССИИ

Что касается будущих стратегий, то вполне вероятно, что Россия будет балансировать на тонкой грани между провокациями и уступками в отношениях с Западом и сделает ставку на то, что европейские союзники не будут достаточно едины, чтобы участвовать в полномасштабной политике конфронтации или сдерживания в отношении России, и будет пытаться добиться уступок, где только

возможно. В то же время для России будет представлять ценность продвижение своих стратегий хеджинга в Китае и Евразии, используя любую возможность для получения новых рынков и новых союзников. Наконец, режим попытается укрепить внутреннюю жизнестойкость и зависимость, при этом пытаясь смягчить эффект от спада во время суперцикла ресурсов. Самое интересное во всех этих стратегиях то, что три последние из названных целей, похоже, напрямую пересекаются с проектом «Один пояс – один путь» и с вопросом, занимает ли Россия в этом проекте центральное место. Такой сценарий не уйдет далеко от варианта будущего, описанного Сорокиным, в котором возродившаяся Россия успешно противостоит давлению Запада, сумела установить тесные связи в сфере экономики и безопасности с Китаем и странами Евразии, нашла новые рынки и способы снизить уровень своих экономических проблем и благодаря этому стабилизировала ситуацию у себя дома.

СХЕМА 3: Альтернативные варианты будущего России

Это приводит Россию к набору интересных, но потенциально опасных сценариев будущего (Схема 3). В то время как у Китая по одной оси координат сценариев будущего находится эффективность и авторитетность КПК, то в случае с Россией, возможно, будет более правильным в качестве тенденции выбрать уровень инакомыслия внутри страны и как это влияет на достижение российской элитой своих целей. Аналогичным образом, в то время как в случае с Китаем ключевым вопросом является способность его экономики толкать вперед мировую экономику, в случае с Россией все сводится к более простому вопросу – возрождается ли ее экономика или скатывается вниз. Четыре возможных сценария слегка отличаются от китайских сценариев, в них присутствуют отличительные российские внутренние структуры и факторы силы и уязвимости, но и у них тоже есть примерно схожие исторические аналоги.

Экономически сильная и единая Россия может выглядеть как повторение России Петра Великого, позволяя

будущим российским лидерам и элитам бросать вызов или сотрудничать с отдельными государствами Европы, одновременно с этим создавая особые отношения и своеобразие на Востоке (что-то похожее на Нерчинский договор, или особую дружбу). У мира может появиться множество опасений, вызванных такой геополитической ориентацией, и об этом сценарии действительно говорят такие жесткие политики времен холодной войны как Пол Дибб и Генри Киссинджер. Экономически сильная, но политически расколотая Россия, с другой стороны, может выглядеть как возврат к раннему этапу хрущевского периода, в котором элиты делают все возможное, чтобы сдерживать инакомыслие в народе, чередуя насилие и послабления, при этом не полностью контролируя ситуацию. Как и в случае с Китаем, это приведет к менее стабильному и более переменчивому поведению России на мировой арене, поскольку внешняя политика будет зависеть от перепадов внутри страны. Экономически слабая Россия с низким уровнем инакомыслия среди населения может выглядеть как возвращение к стагнации брежневских времен, когда никто не чувствует себя удовлетворенным, и Россия будет замкнута в себе, но боязнь еще больше усугубить ситуацию не позволяет принимать крутые меры ни внутри страны, ни в международной политике.

И наконец, самая страшная для руководства России ситуация, когда высокий уровень инакомыслия будет сочетаться с экономическим коллапсом. В российском сознании это ассоциируется с периодом перехода власти от Горбачева к Ельцину и годами «шоковой терапии» в попытке реформировать экономику. В случае с Китаем при наихудшем сценарии распадаются институты и наступает неясный переходный период, но это не обязательно означает крах или раскол Китая как государства. В случае с Россией мы не можем быть так уверены, учитывая многочисленные замороженные конфликты (Чечня, Южная Осетия и Абхазия, Донецк, Крым), которые Россия сохраняет ради укрепления собственных границ, и чтобы продемонстрировать, что Россия считает эти страны своими сателлитами. Россия под сильным давлением может просто расколоться на части, при этом превратив многочисленные замороженные конфликты в «горячие» войны. И мы сможем реально увидеть, что единственное, что может быть хуже возрождающейся агрессивной России – это Россия, терпящая крах.

ОДИН ПОЯС – ОДИН ПУТЬ

Наконец, стоит рассмотреть проект «Один пояс – один путь» и как он сможет стать поворотной точкой между этими альтернативными сценариями будущего. Проект «Один пояс – один путь» был анонсирован в 2013 г. Си Цзиньпином в качестве составной части его более широкой «Китайской мечты» и «Размышлений Си Цзиньпина о новой эре социализма с китайскими характеристиками». В 2016 г. проект был переименован в «Инициативу пояса и путей». Состоящая из множества инфраструктурных проектов строительства железных и автомобильных дорог, портов и других объектов на

общую сумму в 575 млрд. долл., «Инициатива пояса и путей» предусматривает шесть наземных коридоров «Экономического пояса шелкового пути» и «Морского Шелкового пути XXI века», как их называют в Китае. По состоянию на март 2019 г. 125 стран подписали соглашения о сотрудничестве с Китаем в рамках этой инициативы. В то же время, эту цифру стоит принимать с определенной долей сомнения, поскольку, по оценкам Всемирного банка, только 71 из этих 125 стран хоть в какой-то степени имеет отношение к проекту «Один пояс – один путь». Также стоит внести ясность, что именно подразумевается под терминами «пояс» и «путь». «Пояса» — это наземные маршруты, которые по всей своей длине создают экономические коридоры индустрии и рынков, которые помогут реализовать глобальные амбиции Китая, в то время как «дороги» – это морские пути, по которым просто перевозят товары из одного порта в другой.

Как замечают некоторые комментаторы, перед Китаем стоит реальность замедления темпов роста экономики. Для того, чтобы обеспечивать занятость населения и стабильность в стране, Китай все равно должен сохранять высокие темпы роста даже при замедлении экономического развития. Однако, вот уже много лет приоритетным инструментом КПК для выполнения этой задачи являются долги и государственный контроль, у которого нет конкурентов. Больше уже не стоит рассчитывать на то, что КПК достигнет желаемых результатов. Во-вторых, Китай должен перестроить свою экономику с экспорта дешевых товаров на производство продукции и услуг, которые ценятся высоко (автомобили, национальные технологии и финансы) как на внутреннем, так и на внешнем рынке. Все это нацелено на то, чтобы избежать «западни среднего дохода»; в противном случае страна состарится прежде, чем она разбогатеет.

На сегодняшний день есть две теории относительно того, как проект «Один пояс – один путь» сможет этого достичь. «Максималисты», такие как Бруно Мачаес, видят в этом ни больше, ни меньше, как начало нового экономического мирового порядка с Китаем во главе. Мачаес пишет, что «тот, кто сможет построить и контролировать инфраструктуру, соединяющую оба конца Евразии, будет править миром... Контролируя темпы и структуру своих инвестиций в развивающиеся страны, Китай сможет совершить гораздо более плавный переход к предоставлению более ценных товаров и услуг». Аналитики Всемирного банка также отмечают, что страны, расположенные вдоль коридоров проекта «Один пояс – один путь» много теряют из-за существующей там инфраструктуры и целого ряда пробелов в политике. В результате они недополучают 30% средств от торговли и 70% потенциальных прямых иностранных инвестиций (ПИИ). Транспортные коридоры проекта «Один пояс – один путь» окажут помощь в двух крайне важных аспектах – сократят время в поездках между пунктами в регионе и повысят объемы торговли и инвестиций». Таким образом, Китай одновременно заполняет пустоту

и распространяет дух доброй воли в развивающийся странах, надеясь возглавить следующую фазу развития мировой экономики по мере того, как он догоняет более развитые страны-члены ОЭСР, в настоящее время находящиеся во главе цепочки экономических ценностей.

Но существует также и «минималистская» теория, утверждающая, что элементу рекламы, присутствующему в проекте «Один пояс – один путь», пока что успешно удавалось скрывать гораздо меньшие реальные масштабы этого проекта. Например, старший научный сотрудник в Центре стратегических и международных исследований Джонатан Хиллман утверждает, что «проект «Один пояс – один путь» настолько огромен, что одному субъекту охватить его почти невозможно, и поэтому я иногда сомневаюсь, осознает ли Китай всю его грандиозность». Всемирный банк также делает большую оговорку в своем анализе, который мы упоминали ранее. В том же самом докладе авторы указывают, что проект будет работать «только в том случае, если Китай и страны вдоль этих экономических коридоров проведут более глубокие политические реформы, повышающие уровень прозрачности, расширяющие объемы торговли, улучшающие способность выплатить долг и снижающие риски в сферах окружающей среды, общественных отношений и коррупции». Согласно этой теории, вся эта программа представляет собой продуманный нарратив, чтобы получить максимум из того, что на самом деле является просто стимулом для китайской экономики, особенно для строительного сектора, и одновременно маркетинговым приемом ради привлечения иностранного капитала и привлечения других стран к участию в проекте, от которого получит пользу один Китай. Более того, некоторые обозреватели подчеркивают, что вместо оказания экономической помощи странам вдоль этих коридоров, отдельные инфраструктурные проекты в рамках этой большой программы загоняют пограничные страны в долговую яму, что дает Китаю полезные рычаги влияния на правительства этих стран. Наконец, есть те, кто утверждает, что этот проект является удобным прикрытием для КПК, стремящейся купить преданность связанных между собой партийных кадров и бизнес-структур, и что коррупция проглотит значительную часть любых инвестиций.

Итак, какая же из теорий верна? Это вопрос особенно важен, поскольку проект «Один пояс – один путь» является поворотным моментом, который определит, какие же сценарии вероятного будущего Китая или России более реалистичны. И хотя «Один пояс – один путь» представляет собой масштабное начинание, и на его оценку уйдут годы, пока что картина рисуется не очень радужная. Этот проект заманивает страны с уязвимыми экономиками в долговую кабалу. Примером может служить Шри Ланка, которая заняла у Китая крупную сумму для инвестиций в строительство новых морских портов, а в результате отдала эти порты китайской государственной компании в лизинг сроком на 99 лет в обмен на сокращение суммы долга. Шри Ланка от этой

сделки почти ничего не получила, а вот Китай получил стратегически важный объект на своих ключевых торговых маршрутах. Экономический коридор между Китаем и Пакистаном общей стоимостью 62 млрд. долл. должен был стать обещающей демонстрацией потенциала проекта «Один пояс – один путь» с важным партнером, однако серьезные долговые проблемы Пакистана застопорили это совместное начинание. Бирма сократила сумму сделки с Китаем на строительство порта, снизив ее с 7,5 млрд. долл. до 1,3 млрд. долл., а правительство Малайзии отказалось от сделки в 3 млрд. долл. по прокладке трубопровода и угрожает отказаться от сделки по прокладке железной дороги стоимостью 11 млрд. долл. Мальдивы добиваются сокращения и аннулирования долга из-за охватившей инфраструктурные проекты в рамках «Один пояс – один путь» коррупции, а работа электростанции в Кении была приостановлена в судебном порядке из-за подозрений в коррупции и нанесении вреда окружающей среде.

И все же «Один пояс – один путь» сумел добиться реальных результатов. Всемирный банк отмечает рост торговли в соседних с Китаем странах в диапазоне от 2,8% до 9,7% (1,7 – 6,2% по всему миру), одновременно с этим давая Китаю и его торговым партнерам значительные преимущества при срочных поставках, таких как доставка фруктов и овощей или предметов электроники. Также в странах с низким доходом отмечается рост ПИИ на 7,6% благодаря новым транспортным путям. Вместе с тем ясно, что проект «Один пояс – один путь» явно не дотягивает до теории «максималистов», и именно этого нам и следует ожидать, взглянув на положение дел в историческом ракурсе. Для сравнения с китайскими инвестициями на 500 млрд. долл., после Второй мировой войны США и их союзниками был сформирован экономический порядок с триллионами долларов инвестиций на протяжении десятилетий, включая восстановление Западной Германии и Японии. Одновременно с этим ученые все еще пытаются определить цену в денежном выражении, которую Советский Союз заплатил за создание альтернативного коммунистического порядка, который со временем рухнул. Возможно, было слишком оптимистично полагать, что Китай сможет добиться аналогичной эпохальной трансформации такими малыми средствами.

ОТВЕТ

Однако, вернемся к нашему первоначальному вопросу или хотя бы к одному из его вариантов. Есть ли в будущем Китая место для Центральной Азии, Юго-Восточной Азии, Ирана, Турции, Европы и Африки? Совершенно очевидно, что ответ на этот вопрос положительный. Даже если будут реализованы лишь небольшие элементы проекта «Один пояс – один путь», Китай будет стремиться к созданию взаимовыгодных рынков во всех этих регионах. Причины для этого могут быть разными – доступ к ресурсам, обеспечение продовольственной безопасности, новые отрасли промышленности или

других элементов китайской цепочки производства экономических ценностей. Эти регионы одновременно предоставляют географический доступ, дешевую рабочую силу, профессиональные навыки и ресурсы, которые необходимы Китаю для удовлетворения потребностей своих граждан и повышения уровня их благосостояния. Эти рынки находятся рядом с Китаем, они с готовностью принимают китайские инвестиции, что дает Китаю определенный контроль над ними, и эти рынки, так же, как и Китай, будут получать выгоды от успешно реализованных проектов.

Но есть ли в будущем Китая место для России? Проанализировав все приведенные выше доводы, пока это еще возможно, ответ на этот вопрос получается отрицательным. Ответ основан на ряде причин, переплетающихся между собой, а именно – ресурсы, рынки, географические особенности, конкуренция и перспективы развития России. Что касается ресурсов, то Россия может предложить очень ограниченный их набор, в основном энергетические и природные ресурсы, которые Китай в состоянии получить у целого ряда других стран, расположенных ближе к его экономическим артериям, чем сможет быть расположена Россия. Китай заинтересован не только в импортных поставках, он также ищет взаимовыгодный рынок для своих товаров с добавленной стоимостью для обеспечения устойчивой двусторонней торговли. Россия этого дать не сможет, поскольку она сокращается и становится относительно беднее. Несмотря на двухсторонний договор о дружбе и создание разветвленной сети трубопроводов, неспособность Си Цзиньпина и президента России Владимира Путина договориться о поставках природного газа символична для этой проблемы. Сюда же относится и вопрос рынков – Россия просто недостаточно большой или удобный рынок для китайских товаров с добавленной стоимостью, которые направляются в Европу в обход России.

Есть также еще и географические особенности. Хотя визуальные изображения проекта «Один пояс – один путь» показывают огромной протяженности железные дороги, проходящие через территорию России, а также, возможно, и супершоссе из сочинения Сорокина, реальность состоит в том, что если вдоль этих «поясов» нет прибыльных рынков, то они Китай не интересуют, поскольку доставка обходится Китаю не так уж дорого, учитывая огромные объемы товаров. И хотя открытие Россией арктического торгового маршрута может быть выгодным для нее в краткосрочной перспективе, для Китая просто менее затратно осуществлять транспортировку в обход России и организовывать поставки (и рынки) другими способами. Кроме этого, Всемирный банк также указывает, что Россия находится вне экономического коридора Китая, и что прибыли от этого проекта с большей вероятностью будут направляться в регионы Юго-Восточной Азии, Африки и Центральной Азии. Также стоит помнить о том, что Россия и Китай остаются геополитическими конкурентами, стремящимися получить влияние в Центральной Азии и в других регионах.

Оба с опаской относятся к союзным обязательствам и другим обстоятельствам, сдерживающим их свободу действий, предпочитая решать все вопросы по отдельности, и их «особые отношения» вряд ли пойдут дальше пустой риторики. Такие институты как Шанхайская организация сотрудничества и Евразийский экономический союз, в том, что касается российско-китайских отношений, больше похожи на форумы для дискуссий, чем на организации, принимающие решения о долгосрочных действиях, такие как Европейский союз и НАТО.

Наконец, существует вопрос позиции России и ее устремлений в более широком смысле (это же относится и к Китаю). Несмотря на наличие определенных общих претензий к Западу, вряд ли двусторонние отношения улучшатся, если Китай займет в них доминирующее положение. Скорее всего, у России появятся такие же проблемы, как и те, которые у нее сейчас с Западом – недовольство по поводу того, что к ней не относятся как к равной. Эта проблема носит постоянный характер, поскольку Россия действительно не может общаться с Западом на равных и уж точно не сможет подняться до этого статуса к 2050 г., учитывая ранее упомянутые тенденции. При китайском новом порядке Пекин с еще большей вероятностью будет активно преследовать собственные интересы и игнорировать российские. Вполне возможно, Россия даже начнет тосковать по своим старым геополитическим конкурентам на Западе.

ВОЗМОЖНЫЕ СТРАТЕГИИ

Аналитики, прогнозирующие будущее, должны рассмотреть целый ряд альтернативных сценариев. Если Россия и Китай сблизятся, какие варианты реагирования будут у Запада? Имеются четыре стратегии, которые можно использовать в ответ на действия России и для упреждения действий Китая: новый «план Маршалла»; «самоусиление» при лидерстве Китая; меры по интеграции России; или конфронтация с этими двумя странами и их изолирование (... навсегда).

Вариант первый – новый «план Маршалла» – подразумевает, что США, их союзники и партнеры, конкурируя с проектом «Один пояс – один путь», предложат развивающимся странам и тем, кого Китай хочет захватить в свою орбиту, доступ к альтернативным рынкам и возможностям. Это будет означать большие траты на инфраструктуру, инвестиции и другие проекты развития. Это будут государственные усилия по созданию новых рынков, новых более привлекательных, по сравнению с предлагаемыми Китаем, возможностей для стран Юго-Восточной Азии, Африки и Ближнего Востока (нечто похожее пробовала сделать Япония в Южной и Восточной Азии в 90-х гг.). Это будет грандиозный и дорогостоящий план со всеми недостатками, присущими проекту такого масштаба. Это потребует высокой степени координации и согласия, которые Россия и Китай будут пытаться подорвать при любой возможности. В то же время, существуют прецеденты – Европейский союз, Европейская организация по ядерным исследованиям,

функционирование Всемирного банка и Международного валютного фонда. Но не прошли ли дни Джорджа Маршалла, Франклина Рузвельта, проектов реконструкции и государственного строительства?

Вторым вариантом может быть «самоусиление» при лидерстве Китая – явление, близко знакомое китайцам. Во времена правления непопулярных, но могущественных императоров или даже коррумпированных чиновников более низкого уровня население просто выжидало и накапливало при любой возможности ресурсы, избегая при этом попадать в расставленные режимом ловушки. При этом сценарии Запад может позволить Китаю занять лидирующую позицию, реализуя проект «Один пояс – один путь», но при этом внимательно смотреть, где этот проект сможет принести Западу пользу и прибыль в ходе его успешного выполнения. Развитые страны могут интегрироваться в китайскую цепочку поставок, предлагать возможности для китайских инвестиций и убрать определенные проблемы с пути Китая (например, посредством статуса государства с рыночной экономикой во Всемирной торговой организации). Это также будет предполагать принятие установленных Китаем ограничений в обсуждении политических вопросов и вмешательстве, которое могли бы предпринять западные страны, например, критика нарушений прав человека в Китае или защита статуса Тайваня. И действительно, Facebook, Google, Disney и другие компании уже продемонстрировали желание проводить именно такой вид «самоусиления» (с некоторым оговорками) и, возможно, пойдут еще дальше по этому пути. Недавняя противоречивая ситуация с Национальной баскетбольной ассоциацией в Китае демонстрирует, что именно этот вариант будет предполагать возможность заработать миллиарды на китайских рынках в обмен на отказ от твитов негативного характера по поводу действий Китая в Гонконге. Но согласны ли мы платить такую цену?

Третий вариант предполагает наиболее кардинальные шаги – не допустить близких отношений между Россией и Китаем путем реинтеграции России в Европу и в мировое сообщество. Принимая во внимание недавний авантюризм и преступное поведение России, на этот вариант будет трудно согласиться. Но он изолирует Китай как единственную крупную страну, не захотевшую принять послевоенный мировой порядок. Принятие России обратно в «клуб» позволит Западу использовать ее влияние в Центральной Азии и на Ближнем Востоке, чтобы не допустить достижения основных целей китайского проекта «Один пояс – один путь». Этот сценарий подразумевает переговоры об окончании нынешней враждебной настроенности России и ее статуса аутсайдера (что почти наверняка неблагоприятно скажется на интересах Украины) и позволит России достичь того уровня европейской интеграции, на который она рассчитывала до 2008 г. США и их союзники должны будут согласиться с существованием российской сферы влияния, а также и с российским способом ведения дел в ней, а возможно и в остальной Европе (способ, который

обычно включает политику петровских времен и различные степени коррупции или законности «серой зоны»). Это побудит Россию и зависимые от нее страны сотрудничать с Западом, отодвигая в сторону Китай, что будет почти зеркальным отображением политики открытости в отношении Китая, принятой Никсоном в 1972 г. Но сможем ли мы всегда жить с Россией в ее нынешнем виде? И можем ли мы настолько низко ценить наших важных союзников, чтобы пойти на такое?

Последний вариант заключается в том, чтобы сохранить нынешний подход – раз и навсегда. Это будет означать продолжение стратегии прибыльных отношений с Китаем и Россией при одновременном снижении зависимости от них – и жесткую конфронтацию с ними в тех вопросах, где будут сохраняться непримиримые позиции. Это подтолкнет Китай и Россию к принятию послевоенного консенсуса, хотя следует признать, что успех здесь будет ограниченным. Экономические проблемы (проект «Один пояс – один путь») будут продолжать превращаться в проблемы безопасности (параллельная система, а значит и основа силы Китая). США и их союзники должны будут глубоко погрузиться в «серую зону» и гибридную войну для того, чтобы противодействовать российским и китайским операциям, проводимым на уровне ниже допустимого «порога». Сценарий будет предполагать образование параллельных экономических и политических систем, заставляя страны, находящиеся между двумя блоками, принять ту или иную сторону. В конечном итоге можно предположить полное экономическое отсоединение этих двух стран и изъятие из них капиталов, что потенциально приведет к нестабильности в Китае и краху России. Но при этом остается вопрос – именно такой результат этой стратегии мы желали бы видеть?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Нет никаких очевидных причин считать, что близкие российско-китайские отношения более вероятны, чем их нынешние отношения взаимного удобства и периодических стратегических союзов. В то же время, полезно поразмышлять, и попытки сформулировать варианты ответов на альтернативные сценарии будущего позволяют нам расширить горизонты нашего мышления и осознать пределы возможного различных стратегий. Ясно следующее – мы тщательно должны продумать, каким бы мы предпочли видеть будущее, рассмотреть набор сценариев и наших возможных ответов на них, чтобы достичь желаемого будущего, а также пристально следить за индикаторами, указывающими нам, в каком направлении развиваются события.

Андрей Данилович Комяга, возможно, так и не донесет свою гневную отповедь до самодовольного джентльмена в Ницце, но достижение лучшего будущего, чем та дистопия, которую предвидит Сорокин, потребует от нас и наших будущих лидеров серьезного планирования, прогнозирования, анализа вариантов будущего и мудрой стратегии. □

СИЛА «ДОВЕРЕННЫХ ЛИЦ»

РОССИЙСКИЕ
ЧАСТНЫЕ
ВОЕННЫЕ
КОМПАНИИ
И СЛУЖБЫ
БЕЗОПАСНОСТИ
БРОСАЮТ ВЫЗОВ

ИЛЛЮСТРАЦИЯ PER CONCORDIAM

Сразу после окончания периода холодной войны была надежда на то, что великие державы смогут сотрудничать с целью стабилизации пострадавших от конфликтов стран и способствовать мирному развитию в глобальном масштабе. Однако, оказалось, что для такого оптимизма не было оснований. Вернулось соревнование великих держав, а вместе с ним и сопутствующий ему риск военного конфликта. Статусу Соединенных Штатов, как самой мощной в мире военной державы, все чаще бросают вызов. Россия и Китай вместе с менее сильными противниками, такими как Иран и Северная Корея, оспаривают американские сферы интересов и влияния. Об этом говорится в недавно принятых американских стратегиях в области обороны и безопасности. Территориальные претензии Китая в Южно-Китайском море испортили его отношения с соседними странами и, потенциально, это может втянуть Китай и США в прямой вооруженный конфликт. Захват Крыма Россией в 2014 г. и военная поддержка пророссийских сепаратистов в Восточной Украине привели к напряженности между Россией и западными странами, беспрецедентной по своим масштабам со времен холодной войны.

Тем не менее, традиционная война между крупными державами будет сопряжена с огромными военными, политическими и финансовыми рисками для всех участвующих в ней государств, а также с невообразимыми разрушениями, даже если ядерное оружие и не будет применено. По этой причине вооруженный конфликт между великими державами менее вероятен, чем обостренное соперничество между ними. Это соперничество эволюционирует в сторону состязания, в котором «чем хуже сопернику, тем лучше мне», что похоже на противостояние между странами Запада и советским блоком в самые напряженные годы холодной войны. В этом конфликте не используется прямая военная сила, а сам конфликт проистекает в т.н. «серой зоне» между миром и войной. Для достижения своих целей государства прибегают к информационным кампаниям и кибероперациям, скрытому размещению спецназовцев и ведению войны через т.н. «доверенных лиц», в то же время стараясь не пересекать тот порог, за которым последует полноценный военный ответ. В обстановке возросшей напряженности между наиболее сильными мировыми игроками любая война низкой интенсивности, в которую вовлечена, даже косвенно, одна из этих стран, будет рассматриваться через призму соперничества великих держав. Сюда относятся нынешние вооруженные конфликты в Афганистане, Ливии, Сирии и Украине.

ЧВКСБ: ГЛОБАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ

Участие в военных конфликтах вооруженных «доверенных лиц» (прокси) явление не новое. Есть много исторических примеров, когда крупные державы оказывали

поддержку террористам или повстанческим группировкам, действовавшим на территории противника. Использование сил прокси может дать правительству возможность «правдоподобного отрицания» – термин, относящийся к ситуации, когда скрытая операция в отношении противостоящего государства проведена таким образом, что напавшая сторона сможет заявить о своей непричастности с определенной степенью правдоподобности. Примеры из периода холодной войны – советская поддержка террористических группировок левого толка в странах Западной Европы и американская помощь повстанцам, борющимся с просоветскими правительствами в Никарагуа и Афганистане. В XXI веке использование сил прокси значительно возросло, и нынешняя тенденция отдать ведение войны в руки негосударственных субъектов, похоже, будет сохраняться и дальше. Силы прокси могут снизить политические и финансовые затраты и риски, связанные с прямой конфронтацией, особенно в условиях, когда есть опасность расширения масштабов конфликта и, когда военное участие государства в конфликте находит лишь ограниченную общественную поддержку. В Сирии США вступили в партнерские отношения с Сирийскими демократическими силами, которые возглавили военные операции против Исламского государства. Иран создал сеть идеологически преданных негосударственных прокси-сил для образования т.н. оси сопротивления Израилю, Саудовской Аравии и недружественным странам Запада.

В число прокси-сил входят местное военное ополчение, повстанцы, и что наиболее важно в данном контексте, частные военные компании и службы безопасности (ЧВКСБ). ЧВКСБ можно определить как фирму, организованную по корпоративному принципу и официально получившую заказ на предоставление военных услуг и сопутствующих услуг в сфере безопасности. Эти услуги могут сводиться лишь к обучению и функциям поддержки, но могут также включать и участие в боевых действиях. Журналисты и некоторые юристы обычно называют персонал ЧВКСБ наемниками. Однако, соответствующая конвенция ООН определяет наемников как лиц, нанятых сражаться за частные интересы, которые не являются военнослужащими стран-участниц вооруженного конфликта. Хотя юридический статус частных компаний, непосредственно участвующих в боевых действиях, остается двусмысленным, ЧВКСБ не запрещены документами ООН.

До XIX века частный сектор поставлял значительное количество военных в вооруженные силы большинства европейских стран. Однако, в последние два столетия государственная монополия на вооруженные силы рассматривается как показатель национального суверенитета и является принятой нормой в развитых странах. Это претерпело перемены после окончания холодной

Члены пророссийского 1-го Казачьего полка охраняют пропускной пункт в районе г. Первомайск в Восточной Украине. 2014 г.

войны, когда комплекс политических, технологических и общественных событий изменил характер вооруженного конфликта, вооруженные силы государств сократились в размерах, и многие функции логистики и обучения были переданы в частный сектор на контрактной основе. Все крупные державы сегодня задействуют ЧВКСБ, а гражданские подрядчики обеспечивают чрезвычайно важную боевую поддержку и оказывают важные военные услуги государственным вооруженным силам. ЧВКСБ также участвуют в миротворческих операциях ООН и неправительственных организаций.

Базирующаяся в Южной Африке ЧВКСБ Executive Outcomes проводила успешные наступательные военные операции в Африке в 90-х гг. В 2015 г. последователи этой частной компании возглавили операции в Нигерии против террористической группировки Бoko Харам. Однако, западные страны не признают ведение прямых боевых действий в качестве юридически правомерных функций ЧВКСБ. ЧВКСБ в Ираке, особенно Blackwater и Triple Canopy, на начальной стадии конфликта участвовали в вооруженных столкновениях с повстанцами, хотя их и не нанимали для выполнения такого рода заданий. Подобные случаи, а также сообщения о нарушениях со стороны частных подрядчиков привели к ответной реакции против ЧВКСБ и введению регулирующих режимов.

Компания Blackwater, в частности, вызвала серьезные противоречия своим чрезмерным применением оружия летального характера и очевидной бесконтрольностью. Скандальная слава Blackwater заставила США ужесточить существующие ограничения на участие ЧВКСБ в боевых действиях, позволяя его только в случае самообороны и защиты клиента от незаконного нападения. Документ Монтрё, принятый в 2008 г., устанавливает международные нормативные рамки функционирования ЧВКСБ, носящие необязательный характер. Он делает упор на оборонительной роли этих компаний и

на их обязательствах в соответствии с международным гуманитарным правом. Большинство крупных стран подписали это соглашение, что в значительной степени определило правила использования ЧВКСБ западными странами. Документ Монтрё также приветствовали компании, легально предоставляющие услуги военного характера, стремящиеся защитить свою репутацию. Основные ЧВКСБ тоже установили кодекс поведения, а их заказчики стали контролировать этические и юридические аспекты их деятельности.

Китай был в числе первых стран, подписавших Документ Монтрё, и его подход к ЧВКСБ в целом схож с подходом западных стран. Хотя Китай использует отряды морского вооруженного ополчения, контролируемые военными, для поддержания своих территориальных претензий в Южно-Китайском море, ЧВКСБ для этой функции он не использует. Есть целый ряд национальных и иностранных частных служб безопасности, обеспечивающих защиту китайских граждан и имущества за границей, но у Китая нет частных компаний подобных Blackwater или российской ЧВК Вагнера.

РОССИЙСКИЕ ЧВКСБ

Россия не соблюдает международный нормативный режим ЧВКСБ и, в отличие от других стран, сознательно задействует ЧВКСБ в боевых наступательных операциях, а также для оказания услуг поддержки. Многие в отношениях между российскими ЧВКСБ и государственными органами остается неясным. Российские журналисты, расследовавшие деятельность ЧВК Вагнера, были убиты при загадочных обстоятельствах. Однако, выполняя задания бок о бок с российской армией, спецназом и местным военным ополчением, ЧВКСБ хорошо вписываются в то, что российские аналитики называют войной «нового поколения» или «нового типа». Что касается состязания великих держав, то российские ЧВКСБ действуют как преумножители силы российской армии, они дают правительству возможность «правдоподобного отрицания» во время операций в «серых зонах» и обеспечивают средства, путем которых Россия может попробовать восстановить свое влияние в регионах, где у нее есть стратегические или экономические интересы.

Компании, предоставляющие услуги военного характера, в соответствии с российской конституцией и Уголовным кодексом, считаются незаконными, однако, данные предприятия зарегистрированы за рубежом, позволяя государству дистанцироваться от их деятельности. Кремль, например, отрицает, что российские «добровольцы» в Украине и в Сирии подчиняются государству или его вооруженным силам. Тем не менее, российский президент Владимир Путин в интервью в 2012 г. признал, что ЧВКСБ были «способом реализации национальных интересов без прямого участия государства». Так же, как и их западные коллеги, российские ЧВКСБ обходятся государству гораздо дешевле, чем обычные военнослужащие-контрактники.

Использование ЧВКСБ в боевых действиях также снижает потери среди официальных военнослужащих, а гибель боевиков, которых в народе считают незаконными наемниками, не вызывает озабоченности в обществе. Воспоминания о негативной общественной реакции на потери среди призывников во время войн в Афганистане и в Чечне, конечно же, является серьезным фактором при определении готовности государства задействовать ЧВКСБ в зонах боевых действий.

ЧВК Вагнера ни в коем случае не единственная ЧВКСБ России, хотя на сегодняшний день она известна больше других. Управление исследования зарубежных армий Сухопутных сил США в г. Форт Ливенворт в штате Канзас оценивает общее количество персонала всех российских ЧВКСБ в 700 тыс. человек. Боевики принадлежат к трем четко определенным типам негосударственных нерегулярных сил, хотя различия между этими категориями часто довольно размыты. Во-первых, есть ЧВКСБ, обеспечивающие безопасность людей и инфраструктуры, а также поддержку в области логистики и обучения. В этих своих функциях они схожи с ЧВКСБ стран Запада. Это стремящиеся к материальной выгоде компании, которые, в отличие от их коллег, участвующих в боевых операциях, действуют абсолютно легально с 1992 г. в соответствии с официальным российским законодательством. В качестве примеров можно привести Российскую службу безопасности (РСБ) и «Моран Секьюрити Групп». Эти компании предоставляют услуги российским и зарубежным заказчикам, включая ООН. И хотя РСБ, в частности, заявляет о том, что она не принимает участия в вооруженных конфликтах, ее основатель Олег Криничин хвастается, что его группа может поставлять очень хорошо подготовленных бойцов. Отдельные элементы «Морган Секьюрити» также основали компанию по предоставлению непосредственно военных услуг, злополучный «Славянский корпус», чтобы с выгодой для себя использовать те возможности, которые предоставила война в Сирии.

Вторая категория – это народное ополчение из числа добровольцев. Исторически они всегда отвечали за безопасность и выполняли военные и гражданские административные функции от имени государства. Наиболее заметны среди них группы казаков. Масштаб их деятельности возрос с тех пор, как к власти пришел Путин, и сейчас они используются в качестве неформальных помощников государства при разгоне уличных протестов против его правления. Самая крупная группа казаков, Всевеликое войско Донское, участвовала в боевых действиях, вместе с российскими войсками или независимо, в Чечне, в Грузии и на Украине. Казачьи организации формируют современную идеологическую антипатию российского правительства по отношению к Западу и могут, таким образом, использоваться вместе с другими прокси-силами и организованными преступными группировками для дестабилизации прозападных стран на периферии НАТО. Вооруженные отряды казаков, например, играют центральную роль в полувоенных

формированиях в Калининграде, готовых как к оборонительным, так и наступательным операциям в самом анклавном и вокруг него. В 2019 г. в России насчитывалось примерно 200 тыс. казаков, официально зарегистрированных правительством. Казаки обеспечивают значительный резерв людских ресурсов, хотя в целом у них нет такой военной подготовки как у ЧВКСБ, которые набирают бойцов из бывших военных и проходят обучение с использованием тяжелого оружия.

Третья категория компаний предоставляет те же услуги, что и ЧВК Вагнера. Эти ЧВКСБ являются основными негосударственными действующими лицами в российской войне нового типа. Хотя официально они считаются частными, эти компании часто действуют как прокси-силы государства совместно с вооруженными силами России, прямо или косвенно. ЧВКСБ также используются для защиты бизнес-интересов их владельцев, в то время как угроза потенциального уголовного преследования гарантирует, что деятельность этих компаний, приносящая им доход, не противоречит российским государственным интересам и приоритетам. Считается, что владелец ЧВК Вагнера Евгений Пригожин получил 25% прибыли от нефтяных скважин, которые вагнеровцы отбили у боевиков ИГИЛ в Сирии. И наоборот, руководители «Славянского корпуса», одного из первых ЧВКСБ, были осуждены за наемническую деятельность после того, как «перешли дорогу» Федеральной службе безопасности.

Батальон «Восток» был первым российским современным ЧВКСБ, участвующим в боевых действиях. «Восток» был сформирован во время второй чеченской войны, где он отличился террором в отношении гражданского населения. Несмотря на совершение преступных действий в ходе войны, деятельность компании была четко санкционирована государством, поскольку она тесно сотрудничала с Главным разведывательным управлением (ГРУ). «Восток» также воевал вместе с российскими силами в Южной Осетии во время вторжения в Грузию в 2008 г. и играл значительную оперативную роль в Восточной Украине. Сообщалось, что в функции батальона входили принудительные действия в отношении местных сепаратистов, которые угрожали стать слишком уж независимыми от российского контроля.

ЧАСТНАЯ ВОЕННАЯ КОМПАНИЯ ВАГНЕРА: ВЕДУЩАЯ РОССИЙСКАЯ ЧВКСБ

ЧВК Вагнера также имела тесные связи с ГРУ, и на Украине возглавлялась Дмитрием Уткиным, отставным старшим офицером спецназа (российских сил специального назначения). Несмотря на то, что эта организация «незаконна», ее тренировочные базы находятся на российской территории, и ее руководители получают государственные награды за отвагу. ЧВК Вагнера впервые стала заметной, действуя совместно с закамouflированным спецназом в Крыму. ЧВК Вагнера также воевала в восточной части Украины, в том числе она участвовала в крупном сражении под Дебальцево

В этом бизнес-центре в Санкт-Петербурге, Россия, размещается «фабрика троллей», которая занимается кибер-диверсиями. Говорят, что она контролируется Евгением Пригожиным, владельцем ЧВК Вагнера

в 2015 г. Так же, как и батальон «Восток», вагнеровцы обеспечивали кремлевский контроль за местными ополченцами. ЧВК Вагнера направила 2 тыс. бойцов в Сирию, организовав их в четыре бригады со структурой и командованием такими же, как и в российской армии. Эта группировка использовалась в непосредственных боевых действиях вместо российских регулярных войск, в том числе в битве за Пальмиру в марте 2016 г. Однако, после 2016 г. Министерство обороны России прекратило прямые контакты с ЧВК Вагнера. Взамен эта частная военная компания стала контрактором сирийского правительства с задачей отбить у боевиков Исламского государства захваченные объекты нефтегазовой промышленности. Как следствие этого, к сирийским властям перешли вопросы оплаты, а также логистической и тактической поддержки.

ЧВК Вагнера получила печальную мировую славу в феврале 2018 г., когда вместе с сирийскими ополченцами она организовала крупное наступление против военной базы в г. Деир эль-Зур, которую контролировали курды, поддерживаемые США. Ответный авиаудар США привел к гибели сотен вагнеровцев. Перед, во время и после американского авиаудара российское высшее командование отрицало наличие там вагнеровцев и заявляло, что не несет за них никакой ответственности. Кремль, однако, знал об этом нападении, и раненные вагнеровцы были эвакуированы российским военным самолетом в российские военные госпитали. Битва за Деир эль-Зур демонстрирует сложную природу отношений российского государства с ЧВКСБ; Марк Галеотти и другие аналитики называют российское государство при патримониальном правлении Путина «гибридным государством», где взаимодействуют компоненты государственного и частного сектора, военных и гражданских организаций, а также законной и незаконной

деятельности. Все еще остается много догадок относительно того, почему бойцам ЧВК Вагнера было разрешено начать наступление на сирийскую базу. Некоторые предполагают, что безразличие официальных органов к судьбе бойцов было результатом противостояния между Министерством обороны России и владельцем этой частной военной компании Пригожиным, близким к Путину известным олигархом и бывшим уголовником. Он создал ряд компаний, в том числе ЧВК Вагнера, которые, как и другие бизнесы, которыми владеют российские олигархи, получают прибыли и служат интересам государства, когда потребуется.

ЧВК Вагнера с 2018 г. расширила свою сферу деятельности и все больше воспринимается как что-то вроде «зонтичной» организации. Работая с российскими военными советниками и инструкторами ЧВК Вагнера и ее дочерние компании предоставляют услуги в сфере военных операций, безопасности и обучения в Бурунди, Центрально-Африканской Республике (ЦАР), Ливии, Судане и ряде других стран. Российские ЧВКСБ менее дорогие и менее разборчивые в вопросах нарушения прав человека, чем их американские или британские коллеги. Вагнеровцев, например, связывают с пытками заключенных в Сирии. Действия России сочетают стратегические и коммерческие интересы. Ливия, Мозамбик и Венесуэла богаты природными ресурсами, которые российские олигархи хотят разрабатывать. Проводимые ЧВКСБ операции также дают России политическое влияние в странах-заказчиках и подрывают в них интересы западных стран, защищая авторитарные и репрессивные режимы в таких странах как ЦАР, Никарагуа и Венесуэла.

Частные контракторы также привлекаются к «патристическому» воспитанию и информационным войнам, включая операции, направленные против стран Запада. Например, «Корпус ЕНОТ» организует военное обучение в молодежных лагерях в России и в других странах постсоветского пространства, включая организацию молодежного лагеря в Сербии в 2018 г. Считается, что эта компания действует в качестве вербовщика для ЧВК Вагнера и, возможно, участвовала в подготовке экстремистов правого толка в западных странах. Пригожин также финансирует «фабрику троллей» в Санкт-Петербурге, известную как Агентство интернет-исследований, которая печально прославилась тем, что в отношении нее были выдвинуты подозрения во вмешательстве в президентские выборы в США в 2016 г. ЧВК Вагнера и ее дочерние компании проводили кампании дезинформации в Африке через местные СМИ в пользу правительств-заказчиков. Со времени кибератаки типа «отказ в обслуживании» против Эстонии в 2007 г., российские частные кибер-бойцы, включая членов крупных ЧВКСБ, развернули непрекращающуюся информационную войну против целей в западных странах в качестве «доверенных лиц» российских разведслужб.

Большинство российских частных контракторов имеют репутацию мотивированных и волевых бойцов даже при превосходящих силах противника, как это

было в Деир эль-Зур. Несмотря на относительно высокий уровень потерь, у российских ЧВКСБ нет недостатка желающих вступить в их ряды, особенно при нынешней экономической ситуации в России. Однако, ЧВКСБ далеко не так эффективны, как российские регулярные силы. До сегодняшнего момента они достигли боевых успехов, сражаясь против ослабленных украинских войск или с технологически плохо развитым противником, таким как ополченцы, выступающие против Асада. В Сирии и в Ливии вагнеровцы понесли значительные потери и были вынуждены отступать, когда они начинали вести наступательные операции против противников, имеющих современную боевую подготовку. В мае 2020 г. в Ливии была размещена российская авиатехника для обеспечения близкой воздушной поддержки ливийской Национальной армии и вагнеровцев, которые потерпели ряд поражений в боях с войсками Правительства национального согласия, поддерживаемого Турцией. Российские чиновники продолжают отрицать присутствие там частных контракторов, пытаясь выжать все, что можно из «правдоподобного отрицания», несмотря на неопровержимые доказательства обратного, предоставленные Африканским командованием США. Бойцы ЧВК Вагнера, размещенные в Мозамбике в 2019 г., были плохо подготовлены к условиям местности и к тактической обстановке в Кабо Делгадо и по этой причине не участвовали в операциях против повстанцев, примкнувшим к Исламскому государству. Эта неудача заставляет предположить, что российские ЧВКСБ могут быть втянуты в противополо-встанческие операции в Африке, для ведения которых у них нет необходимого опыта и профессионализма.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как было отмечено, Россия ведет гибридное состязание в «серой зоне» с США и их союзниками посредством психологических и информационных войн, политической подрывной деятельности, шпионажа и прокси-сил. В советские времена действия современной России назвали бы применением «активных мер» для XXI века. В отличие от Китая, США или Европейского союза, у России нет убедительных экономических рычагов или ресурсов «мягкой силы», с помощью которых можно было бы оказывать влияние на страны-заказчики. Кроме тех случаев, когда она использует «жесткую силу»,

военные средства и стратегические активы, Россия действует с позиции относительной слабости. И тем не менее, Россия довольно эффективно использует эти средства для распространения своей силы и влияния путем оказания военной помощи, включая непосредственное участие в боевых действиях, продажи оружия и задействования средств информационной войны. Она также использует в своих интересах нынешнее нежелание США – после тяжелых военных кампаний в Ираке и

Афганистане – вмешиваться в ситуацию в нестабильных государствах или противостоять странам-изгоям или жестоким правительствам.

Хотя у «правдоподобного отрицания» есть свои пределы, российские ЧВКСБ и другие «доверенные лица» предлагают государству средства продемонстрировать свою силу с относительно низким риском для дипломатической и военной репутации этого государства. Несмотря на расширение знаний относительно российских хитростей и уловок, недостаток неопровержимых доказательств вмешательства российского государства может запутать и усложнить процесс принятия решений

странами-членами НАТО и ЕС в кризисной ситуации, как это было в случае с Украиной в 2014 г. Так же как и государства Запада, Россия использует ЧВКСБ для того, чтобы снизить людские и финансовые потери, связанные с военной интервенцией. Однако, в отличие от Запада, руководители российского государства используют военные компании с официально частным статусом для решения задач, в которых переплетаются стратегические соображения и интересы бизнеса.

Западные политики и эксперты в области обороны и безопасности еще должны будут уделить пристальное внимание гибридным угрозам, исходящим от российских ЧВКСБ как инструмента российской внешней политики и политики в сфере безопасности. В 2017 г. Министерство финансов США ввело санкции против ЧВК Вагнера и против Пригожина, но в целом в НАТО наблюдается нежелание напрямую связывать российское государство с деятельностью ЧВКСБ. Однако, как отметил эксперт по вопросам ЧВКСБ Кристофер Спиарин в 2018 г., осуждение российского государства за использование наемников, в отличие от правил, которых придерживаются западные ЧВКСБ – и жесткая позиция относительно того, что государства не могут отрицать военные действия частных компаний, совершаемые от их имени – стало бы, как минимум, хорошим началом. □

Евгений Пригожин

Выводы: ОСМЫСЛЕНИЕ КОНКУРЕНЦИИ ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ ВО ВРЕМЕНА COVID-19

Д-р Граем Херд, профессор Центра им. Маршалла

Если соревнование великих держав является определяющей парадигмой нынешней эпохи, то COVID-19 выступает в качестве ее рентгеновского снимка. Пандемия обнажает и усиливает главную характеристику структуры нынешней международной системы, а именно ее природу, в центре которой находятся государства и глобальные сети. Руководители государств вынуждены принимать компромиссные решения, в которых задействованы политические свободы, экономический рост и вопросы общественного здравоохранения. Решая эту трилемму, государства не могут достичь одинакового успеха по всем трем направлениям. Государства, например, могут выбрать алгоритм, который выбрал Китай, т.е. сохранение авторитарного надзирающего режима без какой-либо политической свободы, но с перспективой экономического роста и здоровой рабочей силой после окончания эпидемии. Можно выбрать альтернативный вариант – государства могут сохранить здоровым население и политические свободы, но ради этого придется пожертвовать экономикой. Хотя в теоретических выкладках эти альтернативы и разделительные линии ясны, в реальной жизни компромиссы в этой трилемме никогда не носят абсолютный характер, не проявляются во всей своей полноте и являются при этом предметом переговоров.

Официальные нарративы в России и Китае, генерируемые подконтрольными государству СМИ, стараются убедить общественность в том, что Владимир Путин и Си Цзиньпин являются сильными лидерами (Си Цзиньпин де-юре как пожизненный президент, а Путин де-факто также, в соответствии с принятыми поправками к конституции обнуляющими президентский срок) успешных централизованных государств. Каждый из них утверждает, что их «сильная рука» и «железная воля» дают им полномочия принимать непопулярные, но необходимые решения на благо государства. Оба позиционируют себя как хранителей стабильности и блюстителей порядка. Насколько соответствуют реальности эти риторические утверждения на фоне их действий во времена пандемии COVID-19?

Что касается государство-центричной природы, то

Соединенные Штаты продемонстрировали гегемонистскую позицию, у государства имелись средства для выработки норм, правил и договоренностей, управляющих международным порядком, и обеспечения их соблюдения. Пандемия коронавируса сделала управление всемирным здравоохранением ареной соревнования великих держав с применением «мягкой силы». В то время как США заморозили финансирование Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), ожидая рассмотрения обвинений в прокитайской политике этой организации, а затем в июле 2020 г. заявили о своем выходе из ВОЗ, Китай особенно активно пропагандирует, координирует и гарантирует международную реакцию на COVID-19. Китай руководит четырьмя из 15 специализированных учреждений ООН и стремится занять лидирующие позиции в пятом. В рамках Совета ООН по правам человека он добивается пересмотра определения прав человека. Если США утратят свои гегемонистские позиции, будет ли эпидемия коронавируса означать перемены в мировом порядке?

Для России США выступают в качестве стратегического ориентира; Россия направляет в США медицинское оборудование для помощи в борьбе с COVID-19 на принципах равенства, взаимности и паритета, а также для того, чтобы объявить о своей победе над Соединенными Штатами и возложить на них всю вину. Российские официальные СМИ сообщили о том, что коронавирус – это оружие, искусственно созданное НАТО, а также поддержали необоснованные утверждения представителя МИД Китая о том, что «возможно, американские военные занесли вирус в Ухань». В качестве противовеса обвинениям России в дезинформации используются утверждения о распространяющейся русофобии. В марте 2020 г. российские военные срежиссировали гуманитарную операцию в г. Бергамо в северной Италии под лозунгом «Из России с любовью» в контексте борьбы с коронавирусом. Это было задумано как удачный геополитический и дипломатический ход России, нацеленный на ослабление санкций и на то, чтобы подчеркнуть вклад России как великой державы в мировое здравоохранение.

Когда же мы возьмем аспект, в центре которого находятся глобальные сети, и применим его к конкуренции великих держав, то мы увидим, что до эпидемии эти сети характеризовались международными потоками товаров, услуг, денег, идей и информации. Эти глобальные сети поддерживались ключевыми социально-экономическими центрами. США и Европейский союз были в высшей степени связанными «сложными» финансовыми центрами и центрами услуг. Китай представляет собой «простой» центр в цепи производства и поставок товаров. Предметом конкуренции были рынки и торговый протекционизм, сохранение связей и установление норм, управляющих этим взаимодействием. Ситуация с COVID-19 демонстрирует, что эти центры, всегда стремившиеся оптимизировать эффективность глобальных сетей и использовать в своих интересах экономики широкого масштаба и узкой специализации, также представляют собой потенциальные единичные потерпевшие поражения структуры, особенно восприимчивые к системным потрясениям, что приводит к системному параличу. В такой реальной ситуации рассоединение связей и диверсификация временно снижают риск для сетей, отвечающих за финансовые операции, общественное здравоохранение и доставку продуктов питания. Функциональная избыточность делает их более прочными, жизнестойкими и менее уязвимыми, но в то же время более дорогостоящими и менее продуктивными. Заставляет ли COVID-19 великие державы пересмотреть явление глобализации, сделав его более цифровым и более «зеленым»? Или же эпидемия поощряет популизм, протекционизм и воинствующий национализм и порождает ситуацию, когда на смену глобализации под руководством великих держав приходит автократия великих держав?

Пандемия коронавируса позволяет нам провести в режиме реального времени сравнительный анализ великих держав. Такие переменные как способность сектора здравоохранения «выровнять кривую» распространения заболевания прежде чем этот сектор сам рухнет, продолжительность иммунизации населения, возможность вторичного заражения и появление нового штамма COVID-20, позволяют говорить о длительном неспокойном и цикличном периоде пиков и спадов, прежде чем будет получена действенная вакцина. По этим причинам после победы над эпидемией соревнование великих держав не возобновится с того места, на котором его прервал COVID-19. «Назад в будущее» — не станет наиболее вероятной парадигмой. Важными факторами в формировании новых представлений будут последствия эпидемии и отношение к сверхдержавам в зависимости от того, какой пример борьбы с коронавирусом они показывали. В этом смысле мы можем выделить три важных измерения, которые отслеживают патологичность вируса.

Во-первых, это планирование, качество советов специалистов и способность внедрить правила профилактики. Во-вторых, способность учиться на ошибках других и, как следствие, «выровнять кривую» распространения заболевания и избежать всплеска смертности, способной привести к коллапсу национальной системы здравоохранения и даже самого государства. В-третьих, эффективность стратегий, позволяющих государству безопасно выйти из пандемии (применив масштабные программы тестирования, отслеживания источника заражения и изоляции больных) улучшит или ухудшит репутацию отдельных руководителей и общественное восприятие их компетентности и способности справляться со сложными кризисными ситуациями, а также репутацию целостности основополагающих демократических и авторитарных моделей управления. Важной частью этого третьего измерения будет способность великих держав создать и распространить новые технологии контроля за инфекциями, позволяющие отреагировать на пандемию быстро и эффективно.

Именно в этом контексте стратегическим центром притяжения политических структур Запада по-прежнему остается партнерство между Вашингтоном и Берлином. В Германии и США растущее сближение точек зрения относительно рисков и угроз, исходящих от Китая, пока еще должным образом не

отражено на политическом уровне. Что касается военного аспекта, то американская и германская концепции силы отличаются друг от друга в плане масштабов и темпов модернизации и повышения боевой готовности своих армий. В связи с этим временные рамки, детали взаимодействия и анализ рисков требуют дальнейшего согласования. COVID-19 устроил стресс-тестирование принципов и правил, которые ЕС считает своей основой и источником силы, а именно солидарности, гражданских прав, социально-экономических структур и институциональной жизнестойкости. До начала эпидемии почти не было единой точки зрения относительно нового объединяющего нарратива, который бы отстаивали и поддерживали элиты и гражданские общества. Политический класс Германии не был готов возглавить Европу в соревновании великих держав, хотя имел на руках политические инструменты для этого.

COVID-19 не следит за политическими календарями и не следует политической повестке дня, не признает государственных границ и не имеет того «я», которое можно было бы запугать или которым можно было бы манипулировать. У вируса нет гражданства и с ним невозможно говорить с позиции силы. Он не признает богатства, этническую или идеологическую принадлежность, он также не согласен с тем, что великая держава считается «слишком большой, чтобы потерпеть поражение». Более того, эпидемия этого вируса сопровождается и усугубляется падением цен на нефть и глобальной рецессией, если не депрессией.

Ис-за этих крайне серьезных обстоятельств — а не несмотря на них — COVID-19 дает возможность перезагрузить трансатлантические отношения. Пандемия — это негосударственная системная угроза, с которой ни одно государство не сможет справиться в одиночку, и которое требует обязательного четкого трансатлантического сотрудничества. Рынок ЕС представляет собой значительную силу. Европейский союз может настаивать на взаимности в отношениях с другими великими державами и может поиграть «моральными мускулами» перед Китаем и Россией, пропагандируя контрнарратив открытого общества и законности систем, основанных на праве и порядке. Поскольку суждения о способности великих держав справиться с пандемией могут формироваться на основе ощущений, то значение посланий общественности с использованием стратегических коммуникаций имеет почти такую же важность, как и реальное состояние дел.

В конечном итоге, США хотели бы видеть Европу, восприимчивую к американским идеям, товарам и услугам, поддерживающую американские интересы и способную стать партнером США в глобальном масштабе. Если Европа выйдет из пандемии ослабленной и «шатающейся», то кто-то типа России и Китая сможет установить над ней доминирование, враждебное американским интересам. Таким образом, ценности и интересы США и ЕС совпадают, и необходимо совместно направлять постоянные, скоординированные и укрепляющие единство послания в противовес российской и китайской пропаганде и дезинформации. Эти послания должны подчеркивать успешную политику Тайваня, Южной Кореи, Германии, Новой Зеландии и Японии и выделять конструктивное лидерство ЕС и США в преодолении последствий пандемии, негативно сказавшейся на мировой экономике и развитии.

В этой связи крайне важным будет укрепление глобальной системы управления в аспекте общественного здравоохранения, а также перестройка концепции глобализации с тем, чтобы повысить степень устойчивости к кризисам. Статус великой державы должен быть не только провозглашен самим государством, но еще и признан другими. Великими державами будут те государства, у которых будет политическая воля и динамичность, необходимые для преодоления разрыва между глобальными проблемами и способностью государств решить их. И поэтому необходимо совместное лидерство в этих партнерских отношениях ради общего блага в качестве основополагающего принципа, который найдет отклик если не в элитах этих государств, то в их гражданских обществах. □

СОСТЯЗАНИЕ ЗА ЦЕНТРАЛЬНУЮ АЗИЮ

АВТОР: Александр Кули

ИЗДАТЕЛЬСТВО: Oxford University Press, США

РЕЦЕНЗЕНТ: Патрик Сван, обозреватель журнала *per Concordiam*

В XIX веке Россия и Великобритания играли в геополитическую «большую игру», суть которой состояла в контроле над торговыми маршрутами из Центральной Азии через Афганистан в имперскую Британскую Индию. Сегодня эпицентр новой «большой игры» также находится в Центральной Азии, только к северу от Афганистана. На этот раз в ней участвуют в качестве игроков три великие державы: Россия, как и раньше, Соединенные Штаты вместо Великобритании и Китай на востоке. Внимание этого «стратегического треугольника» приковано к пяти бывшим советским республикам, «станам», что на языке персов означает «чье-то место» или «чья-то земля». Таким образом, Туркменистан – это земля туркмен.

На первый взгляд, нет никакой выгоды в том, чтобы контролировать Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан и Туркменистан. Некоторые из них имеют большие запасы природных ресурсов, таких как газ и нефть; у некоторых из них есть ценные минералы, спрятанные в горной местности; у других есть большие запасы воды, которая является наиболее ходовым товаром в регионе. Но хотя эти природные богатства важны для стран региона, их никак нельзя назвать уникальными товарами по мировым меркам.

Чтобы понять, почему великие державы сегодня вдруг стали такими поклонниками «станов», надо вернуться на сто лет назад к гипотезе британского географа сэра Халфорда Макиндера. В 1904 г. он настаивал на существовании «Мирового острова», охватывающего Азию, Африку и Европу, а позднее подвел итог: «Кто правит Восточной Европой, тот правит Центральным регионом; кто правит Центральным регионом, тот правит «Мировым островом»; кто правит «Мировым островом», тот правит миром». Это было важным геополитическим наблюдением, поскольку в то время «Мировой остров» содержал намного более половины известных в то время мировых ресурсов. «Центральный регион», как его назвал Макиндер, а мы его теперь называем регион «станов», давал огромные контролирующие преимущества любому, кто занимал в нем доминирующие позиции.

После того, как Советский Союз сделал «Центральный регион» своей территорией и спрятав его за «железным занавесом» коммунистического режима, теория контроля Макиндера утратила популярность, поскольку контроль СССР над этим регионом не дал ему глобального доминирования. Распад Советского Союза в конце 1991 г. освободил «станы» от правления

Москвы. Убедительная книга Александра Кули «Большие игры, местные правила, соревнование новых великих держав в Центральной Азии» рассматривает влияние великих держав на регион, анализирует их различные стратегические интересы, их инструменты влияния и оценивает их воздействие на политические институты и практическую деятельность в «станах».

Соединенные Штаты используют этот регион для своих военных баз и транспортных маршрутов в поддержку своей длительной военной кампании в Афганистане. США также оказывают дипломатическое давление, убеждая страны активизировать демократические реформы, поскольку считают, что у демократических стран больше шансов поддерживать дружеские отношения с США.

Интересы Китая базируются на желании обеспечить территориальную целостность своих западных регионов. Пекин безжалостно подавляет протесты уйгурского, преимущественно мусульманского, населения в западной провинции Синьцзян. Китай не хочет иметь политически нестабильных соседей, которые могут оказывать помощь и поддержку уйгурам, и поэтому предложил «станам» стимулы экономического развития, чтобы купить политическую стабильность в этих странах.

Россия, все еще не оправившаяся от поражения в холодной войне и от потери статуса великой державы, стремится восстановить свое геополитическое влияние в Центральной Азии, хотя и использует при этом не «жесткую», а «мягкую» силу. Она пытается задобрить эти независимые государства своим вежливым обращением с ними. Народы «станов» дали отпор российским попыткам навязать им более тесное политическое объединение, однако, помня при этом, что хотя протянутая рука России и облачена в мягкую перчатку дружелюбия, она по-прежнему крепко сжата в кулак.

Кули утверждает, что, несмотря на устрашающее влияние этих трех ядерных великих держав, страны Центральной Азии, даже самые слабые из них, не выступают в роли пассивных пешек в своем стратегическом маневрировании, а являются важными субъектами, отстаивающими свои интересы. Несмотря на языковые связи – все «станы» сохранили использование русского языка как следствие десятилетий советского правления – России все же не удастся создать более тесное

политическое объединение с этими странами, поскольку в них все еще свежи воспоминания о жесткой руке Москвы советских времен. США предлагают этому региону западные ценности через свою поп-культуру и английский язык; предлагается также и финансовая помощь. Однако, требования США немедленно провести демократические реформы только отдалили авторитарные режимы, управляемые диктаторами. Хотя Китай и не выдвигает подобных требований относительно реформ, его агрессивное инвестирование в инфраструктурные проекты угрожает ослабить политическую независимость стран Центральной Азии. Более тесные отношения с каждой из великих держав несут с собой различные наборы потенциальных выгод и угроз, и ни один из «станов» не стремится установить тесные долгосрочные отношения с какой-то одной из этих держав за счет двух других.

Решительная политика нейтралитета и сохранения независимости, отличающая Туркменистан, в той или иной степени присутствует во всех «станах». Кули поясняет, что такая конструкция позволяет элитам в странах Центральной Азии сталкивать внешние державы друг с другом. Если США оказывают слишком сильное давление в таких вопросах как демократизация, экономические реформы и более эффективное управление, то эти страны смогут найти альтернативные решения своих проблем в сфере политики, экономики и безопасности в сотрудничестве с Россией или Китаем. В то же время, «станы» могут сбалансировать давление со стороны России или Китая, неизбежное из-за их географической близости, став более открытыми для влияния США, для которого большие расстояния не помеха.

И все же, география и исторические связи не позволяют «станам» полностью отвергнуть Россию или Китай. Например, Казахстан не может игнорировать настойчивое российское влияние вдоль протяженной совместной границы; возвращающиеся на Землю российские космонавты по-прежнему приземляются на его территории. Как ни парадоксально, но один из «станов» – Туркменистан – меньше всех остальных подверженный авторитарному давлению России и Китая, имеет самое жесткое авторитарное правление в регионе. Тем не менее, хотя остальные «станы» участвуют в двусторонних военных учениях и операциях по укреплению безопасности попеременно то с Россией, то с США, то с Китаем, ни одна из этих стран не стремится к официальным долгосрочным и к чему-то обязывающим военным союзам с какой-либо из великих держав.

Кули считает искушение политиков и стратегов великих держав принять правила игры с нулевой суммой в условиях возникающего многополярного порядка в Центральной Азии трудно выполнимой задачей и взамен предлагает им сформулировать свои цели более прагматично и рационально. Региональный выигрыш для Китая, например, строительство нового трубопровода для транспортировки газа из Центральной Азии на восток, не обязательно обернется проигрышем для США и России, особенно если это снизит напряженность в вопросе региональных поставок и конкуренцию за энергоносители в других регионах мира. Точно так же появление новой российской военной базы в Кыргызстане или Таджикистане не приведет к негативным

последствиям для США, если это даст Москве достаточно авторитета и политического пространства для того, чтобы принять сотрудничество США со странами Центральной Азии в сфере безопасности.

Даже признавая возможные сценарии, при которых выиграют все три великие державы, Кули все же решил дать общую оценку их успеху в 2000-х гг. с учетом того, что является движущей силой политики в разных «станах» – выживание режима и личное обогащение элиты за счет национальных ресурсов и прикармливания «комиссионных» от иностранной экономической помощи. США должны были умерить свой энтузиазм относительно быстрой демократизации, а значит и быстрого приобретения демократических партнеров, в странах Центральной Азии.

Что касается России, то Кули отмечает, что ни одно из государств Центральной Азии не имеет желания полностью перейти под опеку России. «Если Кремль согласится на более заметную, но не исключительную роль в регионе – отмечает Кули, – то тогда привилегированный статус России в этом регионе может растянуться на еще одно поколение».

Кули объявил Китай краткосрочным победителем в этом соревновании, поскольку он «набрал большее количество очков, особенно если мы примем во внимание его первоначальную стартовую позицию». «Эффективная дипломатия [Китая] в Центральной Азии строится на его способности ловко маневрировать между отдельными составляющими этого стратегического треугольника, успевая создавать партнерские отношения как с Вашингтоном, так и с Москвой, при этом продолжая уделять основное внимание своим приоритетам в сфере безопасности». Это процветающая держава, дающая краткосрочные кредиты оказавшимся в кризисной ситуации странам, предоставляющая им помощь в экономическом развитии и льготное финансирование инфраструктурных проектов, считает Кули.

Кули составил отличное базовое учебное пособие, позволяющее понять нюансы функционирования этого стратегического треугольника великих держав. Факторы истории и географии всегда в значительной степени будут присутствовать в политических расчетах стран центральноазиатского региона, однако это присутствие не будет определяющим. Со «станами», которые стремятся быть нейтральными и независимыми – и при этом не угрожать своим соседям – может успешно сотрудничать любая из великих держав, извлекая при этом обоюдную пользу в таких аспектах как экономика, политика и безопасность. Причем этого можно достичь даже при сохранении авторитарных режимов в этих странах. Поскольку у США и у Западной Европы нет никаких замыслов относительно изменения географии региона и нет давней политической или военной враждебности в отношении Центральной Азии, то они занимают привилегированное положение в этой новой «большой игре», которого России и Китаю будет трудно добиться. «Центральный регион» открыт для всех трех великих держав, но не кланяется ни одной из них. Для США и их союзников этот вариант, который не допускает российского или китайского доминирования в регионе, может оказаться вполне приемлемым. □

Стационарные курсы

Democratia per fidem et concordiam

Демократия через доверие и дружбу

Отдел регистрации

George C. Marshall European Center for
Security Studies
Gernackerstrasse 2
82467 Garmisch-Partenkirchen
Germany
Телефон: +49-8821-750-2327/2229/2568
Факс: +49-8821-750-2650

<https://www.marshallcenter.org>
registrar@marshallcenter.org

Порядок регистрации

Европейский центр исследований по вопросам безопасности имени Джорджа К. Маршалла не принимает заявлений напрямую. Заявления на все курсы должны поступать через соответствующее министерство и посольства США или ФРГ в стране проживания кандидата. Тем не менее, отдел регистрации слушателей готов помочь кандидатам инициировать процесс. Запрос можно направить по электронному адресу: registrar@marshallcenter.org

Обновленное расписание курсов выставлено на вебсайте Центра им.Маршалла

ПРОГРАММА ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ БЕЗОПАСНОСТИ (ПАСС)

Основной курс очного обучения Центра им. Маршалла охватывает такие сферы, как политика безопасности, вопросы обороны, международные отношения, включая международное право и борьбу с терроризмом. Основной темой, рассматриваемой на протяжении всей программы, является необходимость международного, межведомственного и междисциплинарного сотрудничества.

ПРОГРАММА «БОРЬБА С ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ» (БТОП)

В центре внимания этой программы очного обучения находятся угрозы национальной безопасности, исходящие от контрабандных операций и других преступлений. Курс рассчитан на правительственных и государственных чиновников и практических работников, которые занимаются разработкой политики, правоохранительной и разведывательной деятельностью, а также операциями перехвата.

ПРОГРАММА «ТЕРРОРИЗМ И ВОПРОСЫ БЕЗОПАСНОСТИ» (ПТВБ)

Эта программа рассчитана на государственных служащих и офицеров вооруженных сил, которые в настоящее время работают на среднем и высшем уровнях управления организаций по борьбе с терроризмом, и она содержит сведения о характере и масштабах современной террористической угрозы. Программа повысит способность слушателей бороться с последствиями терроризма на региональном уровне за счет предоставления основных знаний, которые позволят служащим органов национальной безопасности сотрудничать на международном уровне в деле борьбы с террористической угрозой.

СЕМИНАР ДЛЯ ВЫСШЕГО РУКОВОДЯЩЕГО СОСТАВА (СВРС)

Это интенсивная программа, посвященная новым ключевым глобальным тенденциям, которые могут привести к появлению новых точек зрения, концепций и совместных обсуждений, а также возможных решений. Программа предназначена для высшего офицерского состава, дипломатов высокого ранга, послов, министров, заместителей министров и парламентариев. СВРС состоит из официальных презентаций, проводимых высшими должностными лицами и признанными специалистами, с последующим всесторонним обсуждением в семинарских группах.

ПРОГРАММА ПО ИЗУЧЕНИЮ ВОПРОСОВ КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ (ПВКБ)

Курс посвящен тому, как решать проблемы киберпространства в соответствии с основополагающими ценностями демократического общества. Это нетехническая программа, которая помогает участникам понять характер и масштабы современных угроз.

СЕМИНАР ПО РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ (СРБ)

Цель семинара – систематический анализ характера отдельных кризисов, влияния региональных субъектов, а также воздействия международных мер помощи.

В следующем выпуске журнала *per Concordiam*:

ПОДГОТОВКА СПЕЦИАЛИСТОВ В СФЕРЕ КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ: ОБЩЕМИРОВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

ПРОГРАММЫ ДЛЯ ВЫПУСКНИКОВ

Кристофер Бурелли

Директор, программ для выпускников

тел +49-(0)8821-750-2706

christopher.burelli@marshallcenter.org

Языки: английский, словацкий, итальянский, немецкий

Специалисты по связям с выпускниками

Дру Бек

Западные Балканы,
франкоговорящая Африка

Языки: английский,
французский

тел + 49-(0)8821-750-2291
ryan.beck@marshallcenter.org

Йохен Рихтер

Западная Европа

Языки: немецкий, английский

тел + 49-(0)8821-750-2814
jochen.richter@marshallcenter.org

Марк Джонсон

Восточная Европа, Кавказ,
Центральная Азия;
Специалист по кибервопросам

Языки: английский, русский,
французский

тел + 49-(0)8821-750-2014
marc.johnson@marshallcenter.org

Фрэнк Льюис

«Вышеградская четверка», Прибалтика,
Ближний Восток, Южная и Восточная Азия;
специалист по противодействию терроризму

Языки: английский, немецкий

тел + 49-(0)8821-750-2112
frank.lewis@marshallcenter.org

Донна Джанка

Северная и Южная Америка, англоговорящая
Африка, Восточные Балканы, Монголия;
специалист по борьбе с транснациональной
организованной преступностью (БОП)

Языки: английский, немецкий

тел + 49-(0)8821-750-2689
nadonya.janca@marshallcenter.org

mcalumni@marshallcenter.org

Подать материал для публикации

Отправляйте статьи и отзывы в Центр им. Маршалла по адресу: editor@perconcordiam.org

Подписаться

Если Вы хотите подписаться на **БЕСПЛАТНУЮ** доставку журнала *per Concordiam*, пожалуйста, свяжитесь с нами по электронной почте editor@perconcordiam.org

Найти нас

Вы можете найти *per Concordiam* в интернете по адресу:

Центр им. Маршалла: <https://www.marshallcenter.org>

Фейсбук: <https://www.facebook.com/PerConcordiam>

Твиттер: https://www.twitter.com/per_concordiam

GlobalNET портал: <https://members.marshallcenter.org>

Цифровая версия: <https://perconcordiam.com>

Европейский центр исследований по вопросам безопасности имени Джорджа К. Маршалла в Гармиш-Партенкирхене Германия.

ФОТОГРАФИЯ ПРЕДОСТАВЛЕНА ЦЕНТРОМ ИМ. МАРШАЛЛА